

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

КАРИН КАЛВЕРТ

ДЕТИ В ДОМЕ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
РАННЕГО ДЕТСТВА, 1600 — 1900

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое Литературное Обозрение

KARIN CALVERT

CHILDREN IN THE HOUSE

**THE MATERIAL CULTURE OF
EARLY CHILDHOOD, 1600 — 1900**

**NORTHEASTERN UNIVERSITY PRESS
BOSTON
1992**

КАРИН КАЛВЕРТ

ДЕТИ В ДОМЕ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

РАННЕГО ДЕТСТВА, 1600 — 1900

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА

2009

УДК 930.85:392.3(73) "16/18"
ББК 60.542.14(7Coe)+7104(7Coe)
К 17

*В оформлении обложки использована
картина Яна Стена «Родины» (1664)*

Редактор серии А. Красникова

Калверт К.

К 17 Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900 / Пер. с англ. О. Кошелевой, И. Савельевой, В. Безрогова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 272 с.

Недоразвитые взрослые, сыновья и дочери природы или невинные ангелочки? Как и почему менялось отношение к детям и детству? Как за детьми ухаживали и как их воспитывали? В своем блестящем исследовании Карин Калверт рассказывает об истории американского детства, анализируя изменения материальной культуры XVII–XIX веков.

УДК 930.85:392.3(73) "16/18"
ББК 60.542.14(7Coe)+7104(7Coe)

ISBN 978-5-86793-736-2

© 1992 by Karin Calvert

© О. Кошелева, И. Савельева, В. Безрогов, перевод с английского, 2009

© «Новое литературное обозрение», 2009

Перевод книги осуществлен при поддержке Фонда Спенсера (The Spencer Foundation, USA) в рамках Программы «Развитие социальных исследований образования в России» (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

© Художественное оформление. Новое литературное обозрение, 2009

Браунде и Говарду Фишбек
и
Йену Дэвиду Калверту

ПРЕДИСЛОВИЕ

В любом обществе есть собственное понимание детства, его природы, границ и продолжительности. Взрослые могут не обсуждать это понятие, не писать и даже сознательно не задумываться о нем, но во всех своих отношениях с детьми, в страхах и надеждах они действуют на основе своих представлений о природе детства. Каждая культура определяет, что означает быть ребенком, как дети должны выглядеть и действовать, что ожидается от них, а что нет. Старшие дети учатся приспосабливаться к модели личности, поощряемой обществом, стараясь быть «настоящими» женщинами или мужчинами, послушными или озорными, невинными или искушенными, — в соответствии с ожиданиями общества. Однако у очень маленьких детей способность воспринимать такие пожелания и вырабатывать соответствующие навыки развита еще недостаточно.

Родители имеют дело с многочисленными несоответствиями между индивидуальностью ребенка и культурным идеалом. Они полагают, что в их ребенке заложено все, чем он должен стать. Сегодня мы говорим себе и друг другу, что любая маленькая девочка изящна, мила и кокетлива, а мальчик силен, храбр и мужественен. Мы видим

многообещающие признаки интеллекта или таланта во всем, что делают младенцы. Родители также физически воздействуют на детей, чтобы поощрить желательное поведение. Современные родители, например, более склонны обнимать и ласкать девочек и бросать и подкидывать мальчиков, чтобы одновременно и подтвердить, и поощрить надлежащую гендерную идентификацию. Родители также зависят от одежды, мебели и других материальных предметов, специально разработанных, чтобы изменять внешний вид или поведение детей в соответствии с социальными и культурными ожиданиями. Большую часть XX столетия мы, например, твердо придерживались удивительно устойчивых правил, регулирующих выбор цвета детской одежды: розовый (а с недавних пор еще и бледно-лиловый) для девочек, голубой для мальчиков. В этот «кодекс» входит множество других правил. Только девочки могут носить оборки на плечах комбинезончиков или кружева на одежде для игр. И мальчики, и девочки могут иметь волосы разной длины, но только маленьким девочкам дозволено украшать волосы заколкой. В эпоху, подчеркивающую свободу, самовыражение, равенство, такие строгие и детализированные правила кажутся весьма курьезными, но они, однако, выполняют важную социальную функцию. Одежда ребенка говорит каждому, мальчик это или девочка; благодаря данному сообщению с ребенком будут общаться принятыми в данном социуме способами, закрепляя таким образом за ним роль, которая ожидается от него в будущем. Розовая и голубая одежда детей стала свидетельством важности ранней идентификации пола в обществе, где лишь немного представляется столь определенным. Это сообщает нам кое-что о наших собственных страхах, предубеждениях, предпочтениях. Предметы, используемые в воспитании детей, кардинально менялись с течением времени, но всегда не только удовлетворяли физические потребности детей, но и выполняли другие

важные функции. Они отвечали потребности родителей воспитывать младенцев в соответствии с образом, принятым в культуре данного времени.

Связь между вещами и культурными конструктами делает изучение материальной культуры важным ключом к открытию базовых убеждений и положений того или иного общества, которые редко проговариваются, и позволяет обнаружить социальные страхи, которые слишком эмоционально нагружены и не лежат на поверхности. В прошлом некоторые родители, конечно, излагали свои взгляды на надлежащее воспитание и оставили воспоминания о собственном детстве¹. Некоторые признанные авторитеты своего времени и, в частности, известные врачи писали о методах воспитания детей и способах лечения детских болезней. Большинство родителей, однако, считали заботу о маленьких детях самым обычным делом и не утруждали себя тем, чтобы писать об этом, если вообще умели писать.

Дети описывали свою повседневную жизнь еще реже. Те из них, кому было менее семи лет (группа, особенно интересующая нас в рамках данного исследования), были, как правило, неграмотными и не умели выражать свои мысли. Те дети, которые писали о своей жизни, делали это явно в соответствии с инструкциями взрослых («обязательно скажите тетушке Гарриет, что вам очень понравился ее подарок»), или под наблюдением, или с учетом того, что их письма, сочинения и дневники могут быть прочитаны другими членами семейства в любое время. Например, десятилетняя Кэролайн Ричардс из Канандайгуа, штат Нью-Йорк, написала, что, поскольку ее старшие родственники имеют право читать ее дневник, она не осмеливается все ему доверять². Право на секреты появилось у детей совсем недавно. Раньше предполагалось, что родители могут читать дневники и переписку своих детей. Дети очень редко прорывались сквозь ограничения традиционных норм приличия

и родительского контроля, чтобы написать о том, что они действительно чувствовали. Поскольку примеров решительных и способных выражать свое мнение детей крайне мало, мы тем более очарованы прямоотой девочки из штата Мэриленд, которая в 1800 году аккуратно вышила крестиком следующие слова: «Пэтти Полк сделала это, и она ненавидела каждый сделанный ею стежок. Она гораздо больше любит читать»³. Лишь немногие взрослые и дети писали о методах и целях распространенных воспитательных практик, поэтому основную информацию мы можем получить, задавая вопросы вещам, использовавшимся в воспитании. Предметы стали материальными свидетельствами, с помощью которых прослеживаются культурные изменения.

В XVII веке на снаряженный к отплытию в Новый Свет «Мэйфлауэр» принесли колыбель для маленького Перегрина Уайта. С тех пор американские родители использовали для ухода за детьми вожжи и табуреты для ходьбы (ходунки), пеленки, корсеты, колыбели и детские кровати с решетчатыми стенками по бокам, санки, кукол, качающихся лошадок, панталоны, детские коляски, высокие стульчики, плетеные колыбели, коврики для ползания. Однако ни один из этих предметов не оставался в обиходе постоянно. Скорее несколько типов предметов для детей существовали какое-то время, а затем исчезали — вместо них появлялся новый и весьма отличающийся от предыдущего набор вещей, которые считались необходимыми для должного ухода за ребенком. Анализ таких наборов помогает раскрыть характер повседневной жизни детей в тот или иной исторический момент, а также многое рассказывает о родительских убеждениях и тревогах. Формы родительской заботы в свою очередь были непосредственно связаны с представлением общества о сущностной природе детей.

Малый мир, который родители создают для своих детей, очень многое говорит о месте, отведенном детям в

большом мире. Ключом к открытию этого мира может служить реконструкция идей, лежащих в основе популярности тех или иных материальных предметов, предназначенных для ухода за детьми и их воспитания. Например, подчеркивает ли костюм конкретной эпохи различия пола или различия в возрасте? Поощряет ли конструкция мебели для младенцев самостоятельность и активность или ее главной целью является защита ребенка и его удобство? Были ли детские вещи простыми и функциональными или сложными и статусными? Имелись ли в пределах дома особые комнаты, предназначенные для детей, и если так, где они были расположены, как обставлены и сколько времени дети проводили в них? Когда мальчик переодевался из детского костюмчика во взрослое платье и переходил из детской комнаты в помещение для взрослых? Какие игрушки, если таковые вообще имелись, были доступными и какие гендерные или возрастные ограничения были связаны с игрушками? Как жилось детям в тот или иной период американской истории и как опыт детства влиял на последующую жизнь? Как родители использовали одежду, игрушки и мебель, чтобы создавать, предписывать или поощрять социально правильное поведение своих маленьких детей?

Любой предмет может нести в себе многочисленные функции или значения. Лишь некоторые из них актуальны в данном обществе в данное время. Кукла, например, может быть детской игрушкой, но иногда она является и предметом религиозного культа, магическим фетишем, манекеном, статуэткой, произведением искусства, объектом коллекционирования и вложения денег. Одна вещь могла выполнять несколько разных функций одновременно. В XVII веке отросток красного коралла в серебряной рукояти, окруженный крошечными серебряными колокольчиками, служил прекрасной погремушкой, прорезывателем, амулетом, материальным символом богатства родителей

и их высокого статуса; наконец, как и любое изделие из серебра, своеобразной инвестицией.

Точно так же предмет может выполнять одну из трех нижеперечисленных функций или все три одновременно. Он может иметь одно или более из *техномических*, практических применений. О гладкую поверхность коралла детской погремушки, например, младенцы чесали зубы, а родители рассматривали коралл как средство защиты детей от сглаза. Предмет может также выполнять *социотехническую* функцию, упрощая общение людей или передавая окружающим информацию о владельце. Высокая стоимость серебряной оправы, коралла и колокольчиков свидетельствовала о зажиточности семейства. Наконец, предмет может выполнять *идеотехническую* функцию, выступая как часть символического словаря, выражающего или подтверждающего верования и ценности данной культуры⁴. Коралл с колокольчиками — одна из немногих игрушек, сделанных специально для маленьких детей в XVII столетии, — на долгие годы вошел в обиход, став символом младенчества.

У одного предмета может быть несколько разных значений, а группы предметов (в нашем конкретном случае предназначенные для ухода за маленькими детьми) могут иметь общие значения и поэтому указывать на представления и способы восприятия действительности, распространенные в данном обществе. По мере того как основные культурные представления изменяются во времени, предметы, связанные с ними, становятся бесполезными, совсем исчезают или подвергаются модификации, и появляются новые вещи, отвечающие новым потребностям. Большая часть детской мебели XVII столетия была разработана с целью побыстрее поставить младенцев на ноги и помочь им перемещаться, а основная задача мебели XIX века состояла в том, чтобы как можно дольше удерживать детей в гори-

зонтальном положении и в пределах специально отведенного для них пространства. Разные культурные установки предполагают очень разное отношение к потребностям и важнейшим интересам ребенка. Предметы взаимосвязаны между собой: это означает, что, когда один предмет выходит из употребления, другие тоже становятся непригодными. Например, когда американские родители, прежде всего по социальным причинам, отказались от пеленания, ограничивающего движения младенца, они в конце концов отказались и от колыбели по простой причине — ведь активных, не связанных пеленками младенцев оставлять в колыбели было уже небезопасно.

До середины XVIII столетия в западной культуре было очень мало предметов, предназначенных специально и исключительно для детей, и изменялись они очень незаметно и очень медленно. Затем, между 1750 и 1850 годами, многие родители, принадлежавшие к среднему классу, дважды исключили из обихода и заменили все популярные формы детской мебели, одежды и игрушек, причем каждое изменение было довольно резким. Такой радикальный отказ от старых и создание новых вещей для повседневного ухода за детьми и воспитания свидетельствовал о глубоком изменении восприятия обществом природы детства и его отношения к детям.

У американских детей, рожденных до середины XVIII столетия, было весьма мало вещей, созданных специально для них. Эти предметы: колыбель, пеленки, табуреты для стояния (стоялки), табуреты для ходьбы, вожжи — принуждали ребенка лежать прямо, стоять прямо, ходить прямо. Связь взросления с идеей прямооты как в физическом, так и в морально-психологическом смысле была одним из существенных положений той эпохи, поскольку идея о связи взрослости и выпрямленности наряду с другими идеями определяла одно из главных различий, отделяющих

человечество от животного мира. Младенцы занимали подозрительно неопределенное положение между вертикально ходящими людьми и бегающими на четырех лапах животными. В XVII столетии считалось, что самостоятельно младенцы не смогут превратиться в цивилизованных и способных функционировать в обществе взрослых. Чтобы быстро ввести ребенка во взрослое общество, привить определенные образцы поведения и добиться на первых порах хотя бы подобия взрослого облика и поведения, родители использовали специальные приспособления.

К середине XIX столетия традиционные формы детских вещей исчезли вместе с опасениями относительно животной природы детей и были заменены совершенно новыми и отличными от предыдущих. Детская кроватка, высокий стульчик, качели, прогулочная коляска — все эти предметы служили теперь барьерами между ребенком и взрослым миром. Они сдерживали, ограничивали, изолировали маленьких детей, которые еще были лишены самообладания или достаточной осторожности. Вместо мира, в котором ребенок непосредственно участвовал в жизни взрослых, многие родители XIX века создали для своих чад отдельный мир, наполненный специальными предметами, действиями и ритуалами, которые подчеркивали явные различия между детьми и взрослыми. Ориентируясь на характерный для эпохи сентиментальный образ непосредственного и невинного ребенка, родители возводили барьеры, чтобы защитить своих подрастающих отпрысков от телесных повреждений, искушений и мирской грязи.

На протяжении двух столетий после начала европейской колонизации распространенное в американском обществе восприятие детей существенно менялось. Сначала господствовали преувеличенные опасения, связанные с неполноценностью детей, затем от детей ожидали значительной самостоятельности, а после 1830-х годов

их наделили почти небесным совершенством. В каждый период в детских вещах отражались как социальные ожидания, связанные с представлениями о природе детства, так и повседневные реалии ухода за детьми. До 1750 года приспособления для детей быстро «выталкивали» их из состояния младенчества, сопряженного, как казалось, с очевидными опасностями, в более взрослое состояние, а к XIX веку другие предметы уже защищали ребенка и продлевали предполагаемую радость и невинность детства. Мы проследим за материальной культурой детства до конца XIX века, поскольку сложная и многоаспектная история детства XX столетия сама по себе является темой для целой книги.

Исторические свидетельства позволяют выделить два периода заметных и широко распространившихся перемен, происходивших до начала XX века. Первый начался около 1750 года и достиг кульминации в 1770-е годы, второй пришелся на 1830–1840-е годы. Источники свидетельствуют, что на каждом этапе изменились фактически все аспекты повседневной жизни маленьких детей. Старые формы одежды исчезли, их сменили радикально новые. Точно так же традиционные формы мебели уступили место очень отличающимся от них предметам. Изменения произошли и в том, как и где дети спали, и в том, как о них заботились, и в том, какие прозвища были распространены и какие игрушки доступны. Количественный анализ одежды, игрушек, детской мебели, репрезентаций ребячества, проведенный на материале 900 детских портретов, показывает серьезные изменения в восприятии облика детей и их ролей, произошедшие между 1730 и 1830 годами⁵. Полученные таким образом данные были подтверждены анализом изменений книг для детей, родительских писем и дневников, а также руководств по воспитанию детей, оставшихся от тех времен. Это не означает, что каждый родитель решительно отринул знакомые

методы воспитания детей и с готовностью подхватил новые идеи. Процесс зависел от того, на каком этапе семейной жизни находились родители. Пары, родившие первенца, обычно больше интересовались новым, чем те, у кого уже были дети. Степень распространения новшеств зависела и от места жительства, поскольку новые идеи проникают сначала в города, и от прихотей и склонностей конкретных родителей. Поэтому даты остаются только приблизительной отметкой, указывающей на момент, в который изменение в социальных образах стало очевидным. В некоторых семьях и общинах старые методы воспитания детей сохранялись довольно долго после того, как были отвергнуты большинством родителей. Периодизация, предложенная здесь, указывает только время существенных изменений в методах воспитания, произошедших в значительном числе семей среднего класса.

Нормативные, принятые на тот или иной момент методы воспитания детей и характерное для этих методов видение взрослыми детской природы пользовались значительным влиянием, но ни в коем случае не были универсальными. Многие семьи рабочих и иммигрантов продолжали и в Америке XX столетия практиковать методы воспитания, повсеместно исчезнувшие здесь уже к 1750 году. Я рассматриваю лишь нормативную культуру; чтобы исследовать разнообразие методов воспитания, фактически существовавших в тот или иной момент в Америке, нужны отдельные исследования.

Хотя мы анализируем материальные предметы, связанные с воспитанием детей в Америке, в наших выводах лишь немного является уникальным именно для этой страны. Как правило, совершающие трансатлантические путешествия иммигранты приносили с собой западноевропейские социальные и культурные установки. Американцы продолжали покупать европейские товары, организова-

ли пространство жизни так же, как и их европейские современники, читали издававшиеся в Европе книги, газеты и журналы. Люси Ларком так писала о специфической двойной англо-американской идентичности, существовавшей на протяжении долгого времени (эта двойственность в значительной степени оставалась актуальной и для ребенка, выросшего в Новой Англии в первой половине XIX столетия):

«Наши близкие отношения со Старой Англией иногда вводили нас, подростков, в некоторое заблуждение. Условия нашей жизни были полностью отличны от английских, но мы читали описывающие Англию истории и пели ее песни, как будто они касались и нас. Одна из первых вещей, которые я училась повторять, — полагаю, что это было в книге упражнений по правописанию, — начиналась со стиха:

Всевышним щедро награжден
Был я, едва на свет рожден,
Судьбою точно привечаем —
Счастливый юный англичанин⁶.

Большинство изменений, которые произошли в восприятии детства в Америке, имели место и в Европе. Там каждое государство или этническая группа переживали перемены, но все они шли в собственном темпе, по-своему толкуя общие тенденции, приспособлявая их к местным традициям. Например, немецкие родители дарили детям больше игрушек и покупали больше детской мебели, чем англичане, но цеплялись за традицию пеленания намного дольше, чем остальные. В XIX веке в Америке дети были важной заметной частью семьи, в то время как многие английские дети постепенно «исчезли» в отделенном от взрослых мире — сначала в детской с няней, а позднее в школе-интернате. Однако европейские теории, тенденции,

книги, моды, предметы, которые проделали путь через Атлантический океан, разумеется, повлияли на американские воспитательные практики. Они — настолько же часть американской традиции воспитания детей, насколько Америка — часть западной культуры.

История детства сосредоточилась в настоящее время на двух взаимосвязанных проблемах: признавалось ли детство в западной традиции отличным от зрелости и каков был характер эмоциональной связи между родителем и ребенком. Ф. Арьес определил предмет этих дебатов в своей книге «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», оказавшей значительное влияние на исследования детства*. Прежде всего он установил, что концепция детства складывалась на Западе постепенно. Хотя большинство свидетельств Арьес почерпнул из французских источников и лишь изредка ссылался на английский опыт, он считал свои результаты применимыми ко всей западной культуре. Арьес доказывает, что средневековое общество не признавало детство особой стадией человеческого развития с его собственными характеристиками, потребностями и ограничениями. Дети были просто маленькими членами взрослого общества. Они участвовали в той же работе, что и взрослые, носили одежду тех же фасонов и довольствовались теми же развлечениями. Только в XVII столетии, настаивает Арьес, появляются представления о детях как о существах, которые не просто меньше взрослых, но и существенно отличаются от них. Увидев это, родители начали ограничивать доступ детей к взрослым видам жизнедеятель-

* Первое издание книги Арьеса вышло на французском языке в 1960 году. Автор пользуется переводом на английский 1962 года. В 1999 году книга была издана на русском: *Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург, 1999. (*Постраничные сноски здесь и далее — прим. перев.*)

ности и предлагать им более интенсивные и специализированные формы обучения и дисциплины. По мнению Арьеса, XVII столетие явилось водоразделом между «до» (появления представления о детстве как особом этапе в жизни человека) и «после» (возникновения такого понятия). Развитие концепций детства с тех пор прогрессировало очень быстро.

Многие из своих предположений о средневековом обществе Арьес основывает на отсутствии заметных различий между взрослыми и детьми. Средневековые дети, например, одевались как их родители и принимали участие во взрослых видах деятельности. Поэтому на изображениях того времени дети выглядели как взрослые. К сожалению, отсутствие значительного количества провозглашаемых различий в любой конкретной области еще не есть свидетельство отсутствия признаваемых различий между социальными группами. Общество, в котором существует специальный костюм для детей, явно воспринимает их как находящихся вне мира взрослых и хочет выразить эту обособленность визуально. Однако другое общество может иметь столь же хорошо развитую концепцию особой природы детства, но не стремится дать ей «портновское выражение». Такая ситуация должна быть весьма понятной в обществе, где мужчины и женщины всех возрастов и социальных групп носят синие джинсы и теннисные туфли, и при этом для них важны категории возраста, социального статуса и пола. То обстоятельство, что средневековые дети одеты как взрослые, еще не является доказательством неразвитости средневековой концепции детства вообще. Отсутствие свидетельства не есть свидетельство отсутствия.

Арьес утверждает, что, хотя некоторые средневековые родители и были сильно привязаны к детям, многие относились к своим отпрыскам равнодушно. Благодаря развитию в XVII столетии представлений об особой природе

детей о них начали больше заботиться, но при этом дети потеряли свободу, так как теперь считалось, что они нуждаются в строгой дисциплине и контроле. Другие ученые предлагают еще более жесткую интерпретацию, рассматривая историю детства как устойчивое последовательное движение от холодного и сурового прошлого к просвещенному настоящему. Эдвард Шортер в книге «Возникновение семьи Нового времени» доказывает, что до Нового времени родители были в лучшем случае безразличны к своим детям. Дэвид Хант в своем труде «Родители и дети в истории» опирается на записки доктора Хероарда о воспитании будущего короля Людовика XIII и экстраполирует их на французов в целом. Если младенец Луи рассматривался окружавшими его взрослыми как полезная собственность, рассуждает Хант, то насколько хуже должна была быть жизнь обычных детей! Ллойд де Моз намного более пессимистичен, описывая длинную, темную и жестокую историю отношений родителей и детей. Для него история детства — это практически история жестокого обращения с детьми. Только сравнительно недавно, говорит де Моз, западное общество создало для детей атмосферу любви и ласки⁷.

Утверждение об отсутствии самого понятия детства недавно было оспорено. Росс Билз, например, приводит убедительную цитату, доказывающую, что пуритане в Новой Англии XVII столетия четко различали младенцев, юнцов и взрослых. С утверждением, что до начала Нового времени к большинству детей относились безжалостно и черство, не согласны ученые, которые нашли свидетельства того, что родители и тогда любили своих детей и беспокоились о них. В книге «Внутри большого дома» Дэниел Блейк Смит исследует письма, написанные плантаторами Чезапики и их женами, в которых они нежно говорят о своих маленьких детях, с любовью описывая их проделки и достижения. Смит рисует безусловно радостную картину жизни богатых

плантаторов. Там нет плохих или нерадивых родителей; даже рабство используется во благо, так как оно развивает у совсем маленьких детей рабовладельцев уверенность в себе и дает им возможность научиться управлять другими⁸.

Убедительная ревизия концепции Арьеса предпринята в книге «Забытые дети» Линды Поллок, в которой основательная историография предмета сочетается с тщательным анализом нескольких сотен дневников начиная с 1500 года и заканчивая 1900. Поллок приводит заслуживающие внимания свидетельства того, что в каждом изученном ею столетии родители были привязаны к своим детям, признавали наличие у них нескольких различных стадий развития, наказывали детей, но не злоупотребляли этим, и беспокоились о нынешнем и будущем благосостоянии своего потомства. На этом основании Поллок заключает, что «в пределах дома в XVI–XIX веках произошло очень мало изменений в проявлениях родительской заботы и в жизни детей, если не считать социальных перемен и технологических усовершенствований»⁹.

История детства часто искажается вследствие презентистского подхода. Те, кто находит значительное различие между детством прошлого и настоящего, видят «вчера» плохим, а «сегодня» хорошим, утверждая, что прогресс налицо. Те же, кто считает надежды и чувства родителей неизменными на протяжении веков, доказывают, что детская жизнь изменилась очень мало. В длинных платьях или комбинезонах, с букварями в костяных обложках или компьютерами, дети всегда живут примерно одинаково. Обе эти позиции представляются сильно преувеличенными.

Найдется достаточно свидетельств того, что всегда были разные родители: любящие, небрежные и жестокие. Изменялось ли с течением времени соотношение этих трех групп? Ответ зависит от того, выражает ли исследователь современный взгляд на то, какое поведение считать правильным и соответствующим интересам ребенка,

или руководствуется представлениями изучаемого периода. Природа ребенка определялась по-разному в разные эпохи. То, что считалось хорошим или плохим для детей в одно время, рассматривалось совершенно в ином свете в другое, и любящие родители одной эпохи могли вести себя диаметрально противоположным образом по отношению к практике, принятой в другие времена.

Проблема, таким образом, не в решении вопроса, любили ли родители своих детей, а в том, как они вели себя по отношению к детям, которых любили. Определенный образец родительского отношения к детям не предполагает, что это единственный способ поведения. Концепция детства поразительно менялась во времени вместе с изменениями в социальной структуре и культурных установках, с технологическими новшествами, которые заставляли родителей отрицать образцы воспитания детей, принятые предшествующим поколением. Ход этих изменений был не столько продвижением от традиционного воспитания к современному (если понимать под этим переход от плохого к хорошему), сколько последовательной сменой альтернативных подходов. Каждая последующая стадия в истории детства имела свои положительные и отрицательные черты. Приобретая что-то в одной сфере жизни, дети обычно теряли что-то в другой.

Все родители разные. Большинство из них чувствуют привязанность к детям даже в самых трудных условиях, хотя не обязательно постоянно или не обязательно одинаково по отношению ко всем своим детям. А некоторые родители могут быть жестокими при любых обстоятельствах. Вместо попыток проникнуть в мысли и сердца родителей мы, возможно, получим больше информации, если посмотрим на детский опыт прошлых столетий. Как о детях заботились? На какие наклонности обращали внимание, а какими пренебрегали? Как они проводили свои

дни и где — ночи? Некоторые ученые уже подвергли тщательному анализу жизнь семьи. Джон Демос изучал семью пуритан в Новой Англии XVII века, пытаясь определить на основе материальных свидетельств, каково было жить в том обществе¹⁰. Майкл Цукерман исследовал дневник Уильяма Бёрда, жившего в Вирджинии в XVIII веке, чтобы реконструировать уровень и способ вовлеченности главы семейства во взаимоотношения с семьей, рабами, соседями и равными ему по положению¹¹. Каждое исследование дает богатую, сложную, иногда противоречивую и неприглядную картину семейной жизни.

Независимо от того, какую позицию занимали ученые, они рассматривали детство как целостную историческую категорию. Большинство исследователей уделяют мало внимания классовым различиям, воздействующим на отношение к детям или методы воспитания. Сведения, имеющиеся в большинстве работ по детству, получены на основе изучения документов и артефактов, оставленных средним и высшим классами в Америке и средним классом и аристократами в Европе. Те ученые, которые описывали длительное жестокое прошлое западных воспитательных практик, обычно предполагали, что условия были еще более суровы для детей рабочих. Те, кто заявляет, что родители всегда были нежны и заботливы, цитируют свидетельства о том, что бедные родители испытывали чувство вины и сожаления по поводу лишений, переносимых их детьми, или тяжелого груза работы, который те были вынуждены тащить на себе. Но на данный момент существует слишком мало специальных исследований, реконструирующих жизнь именно бедных детей. Изучение детей рабочих и иммигрантов необходимо и должно стать отдельной темой.

Цель этой книги состоит в том, чтобы выйти за пределы проблем, вокруг которых концентрировалась большая

часть исследований истории детства в последние два десятилетия, а именно: существовала ли в прошлом концепция детства и чувствовали ли родители привязанность к своим малышам. Я предполагаю, что какая-то концепция детства существовала всегда, хотя она, возможно, значительно отличалась от нынешней; и что многие родители искренне любили своих чад, хотя чаще — несмотря на принятое восприятие детей, чем вследствие него. Я рассматриваю такие источники, как письма, дневники, автобиографии, руководства по воспитанию детей, детская мебель, игрушки, одежда, произведенные грамотным, довольно богатым средним классом или для него. Эти и другие группы исторических источников составляют значительный ресурс, их изучение может добавить много существенного к нашей картине детской жизни в прошлом. Они заслуживают пристального внимания. С помощью этих источников мы можем воссоздавать детальные описания повседневной жизни, многое узнавать о детях, родительском воспитании, семье и в целом об обществе, претерпевающем изменения. Цель данной работы состоит не в том, чтобы рассмотреть социальные группы, которые пока не попадали в поле зрения, а в том, чтобы посмотреть еще раз на уже изученную группу, но под другим углом.

Важно отметить, что влияние среднего класса в американском обществе было несопоставимо с его численностью. Иммигранты или рабочие обычно растили своих детей так же, как воспитывали в свое время их самих, изменяясь гораздо более медленно и менее радикально, нежели другие социальные классы, но с течением времени они часто фактически меняли свои воспитательные методы, и эти изменения имели тенденцию следовать за образцами, установленными средним классом. Например, на фотографиях квартир доходных домов в Нью-Йорке, сделанных Джейкобом Рисом в начале XX столетия, мы видим белые металлические кровати

ки и деревянные высокие стулья — предметы, в предыдущие 60 лет представленные только в буржуазных домах.

В работах о детстве значением гендерных аспектов для концепций детства пренебрегают даже более, чем классовыми различиями. Большинство ученых просто смешивают сведения о мальчиках и девочках или экстраполируют их, чтобы создать монолитную историю детства того или иного периода. Выглядит подобная позиция так, словно ученые предполагают, будто мальчики и девочки воспринимались взрослыми одинаково, что их любили (или ими пренебрегали) в одинаковой степени и что они обладали одинаковым опытом детства. Арьес подтверждает, что детство французских девочек очень отличалось от детства их братьев. Фактически, в то время как основной тезис его книги «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» состоит в том, что концепция детства как отдельной эпохи в истории человека была впервые признана в XVII столетии, ставшем поэтому великим водоразделом в истории детства, он, тем не менее, мимоходом упоминает в начале книги, что на самом деле ни одно из изменений, им описываемых, не относится к девочкам, что тогда действительно «первыми детьми, отделенными от взрослых, были именно мальчики» и что его заключения будут поэтому основаны только на данных о жизненном опыте мальчиков. Так как многие доводы Арьеса опираются на изменяющуюся природу французской школьной системы XVII века (из которой девочки были исключены), его книга могла бы точнее называться «Мальчик и семейная жизнь при Старом порядке». Точно так же Хант сосредотачивается на младенчестве Людовика XIII, распространяя свои результаты на общество в целом; но ведь он изучает жизнь мальчика, а экстраполирует ее на детей обоих полов. Будь ребенок девочкой, даже девочкой королевских кровей, было бы у нее такое же детство, как у маленького Луи?¹²

В любой период, какой бы мы ни выбрали для изучения, жизнь мальчиков и девочек очень различалась. Мальчиков и девочек в Америке по-разному одевали, к ним по-разному обращались, им предоставляли различное количество времени для игры, работы, учения, их по-разному обучали этим трем видам деятельности. Истина состоит в том, что в Америке никогда не было единой формы детства, но всегда сосуществовали две парадигмы, определенные полом. Любое изучение истории детства должно учитывать тот факт, что социальный пол (гендер) является ключевым компонентом в жизненном опыте ребенка и что перемены в концепции детства происходили гораздо более медленно и менее решительно в отношении девочек, чем в отношении мальчиков.

Подход, который я применяю, состоит в том, чтобы описать жизнь детей в прошлом с точки зрения их опыта. Чтобы дать некоторое представление о том, каково было быть ребенком, например, в 1660, 1760 или 1860 году, научный анализ будет фокусироваться на том, как о молодом поколении заботились, как его одевали, защищали, обучали, развлекали. Много в этом исследовательском методе зависит от изучения сохранившихся вещей, описания их использования в источниках той эпохи, мнений родителей и детей о тех или иных методах воспитания. Такое научное описание даст нам ощущение того, какой была для ребенка повседневная жизнь, основанная скорее на принятых в обществе обычаях и представлениях, чем на родительских чувствах — привязанности или безразличии. Озабоченность родителей процессом воспитания указывает на более серьезные проблемы, связанные с принятыми в обществе представлениями о природе детей.

И предметы, и язык отражали тот факт, что дети обычно расценивались как вещи. Если встать на традиционную точку зрения, они в лучшем случае были имуществом своих

родителей. С ранних лет колонизации Америки и до конца XIX столетия дети были объектами наказания или щедрости, заботы или пренебрежения. Взрослые разрабатывали, производили, покупали предметы, используемые детьми, структурировали их время и пространство, определяли стадии развития и соответствующие каждой стадии образы ребенка и его поведения. Любое исследование, посвященное детям, многое говорит о взрослых, которые принимали решения, формировали или разделяли представления о детях, характерные для той или иной культуры, и определяли таким образом, что значит быть ребенком и что значит быть взрослым. Поэтому о взрослых также необходимо сказать в разговоре о детях. Если дети — объект исследования, то темой этого исследования во многом оказываются и их родители.

ЧАСТЬ 1.

НЕДОРАЗВИТЫЙ ВЗРОСЛЫЙ: 1600–1750

ГЛАВА 1. ВЫПРЯМЛЕННЫЙ РЕБЕНОК: ОДЕЖДЫ ДЛЯ ПЕЛЕНАНИЯ И ТАБУРЕТЫ ДЛЯ ХОДЬБЫ

ПЕЛЕНАНИЕ

В XVII веке считалось, что людьми в буквальном смысле делаются, а не рождаются. Физическое развитие детей было слишком важным процессом, подверженным к тому же воздействию многих случайностей, чтобы оставлять его на произвол природы с ее капризами. Новорожденные казались малообещающим материалом, бесформенными «комочками плоти», «колобками», которые должна была преобразовать в человеческую форму акушерка. Непосредственно после обрезания пуповины акушерка принималась за работу, чтобы придать ребенку человеческую форму, которую, как она полагала, он не мог принять без ее помощи. Она брала ребенка на колени или помещала в мелкую ванну с теплой водой, поддерживала его левой рукой, а правой начинала формировать голову, надавливая на нее и таким образом ликвидируя любые временные деформации от родовой травмы. Она разглаживала слепые глаза, лепила нос, открывала рот и протирали челюсти, чтобы зафиксировать черты и сделать их правильными. Затем она вытягивала

во всю длину руки и ноги новорожденного, протирая и формируя каждую конечность так, чтобы ребенок мог расти стройным и высоким. В заключение акушерка бережно, но твердо сдвигала кости черепа ребенка к темечку, затем завязывала голову полосками ткани, чтобы кости сошлись. Сразу после рождения ребенка каждый день в течение нескольких недель акушерка или мать продолжали мягко нажимать большими пальцами на кости черепа. Когда темечко наконец зарастало, это воспринимали как доказательство эффективности и необходимости такой процедуры¹.

Как только акушерка придавала правильную форму телу ребенка, она фиксировала результат, твердо обертывая предмет своей заботы традиционными свивальниками из длинных (в несколько метров), узких полос льняной ткани. К сожалению, нет прямых свидетельств того, как пеленали в Америке в XVII — начале XVIII века, равно как и сведений о других конкретных повседневных действиях: как меняли пеленки или где ставили колыбель. Все очень просто — никто не считал земные физические заботы о маленьких детях темой, достойной внимания. Женщины овладевали навыками и методами ухода за ребенком еще в молодости, наблюдая и помогая своим матерям или другим взрослым женщинам заботиться о младенцах. Не возникало никакой потребности писать о таких обычных вещах. Сам факт умолчания свидетельствует о том, что практика пеленания просто считалась само собой разумеющейся. Только когда в Америке начали спорить о том, пеленать ли младенцев, эта тема удостоилась письменного обсуждения. Да и те упоминания, которые существуют, часто неоднозначны. Слово «тряпка» (clout), например, обозначало любой вид тряпки или старый кусок ткани, начиная от посудной тряпки и заканчивая изодранной одеждой нищего. Так как это слово обычно использовалось и для обозначения детских пеленок и свивальников, упоминание о младенце в «тряпках» могло

относиться как к спеленутому, так и просто к бедно или не-
ряшливо одетому ребенку.

Однако есть несомненные свидетельства того, что младенцев в Европе XVII столетия пеленали в течение первых нескольких месяцев жизни. Кроме того, пеленание оставалось распространенной практикой и в XX столетии в областях с особенно холодными зимами или когда условия жизни не позволяли уделять ребенку должного внимания. Различные формы пеленания все еще практикуются в России, Восточной Европе и Китае. Пеленание упрощало заботу о малыше, сохраняя его в тепле, неподвижности и безопасности. На ранних этапах американской колонизации полезность пеленания казалась очевидной. Прямые указания на использование свивальников в Америке начали появляться только после того, как эта практика стала терять популярность у врачей и у все большего числа матерей из среднего класса. Например, автор книги «Лекарь для матерей» (1818), выступавшая под псевдонимом «Американская матрона», пренебрежительно описывала «чепчики, повязки на лоб, свивальники и пояски, в тюрьму которых наши прабабушки имели обыкновение заключать свое несчастное потомство»². Зная, что большинство американских семейств среднего класса прекратило пеленать своих младенцев в течение последних десятилетий XVIII столетия, мы можем предположить, что до этого времени пеленание было обычным делом. Фактически в некоторых сельских районах и в среде многих недавних иммигрантов пеленание дожило до первых десятилетий XX века³. Судя по источникам, эта практика была распространена в Америке до середины XVIII столетия и полностью не исчезла еще в течение 150 лет.

До середины XVIII века единственной группой, обсуждавшей проблему пеленания, были английские и континентальные европейские врачи, высказывавшиеся по этому поводу на страницах своих медицинских сочинений. Иногда

наряду с рецептами лечения колик или зубной боли они описывали методы ухода за детьми в общинах, которые обслуживали. Врачи подробно рассказывали и о практиках, которые они одобряли, и об обычаях, каковые, по их мнению, являли собой несомненное заблуждение. Медики по обе стороны Атлантики читали работы друг друга, ссылались на одни и те же имена, с должным доверием или без оного широко заимствовали описания у своих коллег.

Вплоть до 1750-х годов специалисты воспринимали пеленание как необходимую для здоровья и развития ребенка практику, хотя часто не соглашались друг с другом в вопросе о наиболее эффективном способе пеленания. Традиционный метод, описанный еще в XV веке известным врачом Паоло Багеллярдом, мало изменился за последующие 200 лет. Акушерка размещала младенца у себя на коленях лицом к себе. Сначала она вытягивала ноги ребенка вперед, а затем туго обвивала куском полотна ступни, ноги и торс ребенка вплоть до подмышек. Затем она вытягивала руки ребенка вдоль тела, заботливо разглаживая и массируя их. Вторым куском полотна акушерка тщательно оборачивала ребенка от кончиков пальцев до плеч. Третья часть ткани закреплялась на лбу и плечах с помощью дополнительных завязок. В результате этой процедуры получался неподвижный, похожий на мумию пакет, размерами и формой напоминающий батон хлеба. Для спеленутых младенцев, лишенных возможности потянуться, пошевелить пальцами, повернуть голову, существовала реальная опасность захлебнуться собственной слюной, если их оставляли лежать на спине. Большинство врачей настаивали на том, что пеленки нужно менять каждые 12 часов или по крайней мере каждые 24 часа⁴. Вероятно, в реальности немногим детям меняли свивальники так часто, поскольку воду для мытья нужно было принести (часто издалека), затем нагреть и после использования вылить, а мокрые пеленки

не стирались, а просто развешивались для просушки перед огнем. Так как большинство младенцев проводили первые несколько месяцев своей жизни плотно обернутыми во влажные и запачканные пеленки, вряд ли стоит удивляться, что бальзамы и микстуры от сыпи и кожных болезней были основной темой медицинских текстов, посвященных болезням младенца.

Чтобы гарантировать правильное пеленание, в XVII веке британский врач Феликс Вурц предлагал помещать ребенка на столе, чтобы плоская поверхность помогала няньке-кормилице правильно выровнять ребенка, перед тем как обмотать его пеленками. Он также предостерегал против простой фиксации ног в положении, когда они прижаты друг к другу, поскольку полагал, что позже это может стать причиной хромоты. Вместо этого он предписывал акушерке аккуратно раздвигать ноги ребенка, прокладывая между ними материю, чтобы держать их выровненными и предохранять лодыжки от трения друг о друга. Вурц предупреждал, что слишком тугое пеленание является одной из величайших ошибок матерей, стремящихся к тому, чтобы ребенок «стал еще красивее». Оно причиняло ребенку неудобство, и ребенок, борясь за свободу, мог крутнуться в свивальнике, что нарушило бы ровное положение скелета внутри льняного кокона. В этом случае ребенок мог вырасти искривленным, «будучи связанным подобно лозе». Вурц доказывал, что младенцы, спеленутые нетуго, более удовлетворены своим положением, тихи и не стремятся изменить позу, в которой их зафиксировали⁵. Хотя часто кажется, что тугое пеленание успокаивает младенцев, предупреждения Вурца свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые дети из-за небрежности, чрезмерной тщательности, фанатичности или безразличия тех, кто за ними ухаживал, были так сильно ограничены в движениях, что испытывали острый дискомфорт.

Британский врач Фрэнсис Глиссон, в 1650 году начавший изучение рахита, рекомендовал очень тугое пеленание и даже шины, чтобы фиксировать члены в выпрямленном положении⁶. Вместо шин некоторые матери помещали своих младенцев в крошечные подбитые корсеты, которые удерживали позвоночник в прямом состоянии. Дополнительную опасность для ребенка представляли прямые булавки, скреплявшие пеленки (английская булавка была изобретена в XIX столетии) и причинявшие при неаккуратном использовании вред, от незначительного раздражения до серьезного увечья. В выпуске *Tatler* за 1709 год сэр Ричард Стил от имени ребенка описал боль, причиненную булавками: «Девочка [нанятая, чтобы ухаживать за ребенком] очень гордилась своими обязанностями няньки, ощущая себя взрослой женщиной; она стала раздевать меня, потому что я шумел, чтобы посмотреть, что меня беспокоит. Затем, завернув меня, она скрепила пеленки булавками. Поскольку я продолжал кричать, она положила меня к себе на колени лицом вниз и, чтобы утихомирить, похлопала по спине, в результате чего все булавки вонзились мне в тело»⁷.

Младенцев держали полностью спеленутыми по крайней мере первые три месяца. После этого, если было не слишком холодно, им освобождали руки, но ноги оставляли связанными. В возрасте от шести до девяти месяцев детей переставали пеленать и одевали в первые длинные платьица. То, когда именно мать решала упростить пеленание или отказаться от него, зависело от здоровья и физического состояния ребенка, повседневного рабочего распорядка матери и времени года, так как врачи настаивали, чтобы пеленание продолжалось в течение зимних месяцев, и для отказа от пеленок ждали более теплой погоды.

Пеленание было популярно, поскольку выполняло несколько полезных функций. Не позволяя ребенку раскрыться, пеленки сохраняли его в тепле, когда холодный зимний

воздух просачивался в плохо протопленные или вовсе не отапливаемые комнаты. Оно устраняло риск озноба и трескающейся и кровоточащей кожи (это случается, когда ребенок сосет пальчики и его ручки становятся влажными). Не нужно было вставать ночью, чтобы проверить младенца: он оставался на следующее утро точно таким же спеленутым, каким был уложен в кровать накануне вечером. При этом, разумеется, очень тугий свивальник мог влиять на кровообращение и причинять ребенку значительные страдания.

Спеленутых детей можно было легко и безопасно переносить. Главные обязанности женщин XVII века заключались в ведении домашнего хозяйства и в рождении детей, но не в их выращивании. Их заботой было эффективно и спокойно управлять — сохранять и накапливать все семейные ресурсы. Как дочери Евы, они были обязаны переносить риск и боль деторождения, производя очередного ребенка в среднем приблизительно через каждые два года на протяжении примерно двадцати лет⁸.

Так как большинство женщин продолжали рожать вплоть до наступления менопаузы, у многих на момент смерти оставались маленькие дети. Трудолюбие и бережливость жены были очень важными качествами, необходимыми для семейного благополучия. Наделенные большим количеством неотложных обязанностей, женщины, как правило, не могли проводить много времени со своими младенцами и уделяли им весьма ограниченное внимание. Заботу о младенцах приходилось передоверять другим, часто слугам или старшим детям, которые могли относиться к своим обязанностям довольно небрежно. Впрочем, так как младенцы считались нечувствительными существами, которые, «кажется, живут и растут, как растения», требовался только элементарный уход за ними. От няньки действительно ожидали немногого⁹. В такой ситуации пеленание помогало защитить и обезопасить ребенка. Фактически любой мог без особого риска носить

спеленутого ребенка и присматривать за ним, поскольку независимо от того, как это делалось, ребенок оставался выпрямленным и надежно защищенным в своих «обертках». Врачи рекомендовали укладывать младенца, располагая одну его руку на груди, а другую на спине¹⁰. Когда ребенка брали на руки, не возникало никакой потребности обеспечивать специальную поддержку голове или шее, ибо необходимую подпорку создавал «костюм», а не тот, кто держал ребенка. Спеленутый младенец, подобно небольшой черепахе в панцире, вполне мог быть предметом заботы другого ребенка, даже маленького. При этом опасность причинить ущерб младенцу была не слишком велика, поскольку практика пеленания делала основную повседневную заботу о детях действительно безопасным делом. Нельзя было причинить никакого особенного вреда спеленутому младенцу, хотя, конечно, его можно было уронить. К сожалению, падения происходили все же слишком часто, так как подбрасывание ребенка в воздух или перекидывание от одного человека к другому были обычной формой игры с детьми, и в такие моменты происходили несчастные случаи¹¹. Из-за ложной уверенности в неуязвимости ребенка, подкреплявшейся пеленанием, или вследствие общего безразличия младенцев часто ожидало беспечное отношение со стороны окружавших их взрослых, поэтому пеленание обеспечивало им определенную защиту. А когда для ухода за ребенком невозможно было выделить ни времени, ни человека, спеленутого младенца можно было положить где угодно — на кровати, на столе или на полке, на земле в поле. Можно было даже повесить его для сохранности на крючок, и он чувствовал себя столь же удобно, как и ребенок коренного американца, привязанный к люльке*.

* В Северной Америке детей привязывали к люльке — приспособлению, которое служило колыбелью и часто использовалось для переноски ребенка. Многие типы люлек матери носили на спине.

Очень важной в рациональной практике пеленания была уверенность, что благодаря ему ребенок вырастет «прямым» и высоким, что неоформленная масса младенческой плоти приобретет форму, свойственную взрослому человеку. Одним из главных оправданий пеленания было распространенное опасение, что без такой внешней поддержки дети никогда не научатся стоять вертикально и будут всю жизнь «ползать на четвереньках подобно мелким животным», как предупреждал французский врач Франсуа Морисо в 1675 году¹². Пеленание считалось необходимым для того, чтобы превратить согнутые конечности новорожденного в прямые конечности взрослого. Сон в естественном для младенца эмбриональном положении считался главной причиной рахита. Весьма обычная болезнь детей в XVII столетии, которой очень боялись, — рахит — на самом деле случалась из-за дефицита кальция. От недостатка молока и солнечного света кости оставались слишком мягкими и искривлялись под тяжестью веса ребенка. Не зная реальной причины болезни, родители сосредотачивались на вытягивании и выпрямлении крошечного тела. Родители и врачи верили, что без пеленания ребенок может вырасти согнутым и деформированным, никогда не научится ходить и не превратится в полноценного человека.

Придавая, как предполагалось, косточкам должное направление, пеленание выполняло и более непосредственную, эстетическую функцию. Пеленки и длинный покрывал, который обычно закрывал их, визуально удлинняли фигуру младенца, увеличивая малыша, приближая его к более взрослым пропорциям. Например, на картине «Родины» Яна Стена (1664) изображена молодая роженица. Друзья и родственники прибыли, чтобы восхититься новорожденным и принести свои поздравления. В центре картины молодой отец держит спеленутого ребенка, его тело поддерживается вертикально и прямо, визуально удлиняясь льняными

полосами и красной мантией. Только что родившийся и спеленутый ребенок «стоит» вертикально, как крошечный взрослый, поддерживаемый рукой преисполненного гордости отца. Пеленание не только гарантировало младенцам правильную форму в будущем, но и придавало им желательную осанку зрелого человека прямо с момента рождения, делая их более привлекательными в глазах современников.

Эта потребность эксплицировать потенциальную возможность младенца стать взрослым показывает двойственное отношение к фактическому положению маленького ребенка в универсальной картине мира. В XVII — начале XVIII века жизнь представляла как большая, неизменная и совершенная цепь бытия, идущая от самого непритязательного организма через все более сложные разновидности животного мира к человечеству. Человечество же было организовано по расам: от готтентотов, неизменно помещаемых в основании этой структуры, к европейскому человеку, во всех схемах располагающемуся на вершине. Выше различных человеческих рас находилось множество божественных существ, поднимавшихся в свою очередь к предельному совершенству Святой Троицы. В этой цепи человечество занимало критическую точку, будучи одновременно низшей формой мыслящих существ и все же самым прекрасным земным созданием¹³. Претензия человека на земное превосходство оправдывалась прежде всего наличием у него души и опиралась на три признака, которые отделяют людей от животного царства: мышление, речь и прямохождение. Степень владения этими свойствами определяла относительный статус индивида уже внутри человеческой иерархии. С одной стороны, европейским джентльменом восхищались вследствие его разумности, мастерства его беседы, изящества и внешнего достоинства его поведения. С другой стороны, французский натуралист Бюффон уверял своих читателей, что готтентоты, спасаясь

от преследования или преследуя жертву, опускаются на четвереньки, чтобы бежать быстрее¹⁴. Каждая человеческая разновидность имела свое определенное место в мироздании, и это весьма импонировало тому обществу, которое по счастливому стечению обстоятельств занимало столь высокое место в великой цепи бытия.

Проблема определения характерных черт человечества нашла популярное выражение в европейском фольклоре — в виде рассказов о дикарях, которые бродили по дремучим лесам. Согласно легендам, это были волосатые человекоподобные существа, жестокие и сильные; нередко они становились жертвами собственных страстей. Как описал их в «Королеве фей» Эдмунд Спенсер, они отличались от людей неспособностью мыслить логически, нечленораздельной речью, состоявшей из «перепутанных звуков бессмысленных слов», готовностью в случае острой необходимости передвигаться на четвереньках¹⁵. Лишенные силы слова, дикари были неспособны общаться друг с другом и так никогда и не смогли достигнуть взаимного доверия и согласия, основать собственные общины или сформировать правительства. Напротив, дикари жили обособленно, защищая свою территорию от соседей. Лишенные разума, дикари не могли познать Бога и, таким образом, были лишены вечного спасения. В текстах и изображениях образ дикаря служил диалектической антитезой человечеству, определяя его через отрицательный пример. Дикари, при всем их поверхностном сходстве с человеком, неизменно исключались из разряда людей¹⁶.

К сожалению, на основании тех же самых критериев, которые исключали из человеческого рода дикарей, из него последовательно исключались и человеческие детеныши. Ведь подобно дикарям младенцы не умели рассуждать, говорить, вертикально стоять и ходить. Так же как дикари, младенцы могли быть противными, жестокими

и грязными, они нечленораздельно кричали, хрюкали и вопили, ползали на четвереньках, прежде чем начинали ходить по-человечески. Младенцев могли любить, и любить глубоко, однако людям XVII века сами по себе они казались непривлекательными. Человек, наделенный логическим мышлением, исходя из очевидных фактов, должен был заключить, что его потомство рождается в состоянии, лишь приближающемся к уровню человека. Ребенок, по мнению Томаса Хукера, жил «жизнью животного»¹⁷. Столь глубокие заблуждения относительно истинной природы детей подкреплялись популярными рассказами, в которых феи или женщины-дикарки выкрадывали человеческих младенцев из колыбели, заменяя их волшебными детьми или дикарями. Так как подложные дети были неотличимы от младенцев, мать могла не замечать подмены в течение многих месяцев. Только постепенно, поскольку ее ребенок не приобретал человеческую форму и достоинство, она начинала догадываться об ужасной правде¹⁸. В рассказах о подмене спящих детей отражались реальные чувства, которые матери испытывали к младенцам: они в самом деле казались им «маленькими незнакомцами», чуждыми и непредсказуемыми.

В «Истории мира» сэр Уолтер Рэли сравнил каждый возраст человека с одной из планет: Меркурий — со вторым возрастом, возрастом обучения и военной службы; Венеру — с третьим возрастом, возрастом любви и желания; и т. д. Младенчество, первый возраст, который он считал кардинально отличным от всех остальных, он сравнил с Луной¹⁹. Луна была небесным телом, но не планетой, так же как младенец был человеком, но скорее потенциально, чем фактически.

Пеленание успокаивало родительские страхи, так как создавало у матерей и отцов ощущение, что они активно способствуют тому, чтобы их дети приобретали характерные для людей черты прямохождения и прямохождения.

Оно также изменяло физический облик младенцев, придавая малышам желанный взрослый вид. Простой способ пеленания помогал поставить неведомое под контроль: родители были уверены, что в конечном счете их потомство приобретет человеческие качества, гарантированную возможность вырасти и занять свое законное место в цивилизованном обществе.

МЕБЕЛЬ

Как только мать или нянька тщательно и туго спеленывала младенца, она помещала его в колыбель на тканевый матрас из «грубой и колющейся соломы, перьев или высушенных дубовых листьев». Хотя колыбели существовали еще со времен Древней Греции и Древнего Рима, авторы XVII века различали «специально сделанные» колыбели и другие, смастеренные в соответствии с возможностями семьи. Это позволяет предположить, что специально сделанная для ребенка колыбель все еще была относительной роскошью²⁰.

Сохранилось очень немного колыбелей XVII — начала XVIII века, но ведь так же обстоит дело и с обычными взрослыми кроватями: до нас дошло очень мало кроватей XVIII столетия и фактически ни одной — XVII. Иногда описи имущества в завещаниях включают в себя колыбель, внесенную в список домашних пожитков. То, что колыбели появляются в завещаниях реже, чем многие другие, обычные виды домашней мебели, совсем неудивительно, если принять во внимание, что большинство перечней касалось имущества зрелых мужчин или женщин, чьи дети уже не нуждались в особых кроватях. Любая детская мебель, которая могла существовать в таких домашних хозяйствах, успевала износиться в течение долгих лет или перейти к внукам. Еще более усложняет проблему то, что письменные упоминания колыбели нечетко определяют, используется

ли термин для обозначения кровати-качалки, специально сделанной для младенца, или кровати ребенка, изготовленной из того, что было под рукой. Этот термин обычно означал любой предмет из большого количества возможных емкостей или приспособлений, имеющихся в доме. Выражение «колыбель младенца» относилось именно к месту обитания ребенка, неважно, находилось ли оно в плетеной корзине, старой коробке, отслужившем свое сундуке или специально изготовленной кровати. Что действительно важно, так это то, что любой тип отдельной кровати был предпочтительнее для младенца, чем нахождение его в одной кровати с матерью, кормилицей или кем-то еще. Взрослые, одурманенные изнурительной физической работой или, возможно, обычным ежедневным потреблением пива, слишком часто ворочались ночью и могли случайно придавить младенца — «заспать». Это было одной из распространенных причин смерти младенцев и, по крайней мере иногда (как часто — мы не можем знать), — удобным прикрытием для детоубийства²¹. Ребенок, спавший один, находился в большей безопасности.

Традиционная «специально сделанная» колыбель была плетеной или сооруженной из досок и прикреплялась к деревянным изогнутым полозьям, часто с закрытым верхом с одного конца. У многих колыбелей по верхнему краю с обеих сторон были расположены отверстия или деревянные колышки, которые использовались для надежного «пришнуровывания» спеленутого младенца. Другие колыбели делались достаточно глубокими, чтобы можно было ограничить движения ребенка, тщательно подвернув покрывало под матрац. Врач Феликс Вурц, чьи записи сделаны в середине XVII столетия, рассказывает, что няньки привязывали своих подопечных, туго прошнуровывая ленты «от отверстия к отверстию в колыбели. Они полагают, что, если этого не делать, ребенок выпадет из колыбели... и в результате лежащий

ребенок напоминает упакованный товар». Присматривающие за младенцем помещали колыбель около камина, с тем чтобы одновременно и держать ребенка в тепле, и следить за ним, выполняя повседневную работу по дому. Завязанные ленты сохраняли детей в безопасности в случае удара по раскачивающимся кроваткам, но младенцев все же могли вывалить из колыбели на пол в процессе активной возни вокруг них. Как и во всем остальном, что касается заботы о младенце, ухаживающие за ним взрослые беспокоились больше о непосредственной безопасности и будущем облике ребенка, чем о его комфорте. Можно предположить, что чрезмерно ревностные или безразличные «дежурные при ребенке» могли привязывать его слишком крепко. Феликс Вурц наблюдал много таких случаев в течение своей практики. Он заключает: «Я уверен, что слишком крепкое привязывание вызывало постоянную и сильную боль»²².

Родители и медики полагали, что, если дети привыкают спать в выпрямленном положении, у них будет хорошая осанка и они раньше начнут ходить. Колыбели, сделанные до середины XVIII столетия, часто длинные и узкие — одновременно идеальная форма, чтобы разместить туго спеленутого младенца, и конструкция, которая препятствует слегка подросшим неспеленытым младенцам поворачиваться с боку на бок и подгибать колени, принимая позу, напоминающую положение эмбриона в утробе и столь естественную для детей. Доктор Глиссон, со своей стороны, советовал делать постель достаточно мягкой, чтобы дети частично погружались в нее и тем самым оказывались ограниченными в движениях. Эта дополнительная мера предосторожности «может серьезно содействовать исправлению искривления позвоночника и всего тела... принуждая его к стройности»²³. Колыбель обеспечивала безопасное содержание младенца и в дополнение к пеленанию оказывала физическое воздействие на тело для придания ему подобия взрослой осанки.

Здесь, как это часто случается, когда проблема рассматривается как жизненно важная, общество нередко стремилось гарантировать желаемые результаты, проявляя излишнее рвение. Чтобы быть уверенными, что дети вырастут сильными и стройными, родители-колонисты упаковывали их в жесткие корсеты, прочно обматывали льняными бинтами и затем помещали в глубокие или узкие колыбели, лишая возможности двигаться, — все это в надежде положительно повлиять на их физическое развитие.

Помимо обеспечения безопасности и формирования осанки колыбель исполняла и другие функции. Верх и боковые стенки защищали младенца от холодных сквозняков, которые гуляли по плохо нагретым и плохо изолированным помещениям. Традиционно колыбель закрывали темно-зеленой тканью, которая дополнительно защищала от сквозняков. Кроме того, зеленый цвет считали успокаивающим, защищающим глаза и улучшающим зрение. Родители придавали покровам особую важность, поскольку были уверены, что все младенцы рождаются с очень слабым зрением. Большинство возникающих позднее проблем со зрением они приписывали воздействию яркого света на ребенка в течение первых месяцев жизни. Колыбель была достаточно компактной и ночью уместалась под балдахином полноразмерной кровати, что обеспечивало дополнительное тепло и защиту. Тяжелая драпировка создавала ощущение уюта и сохраняла тепло: в итоге получалась более теплая миниатюрная комнатка внутри большой комнаты дома. Проживание в зданиях, где во время северных зим комнатная температура редко поднималась выше нуля, делало защиту от холода важнейшей задачей при уходе за детьми. Борьба за сохранение ребенка в тепле велась постоянно. Помогали свивальники, не слишком сильно прилегающие к телу, и традиционные шапочки, от одной до трех. Для дальнейшей защиты матери укрывали своих младенцев грудой коври-

ков или одеял, закрывали саму колыбель дополнительной драпировкой, чтобы не допустить ни единого дуновения, и при любой возможности переставляли ее и ее «жителя» поближе к огню. Тепло, по представлениям матерей, защищало детей от рахита — обычного несчастья, грозившего испортить прекрасную прямую фигуру, над созданием которой трудились столь самозабвенно²⁴.

Наиболее вероятной опасностью для младенца была простуда из-за купания, и поэтому мать или нянька выбирали защищенное от холода и сквозняков место перед огнем и предварительно нагревали воду, чтобы уменьшить риск переохладения. Врачи и повсеместно распространенная практика были едины в том, что младенцев следует купать ежедневно в течение первых шести месяцев. Затем интервал между ваннами обычно увеличивали, поскольку даже доктора полагали, что «не следует купать детей слишком часто, как это повсеместно делается, поскольку в этом нет необходимости». Одна ванна в неделю считалась вполне достаточной²⁵. Некоторые взрослые так беспокоились о том, чтобы сохранить ребенка в тепле, что могли переборщить и сделать воду для купания слишком горячей даже для взрослого²⁶. Медицинские тексты обычно содержали упоминания о неосторожно ошпаренных младенцах; народная же логика, кажется, предполагала, что лучше перегреть воду, чем подвергнуть ребенка риску простуды, уродства или смерти от холода. Все сведения о несчастных случаях с маленькими детьми свидетельствуют, что заботящиеся о детях взрослые (мать ли, брат или сестра либо слуга) не думали о том, удобно ли младенцу, или скорее не принимали во внимание, что ребенок может испытывать дискомфорт. Люди полагали, что дети, еще не имея ни разума, ни чувств, ничего не ощущают подобно растениям. Некоторые родители воспринимали младенцев как совершенно отличных от себя, решительно и настораживающе

«других» и не способны были на глубокое сочувствие ребенку. А поскольку взрослые считали, что младенцы не могут определить, что для них лучше, то на их протесты практически не обращали внимания. Вообще ухаживающие за младенцами взрослые, как нам представляется, делали что-то не для детей, а с детьми — для себя.

Время сразу после ванны, когда тело ребенка расслаблялось от теплой воды, близости огня и отсутствия пеленок, было лучшим моментом для упражнений. Родители считали упражнения необходимыми для того, чтобы младенец побыстрее окреп, встал на ноги и начал ходить. Согласно представлениям о мире, характерным для XVII века, эти умения не появлялись сами собой — их нужно было добиться, и начинать следовало как можно раньше. Одно из рекомендуемых упражнений заключалось в следующем: ребенка укладывали на спину, затем сгибали ему ноги, после чего вытягивали и растирали все конечности. После упражнений перед пеленанием ребенку выпрямляли ноги, а руки укладывали вдоль тела. Врачи считали такие упражнения, обеспечивающие гибкость суставов и мускулов, особенно важными для мальчиков. Другие распространенные формы упражнений с младенцами заключались в том, что их ставили на колени к взрослому, подбрасывали вверх и опускали вниз, держали на весу за руки или за лодыжки — все это для того, чтобы растянуть тело и сделать его подвижным²⁷. Очень полезными считались следующие процедуры: «вытягивание детей вперед и назад на кровати или на столе между двумя мамками, одна держала его за руку, другая за ногу» и «катание ребенка... на кровати или на столе. Это упражнение, если оно делается правильно, очень помогает выпрямлять тело»²⁸.

Детям с признаками рахита или любой другой деформации предписывались более радикальные виды лечения. Нянька оборачивала полотняную полосу вокруг грудной клетки ребенка, пропуская ее под руками и под подбород-

ком, а затем подвешивала ребенка на лентах, «и было удовольствием смотреть на ребенка, подвешенного в воздухе и раскачиваемого туда-сюда зрителями». Если этой формы растяжения было недостаточно, родители могли «вешать свинцовые ботинки на ноги и прикреплять грузы к телу, чтобы части тела легче и равномернее удлинялись». «Но, — предупреждал Глиссон, — это упражнение предназначено только для сильных». Как предполагалось, подвешивание ребенка, с дополнительным весом или без него, «выпрямляло кривые кости и изогнутые сочленения и удлиняло рост»²⁹. Младенцев постоянно подбрасывали, катали, формировали, вытягивали, качали и подвешивали, чтобы помочь им как можно скорее встать на ноги и сделать независимыми от мамок и нянек. Ходьба была началом самостоятельности, а грациозная походка и благородная осанка — свидетельством аристократизма.

Когда младенцы наконец освобождались от свивальников, их первой одеждой были корсаж и длинные юбки, очень походившие на костюм их матерей, за исключением того, что «длинные одеяния» младенцев были на фут или более длиннее самого ребенка. На портрете госпожи Фрик и ее дочери Мэри³⁰, написанном в штате Массачусетс в 1674 году, изображена девочка примерно шести месяцев от роду, одетая в длинные младенческие одежды (илл. 1). Она стоит в застывшей «кукольной» позе, и дело не в том, что над картиной работал бездарный или неопытный художник, который не сумел адекватно и правдоподобно изобразить ребенка. Вероятно, маленькая Мэри выглядит так потому, что она, как и большинство детей ее возраста, носила под платьем жесткий корсет. Различного типа корсеты малых детей очень напоминали те, которые носили взрослые женщины, только детские корсеты были, как правило, со шнурами и стеганные, а не на пластинах, поскольку должны были обеспечивать неподвижность. Некоторые дети носили

корсеты еще в пеленках, другие получали свой первый корсет вместе с длинным платьем. Корсет твердо держал тело Мэри, придавая ее фигуре требуемый вид взрослого человека; одновременно он должен был способствовать тому, чтобы она выросла прямой и высокой. На портрете Мэри держит спину очень прямо, однако это ничего не говорит о ее настоящей осанке — художник изобразил девочку так, чтобы представить ее с достоинством, приличествующим любому цивилизованному человеку. Создавая образ, соответствующий ожиданиям зрителей XVII века, художник устранил или затушевал большинство детских черт, которые обычно воспринимались как недостатки и не-суразности младенчества. В эпоху, когда считалось, что дети в силу своей природы стоят слишком близко к животным, художник стремился придать Мэри максимально взрослый вид и тем самым обрадовать заказчиков картины. В данном случае заказчиками были родители ребенка — факт вовсе не маловажный.

Точно так же длинные детские платьица не только выполняли эстетическую функцию или создавали иллюзию того, что ребенок сложен как взрослый. Длинные, опутывающие юбки помогали держать ребенка укрытым и теплым и, что наиболее важно, мешали любой попытке ползать. Врачи, как и родители, рассматривали ползание не как естественную стадию в процессе освоения ходьбы, а как вредную привычку, которая, если ее не подавлять, останется главным способом передвижения человека на всю жизнь. В XVII столетии врач Морисо предупреждал, что дети никогда не научились бы ходить, если бы не были должным образом спеленуты или одеты, а вечно «ползали бы на четвереньках подобно мелким животным»³¹.

В XVIII веке доктор Уильям Бьюкан в своих книгах по уходу за детьми рассказывал в частности о том, что может страстись, если разрешить младенцам ползать. Он цити-

ровал французского натуралиста Бюффона, который наблюдал, как никем не сдерживаемые африканские младенцы с готовностью учились «перемещаться на руках и коленях — практика, которая позволяет им позднее бегать на четвереньках почти столь же быстро, как на ногах»³². И даже в 1839 году, когда детское поведение уже принималось обществом, американский специалист по воспитанию детей Уильям Олкот жаловался, что американские матери, желая, чтобы их младенцами восхищались, одевали их чрезмерно нарядно, вынуждали сидеть прямо и все еще запрещали им ползать³³. Ползание — форма передвижения, свойственная животным, — вызывало в родителях слишком много опасений и отрицательных ассоциаций. Кроме того, оно подчеркивало различия между детьми и взрослыми и, как тогда казалось, означало развитие в решительно неправильном направлении. Родители хотели, чтобы их дети становились все более похожими на них. Большинство младенцев, рожденных до 1800 года в семьях среднего класса, не учились ползать, прежде чем начинали ходить. Ползать им просто не позволялось или, по крайней мере, этому активно препятствовали.

Американские колонисты считали ползание унижающей, животной формой передвижения, недостойной человека. Перемещаться на четвереньках могли только животные, дикари, безумцы и порабощенные — ползание было символом их подчинения. Распространялось множество изображений умалишенных и историй о сумасшедших, которые с потерей разума утратили и другие важные человеческие черты: речь и прямохождение. Примеры популярной ассоциации безумия с ползанием простирались от Навуходоносора, уподобившегося дикому животному, до знаменитой «Вифлеемской больницы» из цикла «Карьера мота» Уильяма Хогарта, где транжира распростерт на полу лондонского Бедлама. Победенного изображали

ползающим перед завоевателем, подобно тому, как змея была обречена ползать в земной пыли в наказание за зло, совершенное в Раю. Обычным визуальным выражением нарушения естественного порядка вселенной было изображение ученого Аристотеля, обезумевшего от любви. Подчиняясь унижающим его достоинство прихотям чаровницы Филлиды, он охотно опускался на четвереньки, изображая ее вьючное животное. Западная культура разработала мощный символический язык иерархии вещей, от Ада внизу до Небес вверху, от ползания животных до величественной поступи королей. Дети, которым следовало занять свое законное место в божественном порядке, должны были стоять на ногах, а не на четвереньках. Ползание даже очень маленького человеческого существа слишком раздражало, чтобы быть принятым.

Поэтому неудивительно, что большинство из немногочисленных традиционных предметов мебели, разработанных специально для ребенка, способствовали тому, чтобы дети рано начинали стоять и ходить, и препятствовали ползанию. Родители старались поставить детей на ноги как можно раньше, частично для того, чтобы укрепить мускулы их ног, подготовив к ходьбе, а частично вследствие общераспространенного суеверия, что, если ребенок научится говорить, прежде чем начнет ходить, это принесет несчастье. Примерно в то же самое время, когда матери полностью освобождали детей от свивальников, они начинали использовать табурет для стояния. По существу, он выглядел как любой обычный деревянный табурет, но с более короткими ножками и круглым отверстием в «сиденье», куда и помещали малыша. Это устройство, которое довольно плотно охватывало талию ребенка, поддерживало младенцев, лишь только вставших на ноги, но не позволяло им передохнуть, сидя или ползая³⁴. В отличие от современных изделий такого рода, у табурета для стояния XVII века

не было никакого дополнительного сиденья. Ребенок не мог вылезти из табурета или усесться в нем. Самыми простыми и, вероятно, наиболее распространенными табуретами для стояния были самодельные. Родители мастерили их из прутьев ивы, узких деревянных коробок или просто использовали деревянную жердь от пола до потолка с прикрепленным к ней кольцом из ивы, которое защелкивалось вокруг тонкой талии ребенка и удерживало его на ногах. Еще проще было приспособление из полого ствола дерева: «внутренняя часть и верхний край отшлифованы, и ребенок, лишь только он в состоянии стоять, помещается в него, в то время как его мать находится поблизости или занимается делами по дому»³⁵.

Табуреты для стояния берегли младенцев от холодных и грязных полов и от опасностей. Американские родители колониального периода не пытались сделать свои дома безопасными для маленьких детей, используя каминные экраны, закрывая колодцы, блокируя лестницы. Вместо этого они обеспечивали безопасность, воспитывая в детях умение повиноваться и уверенность в собственных силах. Любой ребенок, ползающий или начинающий ходить, оставленный без присмотра, не застрахован от обычных домашних несчастных случаев. Табуреты для стояния предлагали некоторую защиту.

Поскольку стоялки считались полезными для развития маленьких детей, занятые матери иногда злоупотребляли их использованием. Ведь, оставляя ребенка в этом приспособлении в течение длительного времени, мать освобождалась для других хозяйственных работ. Доктора жаловались на то, что детей часами держат на слабых и шатких ножках, иногда до тех пор, пока они не падают в обморок от усталости. Вурц расценивал табуреты для стояния как «просто... колодки для бедных младенцев». Это слишком распространенное злоупотребление настолько сердило его,

что в середине уже упомянутого медицинского трактата он выступил с грозной обличительной речью, желая, «чтобы такие табуреты для стояния были сожжены и никогда никем более не создавались, по причине того великого страдания, которое испытывают дети от стояния в них»³⁶. Тем не менее, освобождаясь от свивальников, дети скоро оказывались заключенными в табуреты. Если их оставляли в стоянках слишком долго, они несомненно кричали, но, вообще говоря, большинство взрослых не принимали крики младенцев близко к сердцу. Многие родители нежно любили своих малышей, но немногие способны были сопереживать боли или дискомфорту, которые испытывали дети. Традиционная мудрость утверждала, что младенцы кричат для того, чтобы упражнять свои легкие, а также когда не могут добиться своего. Младенцы считались эгоистичными существами, которые жадно поглощают жизненные силы женщины, кормящей их грудью, и не способны чувствовать привязанность к тем, кто беспокоится о них³⁷. Потакать их капризам означало бы оставить их в этом состоянии: эгоистичными, подобными животным или дикарям. Родители полагали, что они должны принуждать своих младенцев взрослеть, и ожидали с их стороны протестов и сопротивления.

Как только дети могли стоять, они были готовы к тому, чтобы ходить. И здесь опять родители и врачи верили, что дети нуждаются в помощи, и чем раньше, тем лучше. Они не могли себе представить, что дети способны начать ходить по собственному желанию. Даже доктор Уильям Кадоган, прогрессивный и заботливый врач середины XVIII столетия, одобрял родительскую инициативу, настаивая, что «ребенка надо поощрять и обучать ходить как можно раньше. Здоровый годовалый ребенок сможет ходить самостоятельно». Кадоган настаивал, чтобы «слабых детей» ставили на ноги так же рано, как и других, так как

«искривленные ноги при постоянной ходьбе со временем станут сильными и прямыми»³⁸.

Добиться самостоятельной ходьбы ребенка — такова была главная цель длящегося целый год сражения, в котором использовались свивальники, корсеты, специальные упражнения и стоялки. Самостоятельно ходящий ребенок делал первый шаг к заявлению своих прав на место в человеческом сообществе, а родители убеждались, что их отпрыска не подменили. Для детей же хождение знаменовало начало их независимости. Как объяснял Кадоган, «хождение мы можем назвать эпохальным событием в приобретении независимости, так как, преодолев это великое препятствие, что они обычно очень хорошо делают, дети выходят из рук няньки, чтобы обходиться без посторонней помощи»³⁹. В течение первого года младенцы выносили пренебрежение со стороны нечувствительных, невнимательных слуг, братьев и сестер и даже матерей, а также утомительное и болезненное заключение в различных искусственных приспособлениях. После таких строгих ограничений и дискомфорта хождение дарило замечательную, неизведанную свободу. Конечно, родители, как можно догадаться, не предоставляли детей самим себе: они снова использовали разнообразные специально разработанные предметы, чтобы ускорить обучение хождению. Особенно популярны были специальные вожжи и табуреты для ходьбы (ходунки).

Вожжи состояли из крепкой и широкой ленты или шнура, прикрепленного к одежде или проходящего по груди и пропущенного под руками. Любой взрослый, держась за шнуры, мог управлять шагами ребенка, защищать малыша от падения и предотвращать любую его попытку опуститься на четвереньки. Вожжи не следует путать с висящими рукавами — широкими декоративными лентами, прикрепленными к плечам корсажа и падающими до пола. Эти рукава остались от моды XVI столетия. Отмененные у взрослых,

они все еще сохранялись у детей. Вожжи, наоборот, были приспособлением утилитарным, упряжь, с помощью которой детьми управляли и защищали их от падения. Так как родители ставили детей на ноги, когда те были еще очень маленькими, падали младенцы часто. Некоторой защитой от сильных ударов служил плотно набитый головной убор под названием «пудинг». «Пудинг» напоминал колбасу из ткани; она окружала голову ребенка подобно краю шляпы и придерживалась ремнем, который проходил через макушку и завязывался под подбородком⁴⁰. «Пудинги» считались амортизаторами, совершенно необходимыми для младенца, обучающегося ходить. Ребенок в «пудинге», покачивающийся на грани между младенчеством и детством, был настолько ярким образом, что нежным обозначением любого малыша стало словосочетание «пудинговая голова».

Когда не было никого, кто мог бы водить малыша, защиту и контроль обеспечивал табурет для ходьбы. Табуреты для ходьбы (также называвшиеся ходунками, клетками для ходьбы, бегающими стульчиками, ходящими козлами и движущимися телегами) имели самые разнообразные формы. Некоторые походили на табурет для стояния с деревянными колесами (илл. 2). Другие напоминали круглую плетеную юбку с колесами. Все типы «движущихся телег» надежно прикреплялись к талии пошатывающихся младенцев, чтобы предоставлять им дополнительную поддержку, поскольку младенцы передвигались сами. В отличие от аналогичных приспособлений для детей XX века, более ранние версии не имели никаких сидений. Дети, утомляясь от ходьбы, не могли ни на что присесть, чтобы перенести свой вес с непослушных и слабых ног. Однако никаких заметных возражений против использования табуретов для ходьбы не звучало. Даже Феликс Вурц, который неистово осуждал табуреты для стояния, верил, что прибавление к ним колес кардинально меняет дело, так как «в этих

табуретах дети могут пребывать дольше, потому что в них они в состоянии шевелиться и двигаться»⁴¹.

В отличие от табуретов для стояния, ходунки не защищали малышей от несчастных случаев. В них дети, оставленные без присмотра, могли попадать в огонь или скатываться вниз по лестницам, что порой и случалось⁴². Это, кажется, никого особенно не беспокоило: несчастные случаи, как ни прискорбно, были неизбежной частью выращивания детей. Табуреты для ходьбы были популярны, потому что они служили сразу нескольким полезным целям: позволяли ребенку ходить, не прибегая к помощи взрослых, не давали ему опускаться и сидеть на холодных и грязных полах, а также препятствовали любому намерению ползать вместо того, чтобы ходить. Кроме того, до известной степени они давали ребенку возможность впервые почувствовать вкус свободы и независимости. При помощи ходунков маленькие дети могли идти, куда им хочется, следовать за кем хочется и даже участвовать в делах по дому. Дети могли самостоятельно путешествовать настолько далеко, насколько позволяли неровные половицы, высокие дверные пороги и загроможденные комнаты. Не менее важно то, что идущий ребенок в корсете и в длинном платье приобретал признаки цивилизованного поведения и пристойного внешнего вида. По мнению современников, такой приятный и успокаивающий вид оправдывал риски. Годовалый ребенок на колесах был буквально рядом, в одном шаге от окружавшего его взрослого мира.

Колыбели, наряду с табуретами для стояния и ходьбы, были наиболее часто встречающейся детской мебелью в колониальной Америке. Дом XVII — начала XVIII века был организован вокруг потребностей и действий взрослых. На обслуживание детей и проявление интереса к ним выделялось очень мало времени: родители верили, что, уделяя детям много внимания, они лишь продлят

несуразности младенчества. Родители исходили из того, что, как только дети начнут ходить самостоятельно, они будут приспособливаться к порядку повседневной жизни семьи. Самостоятельная ходьба служила разделительной линией между неуверенностью и уязвимостью первого года жизни, когда сама природа ребенка была подозрительна и вызывала беспокойство, и вступлением ребенка в семью в качестве ее младшего члена. Ожидалось, что, достигнув этого рубежа, ребенок естественным образом волеется в повседневную жизнь семьи. Возраст особых потребностей — младенчество — заканчивался. Во всех своих будущих действиях детям предстояло теперь иметь дело с миром, устроенным для взрослых.

Даже до того, как младенцы обучались ходить, их родители полагали, что дети должны приспособиться к установившемуся образу жизни семейства. В течение первого года жизни младенцы спали в колыбелях, расположенных среди суматохи и шума повседневной жизни. Дети чуть старше года спали в кроватях-качалках, выдвигаемых из-под полноразмерных кроватей, в обычных кроватях или на соломенных подстилках на полу. Детей не группировали вместе, они были рассеяны по всему дому и спали с родителями, родными братьями и сестрами или слугами — везде, где было место. Не было никаких детских комнат и, что еще важнее, не было смысла в каком-либо частном или личном пространстве. Во всех кроватях спали как минимум два человека, и распределение спящих менялось по необходимости. Детей могли переместить в другую кровать или в другую комнату, чтобы, например, втиснуть дополнительного гостя или обеспечить отдельную комнату больному⁴³. В типичном маленьком доме колониста дети редко оказывались в одиночестве.

Дом полковника Уолтера Смита в графстве Калверт (штат Мэриленд) был исключением, которое подтверждает

правило, — в покомнатном списке завещанного имущества, сделанном после его смерти, одна маленькая комната упоминается как «детская». Когда в 1711 году полковник Смит умер, он оставил благоустроенное поместье с землей, рабами, домашним скотом; среди его личных вещей есть все аксессуары джентльмена, в том числе превосходная шпага, часы, напудренный парик и табакерка. Он обставил свой дом с роскошью: обтянутые кожей стулья, зеркала и дорогие драпировки. Маленький кабинет содержал дюжину книг, подставку для совершения молитвы и коробку для пряностей. Лучшая кровать и кушетка стояли внизу в зале, наверху одна кровать была в гостиной, две — в помещении кухни и три дополнительные кровати — в холле. Маленький чулан между холлом и залом на первом этаже был обозначен как детская. В этом крошечном помещении было только несколько лоскутных одеял, стеганое одеяло, нагревательный чан, стул и два ковра. Возможно, когда семи кроватей оказывалось недостаточно для всех членов этого преуспевающего дома, пара младших детей укладывалась спать на ковриках и одеялах в этой небольшой дополнительной комнате. Она остается фактически единственной детской комнатой, упомянутой в исторических свидетельствах Америки колониального периода⁴⁴.

Вплоть до XIX столетия высокие стульчики использовались в Америке очень редко. Несколько высоких стульев XVII века сохранились, вероятно, именно потому, что были нетипичны и поэтому считались достойными хранения — обыкновенные предметы выбрасывали, когда они изнашивались или ломались. Большинство маленьких детей ели, сидя достаточно высоко, так, чтобы дотянуться до тарелки, например на услужливых коленях взрослого или даже просто стоя у стола. От детей требовали, чтобы они обращались к своим родителям «сэр» и «мадам», вставали, выказывая уважение, всякий раз, когда старшие входили

в комнату. Если они ели стоя, то не только потому, что так им было удобнее, но и демонстрируя тем самым надлежащее почтение.

Стулья детских размеров были чрезвычайно редки в Америке, хотя несколько экземпляров все же обнаружено. Так, например, в 1640 году в имуществе вдовы капитана Адама Торогуда имелся плетеный детский стул⁴⁵. Маленьких кроватей или столиков, сделанных для детей, не было. Родители в период колонизации не беспокоились о том, чтобы обзавестись мебелью, которая сделает жизнь их детей более комфортной. Родители находились в стесненных условиях и сосредотачивались почти исключительно на тех вещах, которые считали необходимыми, чтобы выполнить важнейшую задачу — превратить несформированного младенца в подвижного ребенка. Назначение детской мебели состояло в том, чтобы поднять ребенка и как можно быстрее обеспечить его независимое существование в пределах дома. Все остальные специальные приспособления не считались необходимыми. Убежденность в том, что младенцы никогда не станут цивилизованными взрослыми, если будут предоставлены сами себе, подразумевала, что родители должны найти способы помочь своим детям. Неудача в этом деле нанесла бы ребенку непоправимый вред. Важность задачи поощряла родителей к тому, чтобы подстраховываться с помощью избыточного количества вещей. Взрослые пеленали младенцев, заковывали их в корсеты, вытягивали и прищипывали к колыбели, а затем фиксировали в устойчивом вертикальном положении посредством вожжей, табуретов для стояния и ходьбы. Если один предмет не справлялся со своей задачей, можно было использовать другой. В колониальную эпоху родители пользовались только теми предметами, которые помогали в первый, чрезвычайно важный год жизни превратить бесформенных младенцев в приемлемых для общества детей.

ГЛАВА 2. ЗАВИСИМОСТЬ: ДЕТСКИЕ ПЛАТЬИЦА И ИГРУШКИ

ПЛАТЬИЦА

Дэвид, Джоанна и Абигайль, трое детей из семьи Мейсон, позировали в 1670 году в американском штате Массачусетс некоему художнику (илл. 3). Как делают все портретисты, художник подчеркнул в образах этих славных детей то, что считали важным его заказчики. Чтобы добиться узнаваемого сходства изображений с моделями и отразить статус семьи, имеющей хороший достаток, мастер сфокусировал внимание на лицах и непростых костюмах детей. Он упростил фон до еле заметного кафельного пола, черного задника и расположил фигуры детей прямо по центру холста. Изображенные в полный рост и почти фронтально, они практически не загораживают друг друга, поэтому не теряется ни одна деталь их одежды: хорошо видны дорогая белая ткань, кружева, ленты и драгоценные украшения. Самый старший из этой троицы, Дэвид, одет в пышные детские бриджи и сюртук с разрезанными рукавами; его волосы ниспадают на плечи по образцу взрослой прически тех лет; он держит детские рукавицы и прогулочную трость юного джентльмена, снабженную серебряной рукоятью. Позу,

в которой он стоит, — «рука на бедре» — художники обычно использовали в портретах взрослых мужчин, чтобы подчеркнуть осанку, силу и элегантность. Сестры Дэвида одеты, причесаны и украшены так, как многие женщины равного с ними общественного положения. На картине показаны облик детей, их пол и социальный статус. Из-за застывших чопорных поз, важного вида, взрослых аксессуаров юные Мейсоны выглядят как маленькие взрослые XVII столетия. Их изображения предполагают такую социальную систему, в которой оба пола и социальные классы очень отличались друг от друга, а разные возрасты — совсем нет. Однако в те времена восприятие общественного положения детей не было столь простым и однозначным, как может показаться на первый взгляд. Дело было прежде всего не в возрасте или поле, а в степени самостоятельности.

Чтобы разобраться в том, что сообщает нам одежда Мейсонов, надо обратиться к другому роду источников. Что касается младенцев, то нам известны множество вещей (колыбели, ходунки, головные уборы-«пудинги») и масса рекомендательной литературы, обсуждавшей их использование. С детьми постарше ситуация уже совсем иная. В обстановке дома колониальной эпохи не было ничего специального, что было бы предназначено для детей, которые могли сами ходить. В XVII — начале XVIII века родители действительно создавали особую среду, чтобы удовлетворить нужды младенцев, но при этом полагали, что старшие дети будут достаточно хорошо и без всяких вспомогательных средств копировать мир взрослых.

Сохранились детские костюмы и личные вещи, но о них очень редко что-либо сообщается в письменных источниках того времени. Из этих документов мы получаем только весьма краткие и фрагментарные сведения о повседневной жизни молодежи. Но что у нас есть, так это значительное количество детских портретов, напи-

санных в Америке до 1750 года. Эти портреты содержат множество сведений о взглядах общества на сущность детства и на детство вообще. Основная информация закодирована в костюмах, прическах, выборе поз, типах изображенных вместе с детьми предметов, в расположении каждого ребенка относительно сестер и братьев. Например, сопоставляя изображения мальчиков и девочек или детей старше и младше семи лет, мы можем лучше понять существовавшие в раннем американском обществе традиции внутри детства или различия в определениях детства и взрослости.

К сожалению, живопись не фотография. Фотограф схватывает реальный момент времени, и у него весьма ограниченные возможности что-либо изменить в процессе съемки или изготовления отпечатка. Картина — создание художника, который обладает почти неограниченной возможностью ее дополнять или что-либо в ней менять: цвет платья для достижения единства композиции, стиль пальто, которое превращается из старого в модное. Мастер мог убрать уродливые складки на мешковатых чулках, добавить округлость худой женской руке или нарисовать молодого оленя в качестве чудесного (благодаря своей нереальности) любимца. Художники XVII — начала XVIII века старались достичь сходства в лице, но чувствовали себя вполне свободно в изображении костюма, обстановки, различных других деталей в картине.

Более того, оригинальность не считалась важной для успеха картин. Художники без всякого стеснения заимствовали многие изображения, детали, композиции друг у друга и у признанных европейских мастеров. Распространенным источником для антуражей, планов, костюмов и поз, используемых в картинах американских художников, были европейские гравюры, копирующие картины видных живописцев Старого Света¹. Платье или прическа

на портрете американского ребенка могли и не совпадать с действительностью. При этом портрет должен был соответствовать тому типу изображения, каковой считался подходящим для возраста, пола и общественного положения портретируемого, несмотря на всевозможные заимствования или улучшения, вносимые художником. Поскольку по условиям контрактов американские художники получали деньги лишь по окончании картины, созданные ими портреты должны были отвечать взгляду заказчиков на самих себя и своих детей. Фигуры на полотне должны были соответствовать принятым в обществе образам, например, девочек, старших детей, младших братьев и т. п. Портрет отражал общественные представления о социальных ролях, даже если изображения конкретных людей слегка «подправлялись».

Костюм имел значение в живописи потому, что он многое значил в действительности. До того как технологические новации XIX столетия сделали изготовление одежды относительно недорогим и люди смогли позволить себе больше вещей, существенные и редкие вложения в новый комплект одежды делали покупку событием великой важности. Одежда была такой ценной, что упоминалась в списках имущества и завещаниях; в газетах колонистов печатались объявления об украденном платье². Одежда являлась повсеместно известным носителем социально значимой информации о человеке — его положении в обществе, возрасте, занятиях. Законы против роскоши, принятые в XVII столетии, показывают, насколько серьезно тогда относились к тому, каков у человека костюм. Статус определялся мгновенно — стоило взглянуть на ткань и покрой платья.

Как показывает портрет детей Мейсонов, в XVII столетии для них были доступны только две исходные, базовые формы костюма. Одна состояла из бриджей до колен и сюртука, другая была детским платьицем до лодыжек. У каждого

типа костюма был свой набор связанных с ним предметов и условностей. Тот, кто носил бриджи до колен, надевал также жилет, скюртук (который после 1680 года уже застегивался на пуговицы), белую льняную рубашку; он тщательно мазал маслом длинные волосы, которые ниспадали на плечи и завивались. Живописцы обычно изображали такую фигуру, одетую в бриджи, в свободной позе, например с поднятыми руками или с отставленным локтем и одной рукой на бедре, как на портрете юного Дэвида Мейсона. Тот, кто был одет в детское платьице, передник и корсаж, закрепленные с помощью шнуров и тесьмы, носил также белый льняной чепец, под которым прятали волосы, туго уложенные горкой на голове. Художник представлял этот второй тип фигуры в более статичной позе, с руками, тесно прижатыми к телу. Такие фигуры производили меньшее впечатление как на холсте, так и в жизни.

Что особенно интересно — различие в костюме не определялось полом ребенка. Его смысл был более сложным. В том же году, что и Мейсоны, некоему художнику позировал Генри Гиббс, мальчик двух с половиной лет, изображенный точно в таком же костюме, что и Джоанна и Абигайль Мейсон. На нем детское платьице, передник и небольшой белый чепец или капюшон, а также красное коралловое ожерелье. В руке он держит птицу (типичная композиция для женщин), рука прижата к телу спереди. Виден край одного из висячих рукавов. Под явно прямыми линиями корсажа на нем надет, вероятно, обитый мягкой тканью корсет, обеспечивающий «правильную» осанку и «изящные» движения. Под корсетом же мальчик мог носить белую льняную сорочку, прилегающую к телу, и несколько нижних детских платьиц, в зависимости от времени года и температуры воздуха. Насколько мы знаем, нижнее белье появилось позже, а пеленали только тех детей, которые еще не ходили. У Генри под сорочкой и детским платьицем, скорее

всего, ничего не было — так он мог без проблем обегать. В XVII веке родители уделяли большое внимание обучению ходьбе, но не считали важным научить двухлетнего ребенка, да и более старших детей, правильно пользоваться туалетом. Главным отличием костюма Генри от костюма сестер Мейсон была наброшенная сверху полоса ткани — широкий квадратный воротник, который носили лишь мужчины и мальчики. По этому воротнику современники Генри сразу понимали, что он мальчик, точно так же как мы, увидев ребенка в джинсах и футболке и при этом в розовой панамке или с заколкой в волосах, решим, что это девочка. Однако далеко не все мальчики в XVII столетии носили подобный ниспадающий воротник. Хотя он и являлся маркером мужского пола, его отсутствие еще не давало уверенности, что ребенок — девочка. Нам следует помнить, что в XVII веке Генри выглядел прелестным маленьким крепышом, одетым в платье, которое тогда носили все маленькие мальчики, — в отличие от современного порядка, закрепившего юбки за девочками.

Распределение бриджей и платьев отражало степень власти и независимости — эта важная особенность необходима для понимания различий внутри семьи. Бриджи мужчин и старших мальчиков, вступающих в мир работы или школы и потому отдаляющихся от мира семьи, однозначно отграничивали их от тех, кто носил платья: женщин и маленьких детей, людей подчиненных, остававшихся дома. До 1750 года портреты показывают семью разделенной на две части, одна из которых — главная. Социальную значимость одежды хорошо понимали в обществе, поделенном на разные группы и горизонтально, и вертикально. Например, в 1712 году Николас Нойз протестовал против нового обычая у мужчин — носить парики. Его возражения были связаны с тем, что большинство париков делались из женских волос. «Поскольку женские волосы, когда они

на голове у женщины, есть знак подчиненности, то разве они перестают им являться, пребывая на голове у мужчины?» — так доказывал он вред новой моды. Нойз утверждал далее, что парик из женских волос не может быть «знаком превосходства», если его носит мужчина, а бриджи, наоборот, становятся «знаком подчинения», если их надевает женщина. Человеку начала XVIII столетия символическая ценность предмета казалось несомненной и неизменной. Волосы были предметом гордости мужчины, символом увенчивающей его славы; полагалось их демонстрировать и ими восхищаться. У женщин же волосы относились к сфере интимного, скромно спрятанные под чепцом от всех, кроме близких родичей. Особенно строгим было требование, чтобы женщина покрывала свои волосы в церкви. Платья и чепцы женщин и детей свидетельствовали об их подчиненности, точно так же как бриджи мужчин и мальчиков обозначали доминирующую социальную роль. Мужчины носили сюртуки — формальную одежду, «одежду как таковую», а женщины носили платья — неформальную, незначительную, низшую одежду. Данная система отношений не должна была подвергаться никаким изменениям. Нойз предупреждал: «Слова Второзакония 22:5 исключительно ясны и очень грозны. Женщине не следует носить то, что подобает мужчине, и мужчине не следует облачаться в женские одежды, ибо все, делающие так, мерзки перед Господом»³. Мужчины не должны одеваться как женщины, а женщины — носить мужскую одежду. Маленьких мальчиков, таких как Генри Гиббс, тем не менее одевали как матерей и сестер именно потому, что они еще не были мужчинами. Это не означает, что маленьких мальчиков считали женственными. Мужчины и мальчики столетиями носили длинные юбки или женское платье. Бриджи были новшеством, впервые появившимся только в XVI веке. Мужчины признали бриджи в качестве одежды, дававшей

им бóльшую степень физической свободы, а также отделившей их от менее активных стариков, равно как от женщин и детей. Мальчики просто продолжали носить длинные юбки, которые они носили всегда. Маленький мальчик в платьице не казался в XVII веке женоподобным — так же как в Америке XX века девочка в комбинезончике не выглядит по-мальчишески. Он был просто одет так, как всех детей одевали столетиями. Его костюм демонстрировал, что мальчик еще не дорос до мира взрослых мужчин.

На протяжении первой половины XVIII века женщины и дети продолжали одеваться похоже — как члены единой группы, находящейся в подчинении у другой части семьи. Мода менялась, но одежда оставалось очень значимой в социальных взаимоотношениях. К примеру, в 1766 году Кэтрин Бикман позировала для портрета в модном платьице, корсаже и корсете этого времени (илл. 4)⁴.

Костюм Кэтрин не просто указывал на ее место в семейном кругу — он помогал контролировать ее естественное ребяческое «буйство» и вводил девочку в рамки поведения взрослого человека, более степенного и уравновешенного. Длинная громоздкая юбка отбивала охоту лазать и ползать, а корсет превращал наклоны и повороты в настоящее испытание. Устройство рукавов было таким, что Кэтрин не смогла бы поднять руки выше плеч. Подобный детский фасон не позволял носиться или играть. Из-за ограниченных и затрудненных движений Кэтрин не только выглядела как взрослая, но и вела себя как взрослая.

Весьма показательно, что на протяжении всего XVII и первой половины XVIII века костюм женщин, от первых детских платьиц до юбок взрослой женщины, менялся мало. Девушка — Джоанна Мейсон или Кэтрин Бикман — никогда бы не поднялась выше того подчиненного положения, в котором она родилась. Юной девушкой она подчинялась воле отца, женой — воле мужа, овдовев — воле

выросшего сына. Все существа женского пола одевались более или менее одинаково, поскольку общественное положение взрослой женщины не так уж сильно отличалось от положения малого ребенка. По мере взросления одежда девочки лишь немного изменялась. Маленькая девочка носила корсаж, который завязывался на спине. Когда она подрастала, ей обычно разрешалось носить верхнее платье, расходящееся спереди, чтобы демонстрировать треугольную вставку суживающегося книзу переда корсажа, и модное платье. Она могла также продолжать носить пару висячих рукавов в течение нескольких лет после того, как научилась ходить, — в качестве символа своего юного возраста. Костюм девочки во всех основных чертах был таким же, как и костюм взрослой женщины. На портрете девочка держала те же самые предметы (цветы, веер, шитье), что и взрослая дама, у нее была такая же прическа, она принимала те же позы, что и взрослый человек. Если на девочку смотрели как на миниатюрную женщину, то взрослая женщина также могла рассматриваться просто как более развитый ребенок. Согласно принятой тогда схеме человеческого развития считалось, что женщина быстро переходит из краткого младенчества в длительный период относительной стабильности. Она могла взростеть, но никогда не выходила за пределы подчиненной роли, в которой была рождена. Понятия подчинения, женскости, детскости относились к одному визуальному и портняжному словарю; в колониальном сознании они тесно переплетались⁵. Невозможно было назвать одну из этих трех связанных между собой характеристик, чтобы не затронуть или хотя бы намекнуть и на оставшиеся две.

Мальчик вырастал и занимал свое место среди взрослых мужчин, поэтому важно было подчеркнуть его развитие посредством последовательных перемен в его одежде.

Изменения в одежде были частью возмужания в буквальном смысле этого слова. Превращение мальчика в мужчину происходило постепенно по мере того, как он избавлялся от детских и женских вещей и начинал носить предметы мужского гардероба, одежду власти. Понятия маскулинности, взрослости и господства также выражались одинаковым образом, как и понятия феминности, детскости и подчиненности. Роберт Гиббс уже начал преобразоваться, когда позировал для портрета (илл. 5). Тогда, в 1670 году, ему еще не исполнилось пяти лет. Как и его младший брат Генри, Роберт пока носил детское платье, передник и висячие рукава, но уже избавился от белого чепца, открыв длинные темные волосы, ниспадающие красивыми локонами на плечи. Как доказывал Нойз, непокрытые волосы являлись демонстрацией мужского верховенства. На портрете Роберт держит пару перчаток — обычный мужской аксессуар. Он стоит в позе «рука на бедре», по общему мнению являвшейся позой уверенности в себе. Вероятно, встать именно так рекомендовал Роберту портретист. Любой смотревший на картину современник мог видеть, что Роберт вышел из младенческого возраста, однако висячие рукава и его детское платье свидетельствовали о том, что мальчик пока не покинул мир женщин и детей, ограниченный пределами дома⁶.

Старший мальчик из семьи де Пейстер оказался на шаг впереди Роберта Гиббса, когда в начале 1730-х годов позировал для портрета (илл. 6). Ему лет пять-шесть, и он уже награжден платьем, напоминающим сюртук, с разрезом, но длиной до лодыжек⁷. Как отметил Филипп Арьес, такое платье носили в Средние века все мужчины⁸. Когда в XVI столетии они отказались от него ради бриджей, то это платье сохранилось как костюм отроков и школяров, свидетельствуя об их юном возрасте. В XVII веке в платье мальчика присутствовали такие элементы модного сюртука, как разрез, пуговицы

и манжеты. Оно было уже более мужским и потому более взрослым, нежели явно женоподобное платье раннего детства. Однако и в этой одежде все еще присутствовала юбка, знак незрелости и зависимости мальчика.

На мальчика надевали бриджи, когда ему исполнялось шесть-семь лет. Он выбрасывал детское платьице и, как Дэвид Мейсон, облачался в уменьшенное подобие сюртука взрослого мужчины, а также жилет, бриджи и шляпу. Однако любая шалость могла вернуть мальчика к детскому платьицу — до тех пор, пока он не начинал вести себя подобающим образом⁹. Переход к ношению бриджей был очень важен для мальчиков, и под угрозой возвращения в младенческие одежды они изо всех сил старались вести себя хорошо.

Несмотря на весь символизм новых одежд, мальчик в бриджах не становился взрослым в миниатюре. Скорее он был мальчиком, который учится быть взрослым мужчиной. Его бриджи не означали взрослости, но наглядно показывали, что он больше не находится в заключении домашнего мира женщин и младенцев, а выпущен в мир мужчин. Мальчик в бриджах уже мог работать в поле, в лавке, ходить в школу, мог осмелиться показаться в обществе и готовиться к собственной дороге в нем. Статус таких отроков четко отражен в их портретах. Несмотря на то что они одеты как взрослые, их все еще окружают «женскими» и «детскими» вещами. Художники никогда не изображают подростков мальчиков с «мужскими» предметами: бухгалтерской книгой, воинским жезлом, подозрительной трубой, Библией. Подобные вещи отсылали к профессии или к успешности взрослого мужчины. Конечно, у мальчиков могли быть такие свидетельства мужественности или благородства, как перчатки, прогулочная трость, шпага. Но большинство мальчиков позировали для портретов с «женскими» и «детскими» атрибутами:

фруктами, цветами, домашними животными. То, чем окружен ребенок на картине, может многое рассказать о занятиях и досуге женщин и детей в богатых домах. Веточка с вишнями или домашняя белка-летяга могли служить в изображении мальчика-подростка последней визуальной связью с тем подчиненным классом людей, из которого он выходил¹⁰. Костюм говорил о том, что мальчик скоро вступит в большой мир, а легкомысленные предмет или животное свидетельствовали о том, что он еще находится в пути.

Дополнительную информацию о семейных взаимоотношениях в Америке колониального периода могут дать групповые портреты родных братьев и сестер. На портрете братьев и сестер Кристофера Гора кисти Джона Синглтона Копли на холсте изображены четыре ребенка: по левую сторону — две девочки, по правую — два мальчика (илл. 7). Копли отвел братьям две трети холста. Старший носит сюртук и бриджи до колен, он фактически стоит в центре картины, будучи к тому же на целую голову выше всех остальных. Простирая руку, он как бы контролирует значительную часть пространства и доминирует на портрете. Он стоит в центре изображения — самая высокая и широкая фигура, первый сын в семье. Младший брат в детском одеянии сидит рядом с ним в явно подчиненной позе. Его ярко-розовое платье — самое заметное цветовое пятно на картине. Соотношение цветов и их яркость выдержаны так, чтобы после центральной фигуры зритель обратил внимание на маленького мальчика. Теснящиеся на оставшейся трети холста сестры сидят, причесанные и одетые почти одинаково. Мы понимаем, какая из них старше, только по их размерам. На самом деле старшая сестра является самым взрослым ребенком на картине. Ее брат доминирует лишь потому, что Копли изобразил его сестру сидящей. Подобным же образом располагали портретируемых и на

других картинах. Дэвид Мейсон выделяется на фоне своих младших сестер, которых сложно отличить друг от друга. Мужские фигуры доминируют не на всех, но на многих портретах колониального времени, и можно предположить, что в обществе того времени мужчин предпочитали женщинам.

Костюм колониального периода рассказывает об обществе, озабоченном проблемами власти, автономии и независимости. Гендерные границы не прописаны в одежде четко: очень маленькие мальчики носили то же, что и девочки. Возрастные границы также не были ясными, по крайней мере, далеко не всегда. Все представительницы женского пола одевались более или менее одинаково, так же как и все представители мужского пола старше семи или восьми лет. Но различия между доминировавшими и зависимыми членами семьи были очень четкими. Существовало два очень разных типа костюма: один носили мужчины, другой — женщины и дети. Возраст приобретал значимость лишь для мальчиков, по мере того как они вырастали и становились все более независимыми.

Гендер и власть столь тесно переплетались, что общество использовало один и тот же визуальный словарь для выражения подчиненности и женскости, с одной стороны, господства и маскулинности — с другой. Эти пары были настолько сцеплены, что единственной ситуацией, в которой женщина надевала сюртук и треугольную шляпу поверх женского платья, была верховая прогулка. Верховодить — пусть лошастью — она могла только в одежде, похожей на мужскую. Точно так же единственным способом показать подчиненное общественное положение маленького мальчика было одеть его в девчачье платьице и передник. Возраст и пол принимались во внимание только тогда, когда от них зависела степень самостоятельности человека внутри семейной иерархии.

ИГРУШКИ

Вероятно, самой важной информацией об игрушках XVII – начала XVIII столетия является то, что игрушек почти не было. С тех времен сохранилось очень мало предметов для игр. Ненамного больше и упоминаний о них в письменных источниках. На портретах, написанных до 1750 года, также нет игрушек, хотя дети изображены с фруктами, цветами, домашними животными, веерами, перчатками и тростями для прогулок. Картины не показывают детей в процессе игры, дети не стоят в позах, которые могут быть игровыми или по крайней мере неформальными. Дети на портретах стоят или сидят так же чопорно и сосредоточенно, как и взрослые. Художники стремились отразить благородство и статус портретируемого независимо от его возраста.

В традиционном мире задачей ребенка было стать взрослым. Все виды деятельности, приличествующие взрослым, были равно приемлемы и для детей. Молодежь и взрослые использовали одни и те же шутки, они одинаково развлекались и играли в одни и те же игры – в тех европейских и американских регионах, где игры были дозволены. Там же, где они не дозволялись, их не разрешали ни взрослым, ни детям, порицая за них и тех и других (например, по религиозным причинам, как в пуританской Новой Англии).

В самом деле, нигде не считалось, что обладать игрушками и играть в игры могут лишь дети. Более того, наиболее дорогие игрушки изготавливались в Европе исключительно для взрослых, например кукольные домики с массой деталей: миниатюрной мебелью и обитателями, или сложные механические игрушки и т. п.¹¹ В XVII столетии слово «игрушка» относилось чуть ли не ко всему легкомысленному, пустячному, непоследовательному по своей природе. Шекспир применял слово «игрушка» для обозначения забавной истории. Джон Мильтон обозначал им легкий любовный

флирт. Роберт Сандерсон называл «игрушкой» жизнерадостную мелодию. Капитан Джон Смит считал «игрушкой» недорогую безделицу¹². Любая вещь, которая забавляла ребенка или взрослого, считалась игрушкой. Никто не смотрел на игрушки как на отдельную категорию предметов, специально созданных для развлечения детей, да и вообще никто не смотрел на детскую игру как на нечто, отличное от игр взрослых.

Некоторые предметы, определяемые как игрушки на основе современных, сегодняшних стандартов, на самом деле имели более серьезное назначение. Одним из примеров может служить младенческая погремушка с кораллами и колокольчиками. Ее делали из золота (редко), серебра или менее дорогих материалов. Гладкий кусочек красного коралла прикрепляли к серебряной рукояти, к которой привешивались крошечные серебряные колокольчики. Колокольчики развлекали малышей, призывая схватить погремушку и потрясти ею. Коралл был важной частью конструкции, поскольку родители верили, что кораллы защищают детей от болезней. Точно так же, как нельзя было доверять природе, когда речь шла о заращении родничка на темени или формировании прямых конечностей, нельзя было полагаться на нее и в том, что касалось появления зубов. Родителей страшило прорезывание зубов — они его боялись так же, как дифтерии и коклюша. Врачи тоже смотрели на риски этого процесса с большой тревогой. Они опасались, что трудности прорезывания приведут к «лихорадке, судорогам, параличу, насморку и другим немощам», даже к «падучей, а через нее иногда — и вообще к смерти»¹³. Врачи сходились в том, что серьезных осложнений можно избежать, если натирать десны подходящим лекарством, но в гораздо меньшей степени они соглашались друг с другом относительно наиболее эффективных ингредиентов такого лекарства — рецепты включали в себя все что угодно,

начиная от заячьих мозгов и кончая мышиным пометом. Если ничего не помогало, врач или его помощник надрезали ребенку десну, чтобы освободить зубы¹⁴. Сторонники менее радикального подхода давали ребенку что-то гладкое и твердое, чтобы облегчить зуд и боль и ускорить появление зубов. Врачи рекомендовали для этих целей самые разные предметы (так называемые прорезыватели) — зубы жеребенка или волка, кусочки слоновой кости, хрусталь, серебро. Но чаще всего советовали использовать кусочек красного коралла¹⁵. Считалось, что гладкая поверхность коралла помогает зубам прорезаться. С согласия всех авторов за красным кораллом признавались дополнительные положительные качества: он отгонял молнию, охранял от зла, останавливал носовое кровотечение¹⁶. Детская погремушка была не только ребяческой забавой, но и серьезным оружием против боли, болезни, даже смерти. Как и у других предметов, специально созданных для младенцев, ее главной функцией являлась защита маленьких детей и их развитие, а не их удовольствие. Даже в пуританских домах, в которых отвергались какие бы то ни было игры и игрушки, признавали погремушку — конечно, не в качестве игрушки, а как полезное приспособление или инструмент.

В южных и центральных колониях Северной Америки люди всех возрастов могли отдыхать, играя, занимаясь спортом, веселясь. Дети и подростки играли в салки и жмурки, в кегли и волчок, боролись, устраивали скачки, ходили на ходулях, бегали с обручем, запускали змеев. Все приспособления для этих игр могли быть сделаны своими руками¹⁷. Все перечисленные занятия, как, например, бейсбол сегодня, не считались исключительно детскими — к ним относились как к общим развлечениям. Волчки являлись традиционной эмблемой детства, но не потому что были исключительно детскими игрушками, а потому что о волчке и о школьнике можно было сказать: «Чем больше его шлепаешь, тем бы-

стрее он вертится»¹⁸. Дети и взрослые радовались таким забавам, как деревянные свистульки, ветряные мельнички (пропеллеры на палочках), бильбоке. Их можно было купить всего за несколько пенни или вырезать перочинным ножиком.

Мальчики давали своим обручам клички, воображая их скакунами, особенно на Юге, где джентльмены увлекались лошадиными гонками, скачками и охотой. Под влиянием этих же джентльменов дети играли в карты, упражнялись в стрельбе из лука¹⁹. Никто не считал нужным ограждать детей от каких-либо видов взрослой деятельности. Совсем наоборот — поскольку на детей смотрели как на людей, которым предстоит стать взрослыми, считалось, что работа и игры со взрослыми могут еще лучше подготовить их к тому миру, в который им предстоит вступить. Поэтому то, что дозволялось взрослым, было приемлемо и для детей.

Дети и взрослые могли радоваться одним и тем же развлечениям по многим причинам. Взрослое население колониальной Америки не было так изнурено, как последующие поколения. Взрослые увлекались и наслаждались теми играми, которые мы назвали бы детскими. И хотя жмурки и так называемая бобовая охота (одни осаливают других, бросая условленный предмет) считались взрослыми играми, никто не удивлялся, если дети принимали в них участие. Как в наши дни нет возрастных ограничений на карнавалах, так в колониальный период игры и игрушки не существовали только для одного возраста.

Девочки участвовали по крайней мере в некоторых активных мальчишеских играх, а некоторые маленькие девочки любили играть с тряпичными младенцами или в куклы. Немало кукол, сделанных в Европе, перебрались через океан в американские колонии. Одну из них привез в Пенсильванию в 1699 году родственник Уильяма Пенна. Эта кукла была подарком для молодой леди 15–19 лет и являлась

скорее предметом коллекционирования, а не игры²⁰. Куклы в XVII–XVIII веках изготавливались из дерева и выглядели как элегантные взрослые женщины. Многие из них отправлялись из Парижа для демонстрации новейших веяний моды. Их покупали модистки, для того чтобы следить за сменой фасонов и рассказывать клиентам, что модно, а что нет. Другие куклы были просто дорогими игрушками или безделушками, чаще всего женскими, а не детскими, особенно пока были новыми. Подобные дорогие игрушки встречались очень редко.

Игрушки, которыми действительно играли дети, по большей части делались самими детьми. К сожалению, за сохранность игрушек обычно отвечали взрослые, и они выбрасывали простые самоделки, выполненные детьми, оставляя только самые красивые и необычные. Чаще всего взрослые сохраняли игрушки, сделанные взрослыми для других взрослых²¹.

В пуританской Новой Англии играли гораздо меньше, чем в колониях центральной и южной части североамериканского континента. Когда в 1649 году Фома Шепард бранил своих прихожан за то, что они провели субботу «в разгуле, резвости и буйстве, в играх и глупостях», вероятно, и взрослые, и дети были виновны в том, что принимали участие в распространенных играх того времени²². Рассудочному пуританскому уму игры казались непродуктивными и расточительными, отвлекающими ребенка и взрослого от выполнения важных жизненных задач. Игрушки, на пуританский взгляд, подталкивали к праздности и мечтательности, к игре воображения. Связь между игрушками и грехом наиболее явно доказывал тот факт, что куклы были не только у маленьких девочек, но и у ведьм, которые использовали «картинки, кукол и другие создания ада» в своей колдовской практике²³. Большинство кукол того времени были просто тряпичными младенцами, вручную сделанными матерями

или другими женщинами для очень маленьких детей. Тем не менее кукла считалась столь же опасной, как и заряженное ружье. В злых руках она становилась смертоносной. Поскольку дети и дьявол использовали в своих играх одни и те же предметы, совсем неудивительно, что к детским игрушкам относились с подозрением.

Было бы ошибкой предполагать, что дети Новой Англии жаждали игрушек, которых им не давали. Сегодня дети амишей в Пенсильвании получают крайне ограниченное число особых предметов для игр, после того как расстанутся с младенческими погремушками и прорезывателями для зубов. Вместо игрушек родители дают маленьким детям образцы будущего хозяйства: ягненка или теленка, чтобы с них начать собственное стадо, отдельный участок в саду, первый набор тарелок или белья. Данные предметы имеют реальную значимость, это «настоящие» вещи, которые стоят денег. Они соединяют детей с окружающим их взрослым миром, поскольку выделяют им в нем известную долю, делают детей частью этого мира. Дети амишей с грустью смотрят на пластиковые правдоподобные игрушки остальных детей; эти игрушки кажутся им ужасно глупыми и неинтересными по сравнению с их собственным имуществом. Благодаря материальной связи с миром взрослых дети амишей обладают чувством собственного достоинства, они целеустремленны, ответственны и в то же время довольны. Мотивация похожа на ту, которой руководствуются большинство американских подростков, предпочитающих подержанный ветхий автомобиль самой прекрасной его миниатюрной копии размером со спичечный коробок. Удовлетворение от реальности несравнимо больше удовлетворения от фантазии.

Весьма вероятно, что нечто подобное происходило и с детьми в колониальной Новой Англии: дети гордились и радовались обладанию полезными вещами или просто доступу к ним. Они могли не считать такой уж трагедией

отсутствие запрещенных безделушек. Игры как основное времяпрепровождение детей, желание игрушек, восхищение безделушками являются феноменом, порожденным конкретной культурой.

За исключением луков и стрел юных джентльменов из южных регионов колониальной Америки, а также случайно запечатленных младенческих погремушек (ничто из этого на самом деле не рассматривалось в качестве игрушек), предметы для игр не попадали на портреты американских детей, созданные до 1750 года. Трафаретные позы торжественны, величавы и формальны, без всякого намека на детскую игривость. На детских портретах отсутствуют не только игрушки, но и колыбели, ходунки, «пудинги», пеленки и все прочие предметы, связанные с детьми. Не считая пары висячих рукавов, лишь слегка просматривающихся за плечами ребенка, и длинного платья маленьких мальчиков, все элементы гардероба и все аксессуары (фрукты, цветы, веера, перчатки и т. д.) подходят взрослым настолько же, насколько и детям.

В XVII – начале XVIII века в детстве просто не видели особых положительных черт, которые считались бы заслуживающими живописного выражения. Действительно, с точки зрения современного определения, детство не существовало или не имело значения. Дети проходили через торопливое младенчество, полное риска. В первый год жизни они были особенно уязвимы. Родители стремились спокойно и благополучно провести детей через этот период, тогда они получили бы уверенность в том, что их отпрыски здоровы, нормальны и имеют неплохой шанс выжить в дальнейшем. Поскольку господствующим идеалом была взрослость, общество определяло детей как взрослых в процессе становления и предпочитало не обращать внимания на дефекты, приобретаемые вследствие стремительного детства. Детскость была ребячеством, глупостью, живот-

ным состоянием. В 1670 году Дэвид Мейсон со всей своей элегантностью: длинными волнистыми волосами, детскими бриджами и прогулочной тростью с серебряным набалдашником — не был ни ребенком, ни миниатюрным взрослым, а скорее младшим членом общества, дублером взрослого, роль которого он в будущем получит сам. Общество определяло детей как недоразвитых взрослых. Детство было временем недостаточности, взрослость же являлась целью и наградой, и, оглядываясь назад, никто не испытывал большого сожаления.

ЧАСТЬ 2.
ЕСТЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК: 1750–1830

ГЛАВА 3. НАУКА, ЛЕДЯНАЯ ВОДА, СВЕЖИЙ ВОЗДУХ И УСПОКОИТЕЛЬНЫЙ СИРОП

ДЕТСТВО И НАУКА

Около 1790 года семья полковника Бенджамина Толмаджа позировала художнику Ральфу Эрлу в своем доме в Коннектикуте (илл. 8 и 9). На одном полотне полковник Толмадж сидит в кресле, а его старший сын Уильям, которому лет шесть, стоит рядом с креслом отца. Уильям позировал для портрета в одежде, совершенно не похожей на ту, в которой изображались мальчики его возраста предыдущих поколений. Он не носил ни длинной юбки, ни миниатюрного подражания одежде своего отца (сюртук и бриджи): его костюм состоял из длинных брюк и короткого жакета. На парном портрете миссис Толмадж держит на руках маленькую дочь Марию, а средний сын Генри сидит на полу у ног матери. На миссис Толмадж модная голубая блуза и кружевная косынка; ее волосы искусно взбиты, смазаны маслом, напудрены, украшены страусовыми перьями и цветами по последней моде — вид вызывающий и хвастливый в послевоенной Америке. На коленях она держит маленькую дочку, которая не спеленута, а одета в очень длинное изящное платьице. Перед миссис Толмадж сидит младший

сын в платье по щиколотку, таком, какие мальчишки его возраста носили и раньше. Однако, в отличие от одежды предыдущего поколения, простое белое муслиновое платье поверх светлых нижних штанов ни в малейшей степени не походило на костюм его матери. Волосы обоих братьев, Уильяма и Генри, причесаны просто, в отличие от сложных причесок их родителей. Придерживаясь нового образа детской простоты, Эрл изобразил Генри непринужденно сидящим на полу с игрушечным голубым экипажем. Очевидно, что ни родители, ни приглашенный ими художник не рассматривали Генри в первую очередь как будущего взрослого. Напротив, Генри, Уильям и Мария Толмадж резко отличаются от взрослых своей одеждой, прическами, занятиями, характерами и вещами. Портреты Генри Толмаджа и Роберта Гиббса представляют нам не только два разных столетия, но и два совершенно разных восприятия природы ребенка.

За век изменилась не только внешность ребенка. К 1770 году большинство родителей перестали пеленать младенцев, использовать табуреты для стояния и ходьбы, корсеты, вожжи и «пудинги». Они изменили свое отношение к воздействию холода на ребенка; существенно изменился и один из предметов мебели для младенцев — колыбель. В сущности, и все остальные традиционные принадлежности ухода за детьми были отброшены. Ушли в прошлое все ограничения, заставлявшие ребенка быстро взрослеть и начинать ходить как можно раньше. Появились новая и очень разнообразная одежда, новые игрушки и мебель, и вскоре предметы старого обихода были забыты. Это всеобъемлющее отторжение предыдущих методов ухода за ребенком означает значительное расхождение с традиционными представлениями о природе и нуждах маленьких детей.

Родители в юном американском государстве имели уже совсем другие представления о том, как ребенок развивается

и мужает и как избежать опасностей в первые, наиболее уязвимые годы жизни. Появились новые теории правильного воспитания детей и новое видение роли взрослых в этом процессе. О влиятельности и популярности новых представлений свидетельствуют резкие изменения, произошедшие с вещами, используемыми для ухода за детьми. Если говорить о детях, то изменения заключались в переходе от физических ограничений и запретов к относительной свободе, которая, однако, имела свою цену.

Понимание природы ребенка изменилось во второй половине XVIII века в результате гораздо более широкого переосмысления сущности мирового порядка в целом — переосмысления, которое началось в научной среде XVII века и которому потребовалось столетие, чтобы стать всеобщим мировоззрением. Если раньше была распространена концепция статичного, но опасного мира, находящегося под властью божественных и сатанинских промыслов, в котором человек не способен предвидеть события и подготовиться к ним, то теперь стараниями философов и ученых укоренилась концепция мира динамичного. В ней все вещи, существа и даже культуры развивались через обозримые и предсказуемые стадии. Ученые начали рассматривать материальный мир как систему, функционирующую в рамках непреложных законов, а жизнь — как развивающуюся по тем или иным моделям. Природа стала почитаться по-новому — как сложная, но упорядоченная система, основанная на поддающихся познанию физических и биологических законах, которые прекрасно действуют без человеческого вмешательства¹. Возможно, наиболее впечатляющий образ в науке XVII–XVIII веков — это модель солнечной системы, бесконечно функционирующей машины, которая представляла мироздание как комплексный, запрограммированный часовой механизм. Космос казался предсказуемой машиной, постижимой в своей основе.

Все это означало, что постоянны не только траектории звезд и метаморфозы бабочки, но и стадии развития человека. Многие исследователи, разгадывая механизмы и законы природы, мечтали с помощью знаний исправить и саму человеческую природу. Маркиз Кондорсе, к примеру, утверждал, что человек как часть физического мира подчиняется тем же законам, что и вся природа, и что его развитие может быть исследовано, предсказано и, в конечном счете, спланировано. Усовершенствование человека казалось реальной возможностью².

В течение веков западная цивилизация исповедовала теорию о том, что ребенок наследует врожденные и приобретенные черты своих родителей, иначе говоря, родители передают своим детям генетические характеристики (цвет волос или особенности фигуры) и черты, приобретенные в результате своего жизненного опыта. Это была старая теория — исследователи от Аристотеля до Роджера Бэкона описывали детей с отметинами, похожими на шрам на теле отца или на клубнику, которой мать увлекалась в период беременности³. Приобретение подобных черт было весьма случайным и непредсказуемым. Никто не знал, что именно может повлиять на плод в утробе матери, какая физическая отметина, или желание, или даже подсознательная мысль оставят свой знак на теле младенца. Это казалось еще одним подтверждением неисповедимости путей Господних.

Оптимизм и вера в предсказуемость природы и человека, отчетливо выраженные в идеях второй половины XVIII века, привели ученых к тому, что теория о врожденном характере полностью перевернулась в их сознании. Теперь считалось, что теория предлагает человечеству возможности контролировать собственное развитие, программировать в будущих поколениях желаемые черты. Идея о том, что человека можно сделать, сформировать, стала очень популярной, и дискуссии о ней нашли отражение в трудах

по биологии, антропологии и медицине, в записках путешественников и в исторических сочинениях, рассчитанных на широкого читателя⁴. Например, Оливер Голдсмит в «Истории Земли и животного мира» (1774) утверждал, что «нации, которые считают искусственные деформации красивыми, которые трудолюбиво изменяют размер ног или выпрямляют носы» путем постоянно производимой многими поколениями практики, в конце концов получают новорожденных детей с желаемыми формами. Эволюционный процесс является созданием рук человека — в рамках этой концепции Голдсмит и его современники находили объяснение и «маленьким глазам и длинным ушам татар», и «плоским носам» негров⁵. Переход к современным теориям наследственности был возможен потому, что ученые XVIII века видели мир как развивающийся, предсказуемый и, в конечном счете, контролируемый. Они взяли теорию приобретенных свойств, которая традиционно сосредотачивалась на передаче тех или иных черт от родителей к детям, и расширили ее до объяснения развития национальных и расовых характеристик, представляющего собой, с их точки зрения, контролируемый, единый для больших групп процесс, охватывающий столетия. Известные на то время сведения о развитии человека позволяли выдвинуть предположение о том, что сам человек мог осуществлять и действительно осуществлял контроль за приобретением собственных физических черт. Человек обладал властью вызывать изменения в своем биологическом виде.

Некоторые исследователи, основываясь на этой теории, сделали еще один шаг вперед и предположили, что существует возможность сознательно манипулировать наследственностью, чтобы совершенствовать не только тело, но и интеллект последующих поколений. «Разве возможно, чтобы наши родители, — спрашивал Кондорсе, — передавая нам возможности своей физической конституции,

не... передавали нам также... интеллект... понимание, энергию души и нравственность?»⁶ Если так, то образование становится особенно важным, поскольку «оказывает влияние, преобразовывает и исправляет» будущие поколения, предлагает возможности «расширить границы наших надежд»⁷. Теория, однажды предложенная для объяснения причудливых отдельных явлений, стала универсальным инструментом, при помощи которого казалось возможным манипулировать развитием человечества. Она предлагала новое чувство оптимизма и спокойствия, основанное на вере в то, что интеллектуальное и физическое совершенство может накапливаться из поколения в поколение.

Прежде родители, глядя на новорожденного, видели ужасные трудности на пути его физического и духовного роста, которые следует преодолеть, а родители конца XVIII столетия видели в своих детях задатки, которые можно направлять и развивать. Авторитеты XVII – начала XVIII века считали, что детей нужно заставлять совершенствоваться в любом возрасте и что без вмешательства родителей никакого прогресса не будет, но уже вскоре медики стали утверждать, что для детей так же естественно научиться стоять, ходить и разговаривать, как для рыбы – плавать. Ходьба и речь, утверждали они, требуют навыков, передающихся из поколения в поколение. Обязанность родителей – направлять и поддерживать в детях их естественное развитие и мягко предотвращать вредные привычки, пока они не укоренились. Правильное образование не может основываться на страхе перед немощью ребенка, но должно быть основано на вере в его внутренние способности к развитию. Понимание, разум, спокойствие и умение построить доверительные отношения с ребенком стали отличительными чертами идеального родителя.

Дети превратились в серьезный предмет исследований. «Детства не знают», – говорил Жан-Жак Руссо в 1762 году.

«Самые мудрые из нас гонятся за тем, что людям важно, — знать, не принимая в расчет того, в состоянии ли дети научиться этому. Они постоянно ищут в ребенке взрослого, не думая о том, чем он бывает прежде, чем стать взрослым»⁸. Руссо утверждал, что родителям стоит предоставлять детям достаточно свободы, чтобы те развивались в своем собственном темпе, но свобода не должна превращаться во вседозволенность. В младшем возрасте учение происходит лучше и прогресс достигается быстрее, если дать ребенку возможность экспериментировать и набираться собственного опыта под руководством родителей. Дети развиваются вполне естественно, без принуждения, потому что наследуют развитие своих родителей.

Профессиональные медики, а также авторы-дилетанты разрабатывали программы для такого воспитания детей, которое было бы основано на законах естествознания. Многие европейские ученые написали книги о воспитании, но всего лишь несколько трудов получили сколько-нибудь заметное распространение в Америке. Одним из первых и уважаемых авторов был Джон Локк; его книга «Мысли о воспитании» появилась в 1693 году, но несколько десятилетий не привлекала к себе особого внимания и только впоследствии задела за живое американских родителей. Локк стал большим авторитетом в Америке второй половины XVIII века, ссылками на его работы изобилуют книги по медицине и воспитанию детей и романы, упоминания о Локке встречаются даже в личной корреспонденции заботливых родителей. Еще больше авторов бессознательно заимствовали его идеи, переписывая его постулаты и примеры без отсылки к источнику⁹.

Идеи Локка оказали большое влияние на доктора Уильяма Кадогана, автора книг по воспитанию, которые появились в Лондоне в 1740-е годы. Бенджамин Франклин представил его американским читателям, приведя большой

отрывок из книги Кадогана под названием «Очерки о воспитании детей и обращении с ними» в *Pennsylvania Gazette* («Пенсильванской газете») в 1749 году¹⁰. Кадоган в свою очередь повлиял на воспитательные теории доктора Уильяма Бьюкана, чьи книги по этому вопросу начали издаваться с 1760 года. В Америке Бьюкана уважали почти так же, как Локка. Его книги вышли в нескольких издательствах, американцы часто цитировали его труды и заимствовали его идеи¹¹.

Жан Жак Руссо опубликовал «Эмиля» в 1762 году, когда работы Локка, Кадогана и Бьюкана уже вышли в свет. За исключением романиста Д.Д. Хичкока, новая волна американских сочинений о воспитании детей редко содержала прямые ссылки на сочинения Руссо. Руссо считал, что ребенку вплоть до подросткового возраста нужно предоставить практически полную свободу без школьного обучения, а это противоречило распространенному в Америке вниманию к раннему обучению детей. Его влияние здесь не было непосредственным и зачастую замалчивалось, проникая через английских авторов, которые включали идеи Руссо в собственные сочинения.

Новое поколение специалистов по детскому воспитанию соглашалось с тем, что детям следует давать больше свободы, не злоупотребляя запретами и излишней опекой. Локк был первым, кто уверял родителей в том, что с возрастом дети избавятся от многих обычных недостатков младенчества естественным образом, без родительского вмешательства и использования физических ограничений, например обязательно научатся прямо стоять и ходить. Локк советовал родителям: «Пусть вас не беспокоят те недостатки в детях, которые, как вам известно, исправит возраст». Он тактично убеждал родителей, что, «пока дети малы, отсутствие в них светской учтивости в обращении... должно меньше всего заботить родителей»¹². Локк говорит

здесь о ползании. Хотя он, конечно, не считает, что ползание испортит ребенка, он все же (создавая свой текст в конце XVII столетия) не может заставить себя назвать вещи своими именами, то есть употребить слово «ползание». Локк и более поздние специалисты были единодушны в том, что дети вырастут стройными, если их не пеленать, сами научатся ходить, если их не заставлять это делать слишком рано, и будут здоровее, если их не кутать, стремясь уберечь от холода и сырости.

Восприятие детства изменилось: если раньше оно рассматривалось как период беззащитности и неполноценности, через который родители стремились провести своих детей как можно быстрее, то теперь стало периодом подготовки к жизни, в течение которого дети нуждаются только в свободе и руководстве, чтобы развить свои естественные способности и в дальнейшем иметь еще более замечательных потомков, которые достигнут еще больших высот. Образование требует времени, и детство теперь длится дольше. Дети должны отложить свое вступление во взрослое общество до тех пор, пока не завершат образование. Как разъяснял в 1790 году американский писатель Д.Д. Хичкок, «первые семь лет жизни значат для образования намного больше, чем это обычно представляется»¹³. Толмаджи принадлежали к родителям нового поколения. Их дочь Марию не стесняли пеленанием. Их сыновья носили не сковывающую движения одежду, которая позволяла заниматься активными играми. Старший сын Уильям в своем необычном костюме еще выглядит как подросток, без той напыщенности и важности, которыми наделен Дэвид Мейсон на портрете 1670 года. Дэвид должен был постараться преодолеть свою незрелость и имитировать внешность взрослого человека, которого хотели в нем видеть. Общество, в котором родился Уильям Толмадж, ожидало, что он будет выглядеть, одеваться и вести себя как ребенок.

Незрелые годы более не являлись несчастливым и постыдным состоянием. Продолжительное детство считалось ключом к возможности человека себя усовершенствовать. «Жалуются на положение детства, — писал Руссо, — а не видят, что человеческая раса погибла бы, если бы человек не являлся в мир прежде всего ребенком»¹⁴.

ОТКАЗ ОТ ПЕЛЕНАНИЯ

Во второй половине XVIII столетия доктора и родители провели ревизию всех традиционных предметов для младенцев: пелен, детских корсетов, табуретов для ходьбы и стояния и даже колыбелей — и в лучшем случае признали их необязательными, а в худшем — вредными. Действительно, традиционные приспособления для младенцев критиковали, причем все чаще и чаще, еще до появления работ Локка. Некоторые матери уже в конце XVII столетия начали нарушать вековые традиции пеленания. Многие из них пеленали ноги и грудь младенца, но руки оставляли свободными. Другие прекращали пеленание, когда ребенку было всего несколько недель от роду, а третьи отрицали его совершенно, полагая, что шнуровки колыбели достаточно для безопасности ребенка¹⁵. Локк в свою очередь выступал против пеленания вообще и убеждал родителей доверять возможностям природы производить хорошо развитых и здоровых детей. Дети, утверждал он, нуждаются в более легкой и свободной одежде, чем это принято¹⁶. Сэмюэл Ричардсон сделал героиню своего романа «Памела» (1740) ярой поклонницей теорий Локка. Читая его «Мысли о воспитании», Памела размышляет о том, сколь мудры советы Локка: «Сколь много раз мое сердце разрывалось, когда я видела несчастных младенцев закрученных и обвязанных лентой десять или двенадцать раз вокруг; затем одно одеяло наброшено на другое, а сверх всего еще и покрывало. Они не могут повернуть шею, их головы обычно замотаны бо-

лее, чем требуется, в три слоя ... они не могут пошевелить ручками и ножками... Один замотан, другой связан; как этот бедняга лежит на коленях у няньки, несчастный маленький пленник!»¹⁷

Представляется, что после 1750 года авторитеты в области ухода за детьми подхватили существовавшую на тот момент точку зрения, расширили и укрепили ее и вновь вернули в общество, уже подготовленное к их посланию. К 1770 году многие американские матери одновременно отказались от пеленания, и многие молодые врачи поддерживали это начинание. Доктор Бьюкан заявлял, что «сгорбленность, деформация и даже смерть» часто являются результатом пеленания ребенка «как египетской мумии». Он обличал «наемных нянек», которые считают, что со спеленутым ребенком гораздо меньше хлопот, чем с неспеленутым, а также «невежественных, занятых и эгоистичных» мам, более всего думающих о том, чтобы дети выглядели миленькими, и консервативных врачей, упорно сопротивляющихся переменам. В 1809 году, говоря о своей долгой и успешной карьере, Бьюкан отмечал, что ничто не доставляло ему большего удовольствия, «чем освобождение младенцев от жестокой пытки пеленания»¹⁸. К радости Бьюкана и других новаторов, большинство представителей среднего класса Америки и Англии, а также французские горожане к концу XVIII века прекратили вековую практику пеленания. Мнение о развитии ребенка как о естественном и вполне предсказуемом процессе становилось все популярней, и родители все меньше обращались к принудительным способам воздействия на детей, чтобы сделать их лучше.

В 1818 году автор «Лекаря для матерей» с удовлетворением замечала, что «чепчики, головные повязки, пеленки и корсеты, в которые наши бабушки обычно заключали своих несчастных детей», уже «преданы полному забвению»¹⁹.

Поток эмигрантов из Германии, Италии, России и других европейских стран, где население продолжало использовать экономящие время способы ухода за детьми, означал, что традиции пеленания существовали в некоторых слоях американского общества вплоть до первых десятилетий XX века. Для большинства американских детей, однако, единственным напоминанием о былой практике, сохранившимся после 1800 года, был «кусоч фланели, закрывающий пупок», чтобы обезопасить его и поддержать спину и животик. Помимо этого «набрюшника» большинство младенцев в начале XIX века носили «льняную или хлопковую сорочку, фланелевые ползунки и льняную или длинную хлопковую рубаху», все это — на тесемочках²⁰. Новые хлопчатобумажные завязки на детской одежде были рекомендованы врачами ради детской безопасности. Доктор Бьюкан предупреждал матерей об опасности использования булавок, вспоминая, как он обнаружил булавку, «вошедшую на полдюйма в тело ребенка, после чего тот умер в конвульсиях — такое вполне возможно в подобных случаях»²¹.

Прежние привычки, однако, исчезали довольно медленно. В 1849 году Энн Портер написала заметку для *Godey's Lady's Magazine* («Дамского журнала Годи»), описывая рождение ребенка у своей кузины. Кузина читала все новейшие книжки по воспитанию детей, но наняла к ребенку старую няню, придерживавшуюся традиционных методов ухода за младенцами. Когда ей показали приданое для новорожденного, няня воскликнула: «Побойтесь Бога, мамаша! Вы что думаете, я буду пользоваться этими завязочками и петелечками? Я никогда раньше этого не делала и не собираюсь. Кроме того, что станет с телом вашего ребенка, если я его не обожму плотно и крепко прямо сейчас?»²² Предупреждения о «темных» нянях, растящих детей по старинке, достаточно часто появлялись в журналах начала XIX века, предназначенных для женщин среднего класса.

Таким образом, можно предположить, что не все дети избежали уз пеленания и опасностей острых булавок.

Малыши избавились от пеленок и сковывающей движения одежды, но при этом им стало холоднее. «Первое, о чем следует заботиться, — писал Локк, — это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не закутывались слишком тепло»²³. Ставя в пример древних греков, он привел аргумент, который затем будет повторяться в течение 150 лет почти всеми авторами трудов о воспитании детей: «Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду»²⁴. Если родители, принадлежавшие к поколению Локка, изо всех сил старались согреть ребенка, то родители конца XVIII века полагали, что дети, с ранних лет приученные к холоду, вырастут закаленными и будут гораздо более здоровыми и приспособленными к жизни, чем их «тепличные» сверстники. Некоторые врачи порицали обычай пеленания не за то, что при этом ограничивается свобода движений, а за то, что ребенку в пеленках слишком тепло. «Первой большой ошибкой» родителей, сетовал Кадоган за десять лет до американской революции, «является идея о том, что новорожденного младенца невозможно перегреть; из-за этого заблуждения они укрывают ребенка и заворачивают его во фланелевые одеяла, детскую одежду, пеленки и прочее... в результате чего здоровый ребенок через месяц делается таким изнеженным и мерзлявым, что уже не может находиться на свежем воздухе»²⁵. Кадоган считал, что дети не слабее взрослых, а, напротив, более выносливы. Поскольку дети произведены природой, еще не изнежены и не испорчены комфортом, они могут противостоять суровой природе лучше, чем их родители: «Истина состоит в том, что новорожденный никак не может быть слишком охлажден или слишком легко одет». Младенца нужно одевать и укутывать меньше, чем взрослого,

«потому что он от природы теплее и будет переносить холод зимней ночи куда лучше, чем любой взрослый»²⁶. Общество, которое когда-то рассматривало детей как исключительно слабых, неоформленных, еле держащихся за жизнь, теперь верило в то, что младенцы более приспособлены к жизни, чем их родители, испорченные такой роскошью, как мягкие кровати, разнообразная пища и слишком теплая одежда. В первый раз американцам пришла в голову мысль, что взрослые люди теряют возможности и преимущества, которыми обладали в детстве. Забота об этих нереализованных возможностях возростала до тех пор, пока после 1830 года индивидуальная и национальная деградация не стала восприниматься как важная проблема, постоянно обсуждаемая в Америке и Европе.

Если дети должны закаляться, чтобы в дальнейшем холод не вызывал у них заболеваний, то ежедневное купание — прекрасное средство закаливания. Локк рекомендовал делать первую ванну младенца умеренно теплой, каждую следующую — немного холоднее, пока ребенок не привыкнет принимать холодные ванны зимой и летом. Бьюкан, писавший в 1760-е годы, был согласен с такой процедурой, а в 1818 году автор «Лекаря для матерей» не видела смысла в том, чтобы оттягивать неизбежное, и предлагала купать ребенка в холодной воде с самого начала²⁷.

Здравый смысл подсказывал: чтобы младенец вырос крепким, его не нужно туго пеленать и чрезмерно укутывать, а приверженцы новых идей «возвращения к природе» свято верили, что освобождение от пеленок и закаливание оградят ребенка от болезней и отклонений в развитии. Младенцы, настаивали они, должны быть легко одеты, легко укрыты, выкупаны в холодной воде; их следовало ежедневно выводить на свежий воздух. Если раньше дети «поджаривались» под кучей одеял недалеко от огня, то дети конца XVII — начала XIX века, росшие при другой системе

воспитания, задыхались от шока, внезапно погружаясь в холодную воду. Можно сказать, что общепринятые практики ухода за младенцами сначала основывались на тепле, а затем — на холоде.

Хотя холодные ванны, безусловно, слишком опасны для младенцев, идея закаливания была порождена радужным мироощущением и оптимистическим отношением к детям: люди должны воспринимать природу как благодетельницу; если ей не мешать и ничего не предпринимать, все проблемы успешно решатся; бояться следует не природы, а цивилизации. И поскольку дети меньше, чем взрослые, подвержены влиянию цивилизации, они ближе к природе, то есть здоровее, чем их родители, по крайней мере в некотором отношении. Впервые родители увидели в своих детях, наделенных силой, разумом и счастливым будущим, какое-то превосходство над собой. Образ детства стал включать в себя положительные черты.

ОТКАЗ ОТ МЕБЕЛИ

Все больше родителей считали, что детей надо приучать к холоду, и отказывались от традиционной деревянной колыбели. Ей на смену пришли модели с боковинами из реек, благодаря чему воздух циркулировал вокруг ребенка. «Все знают, что воздух плохо проникает в детскую колыбель, — замечал в 1839 году Уильям Олкот, известный и уважаемый автор, писавший о детском воспитании, — особенно если у нее имеется верх или полог, что мы часто можем наблюдать»²⁸. Так называемые виндзорские колыбели, завоевывавшие все большую популярность, были сделаны из изогнутых деревянных брусьев и реек: считалось, что ребенок в них становится здоровее от свежего воздуха и сквозняка. Тонкие тюфяки и сложенные в несколько раз одеяла пришли на смену прежним пуховикам, которыми со всех сторон укутывали ребенка, чтобы ему было тепло. Матери больше

не закрепляли ребенка шнуровкой внутри колыбели — теперь он мог свободно дрыгать руками и ногами. Если одеяла сбивались, то в этом не видели большой беды.

Хотя родители больше не заставляли детей лежать строго навывтяжку, многие, особенно до середины XVIII столетия, все же предпочитали, чтобы дети лежали именно так. Доктор Кадоган, например, отмечал, что есть одна «маленькая деталь», от которой зависит успех в воспитании младенцев, — необходимо «заставить их лежать в кровати выпрямившись. Я не имею в виду быть как недвижимое тело, — поспешно поясняет он, — пусть их конечности чувствуют себя свободно и удобно. Я иногда вижу детей одного-двух лет, которые лежат, свернувшись в кровати как в утробе матери, особенно в холодную погоду»²⁹. Старые привычки и страхи отмирали медленно.

Многие дети продолжали спать в традиционных деревянных колыбелях вплоть до XIX века, поскольку в семьях, где уже существовали старые колыбели, их продолжали использовать. Более того, их конструкция была несложной и недорогой, каждый мог соорудить такую. В самом конце XIX века произошел новый всплеск производства традиционных колыбелей — из-за возросшего интереса к колониальному прошлому. Деревянные колыбели никогда не исчезали полностью, но уже с последней четверти XVIII столетия они перестали быть самой распространенной мебелью для младенцев в Америке.

Главным в колыбели были не размер или конструкция, а способность укачивать. Укачивание изначально рассматривалось как имитация плавных движений ребенка в утробе. Врачи XVII–XVIII веков полагали, что зародыш внутри матери подвешен на пуповине; когда женщина движется, зародыш слегка покачивается. Считалось, что младенцам нравится покачивание колыбели, потому что оно напоминает им об утробе. Матери были убеждены, что «даже самых

неугомонных детей успокаивает движение колыбели, и в конце концов они сладко засыпают»³⁰.

Мягкое покачивание действительно способно успокоить нервного ребенка и, конечно, достаточно безвредно, но и колыбели могли причинять вред младенцам. Врачи защищали укачивание и убеждали родителей, что «не может произойти никакого вреда» от использования колыбели (правда, с оговоркой: «в руках заботливых и любящих матерей»). Проблемы возникали, когда ребенок оставался на попечении «нетерпеливых нянек и легкомысленных мальчиков и девочек», «которые в крайнем безрассудстве и жестокости» раскачивали колыбель так сильно, что малыш терял сознание от продолжительного головокружения и тряски. В результате долгого и сильного раскачивания ребенок мог впасть в ступор на несколько часов. Книги, содержащие советы матерям, никогда не обвиняют их в неправильном употреблении колыбелей — ведь именно матери являлись покупательницами этих сочинений. Возможно, однако, что матерей, спешивших к своим домашним обязанностям и сильно раскачивавших колыбель, чтобы успокоить крикливого младенца, было не так уж мало³¹. В колониальный период колыбель рассматривалась как желательное новшество, которое обезопасит сон детей и уберезет от распространенной трагедии: когда младенцев клали спать вместе со взрослыми, их часто придавливали. Но в конце XVIII века использование колыбели уже осуждали.

Многие врачи не рекомендовали отказываться от колыбели и ее успокаивающего укачивания — они лишь советовали ограничить ее неправильное использование. Для того чтобы «противостоять злу» отказа от колыбели, Бьюкан настаивал на том, что «переход от колыбели на крюке к крепко стоящей на полу кровати совершенно не обязателен». Если следует искать альтернативу традиционной колыбели, то он предпочел бы «простоту и надежность» маленьких

корзинок, подвешенных на веревке, которые будут слегка покачиваться от дуновений свежего воздуха³². В 1839 году Уильям Олкот также поддерживал идею подвешенных колыбелей, которые «можно слегка покачивать, а не раскачивать»³³. Если авторы книг по уходу за младенцами выступали за такие покачивающиеся колыбельки, то родители относились к ним без особого энтузиазма. Небольшое количество колыбелей, качавшихся туда-сюда на прикрепленной к раме веревке, было произведено и продано в Америке в XIX веке, но они никогда не преобладали на рынке. Американцы предпочитали либо все, либо ничего: если уж не традиционную раскачивающуюся на крюке колыбель, то стационарную кроватку.

К концу XVIII столетия американские дома стали больше и удобнее. Колыбель теперь редко стояла внизу, среди кухонной суеты или в ставших более официальными общих комнатах. Теперь она находилась наверху, чаще всего в комнате родителей или в детской. То, что называли детской в конце XVIII века, могло быть комнатой, в которой спали мать с младенцем в течение нескольких недель, а иногда и месяцев после рождения ребенка, или комнатой, в которой младенец находился со своими старшими братьями и сестрами и няней³⁴. В 1832 году доктор Уильям Дьюиз из Филадельфии замечал: «Почти у всех состоятельных людей часть дома отведена под помещение, называемое детской». Родители обычно выбирали для детей комнату в глубине дома или на третьем этаже — максимально удаленную от домашней суеты. Они считали детскую сугубо утилитарным помещением. Ее не особо обустраивали, не украшали и не тратились на нее, но, как и комната для больных, она предназначалась для заботливого ухода. Родители обычно выделяли под детскую самое неказистое помещение, непригодное ни для чего иного, тем более что гости сюда никогда не заглядывали. Удобные комнаты с красивым видом из окна предназначались для других членов семьи и гостей.

В конце концов, когда младенцы выросли, их комната все равно использовалась под что-то другое. Дьюиз и другие реформаторы жаловались: помещение для детской «обычно избирается потому, что находится под рукой», или потому, что «оно единственное, оставшееся свободным», при этом «никто не задумывается, соответствует ли оно своему предназначению»³⁵. В действительности же в конце XVIII — начале XIX века даже очень маленькая и неказистая детская была смелым новшеством. Большинство семей вообще не выделяли детям специальное помещение.

Самые первые американские детские были очень простыми спальными комнатами для ребенка и того, кто за ним ухаживал. У. Олкот полагал, что в детской «никакая иная мебель недопустима, кроме кроватей для матери и ребенка, стола и нескольких стульев»³⁶. Американцы обычно не подражали английской традиции отдавать детям несколько комнат, включавших в себя дневную комнату, спальную, а иногда и классную — традиции, которая ограничивала почти всю деятельность ребенка теми помещениями, которые были для него отведены. Некоторые американские дети спали в бедно меблированной детской, но практически все проводили дневное время вместе со всей семьей.

То, что детям стали выделять особое место для сна, совсем не обязательно свидетельствует о новом проявлении заботы. Скорее всего это явилось результатом веяния времени — расширять дома и делать в них комнаты, имеющие специальное назначение. Иначе говоря, детские появились в американских домах приблизительно в то же время, что и спальные, столовые, кабинеты. Причем детские оставались наименее распространенными среди специальных комнат.

Как только ребенок вырос из колыбели, его выселяли из детской, отправляя спать к братьям и сестрам, слугам или родителям. Маленький внук Джорджа Вашингтона, Джон Парк Кастис, жил в Маунт-Верноне в комнате на третьем эта-

же вместе с секретарем Вашингтона. В 1774 году в Номини-Холле, богатом поместье в Вирджинии, четыре дочери Роберта Картера жили вместе с одной из служанок, его сын Бенджамин делил комнату, находившуюся рядом с классной, со своим учителем, а племянник Генри и сын Роберт спали в одной комнате с секретарем³⁷. Большинство родителей все еще полагали, что детей надо разлучать и помещать под бдительный надзор взрослых, достойных доверия и оказывающих хорошее влияние.

В середине XVIII века доктор Уильям Бьюкан сетовал на то, что «детей заставляют спать в маленьких комнатах или в одном помещении, заставленном двумя или тремя кроватями». В качестве примера он приводил одного из своих пациентов, некоего Эдварда Уоткинса, который в возрасте 18 лет все еще спал в одной комнате с родителями³⁸. Гарриет Маниголт, девушка из Филадельфии, замечала в своем дневнике в 1814 году, что она «сидела очень удобно перед камином в комнате матери (где я сплю) и совершенно без церемоний, как бывает в ночное время»³⁹. Две ее младшие сестры делили комнату на третьем этаже с горничной. Когда сестра Эмма заболела, ее перевели в комнату матери, а Гарриет переселилась в другую комнату. Восемнадцатилетняя Гарриет сетовала в своем дневнике: «Я теперь сплю совершенно одна, чего раньше никогда не бывало и что мне совсем не по вкусу»⁴⁰. Между 1750 и 1850 годами дети продолжали спать там, где было удобно семье. Делить с кем-нибудь комнату (и даже кровать) было так обычно и нормально, что и взрослые считали неприятным спать ночью в одиночку.

Дети обычно вырастали из колыбели к тому времени, когда начинали ходить. Ни врачи, ни родители не видели смысла в том, чтобы заставлять детей учиться ходить как можно раньше. Родители гораздо больше полагались на то, что природа возьмет свое и ребенок начнет ходить, когда будет к этому готов. Доктора уверяли родителей, что детям

«не нужны никакие упражнения в течение первых двух месяцев после рождения». После этого возраста младенцы, свободно двигающиеся конечностями, будут тренироваться самостоятельно, делаясь все сильнее и ловчее, каждый в своем темпе развития⁴¹. Ползание, однако, по-прежнему считали очень нежелательным и настораживающим видом активности. Доктора уже не предупреждали о вредном эффекте ползания, но просто игнорировали его. Описание развития ребенка в первый год жизни обычно включало следующее: во-первых, удары руками, когда ребенок лежит в колыбели, во-вторых, умение сидеть, в-третьих, умение стоять и, наконец, первые шаги. Даже в 1839 году Уильям Олкот успокаивал многих родителей, волновавшихся из-за того, что их дети пытались ползать⁴². Только автор «Лекаря для матерей» признавалась, что ее дети сначала научились ползать и лишь потом — ходить. Она оправдывала ползание, утверждая, что это важная деятельность, полезная форма упражнений, укрепляющих ноги и приближающих начало настоящего хождения. «Дети, которым разрешают ползать по комнате столько, сколько они хотят, — утверждала она, — оказываются более стройными и более сильными, чем те, которых заставляют ходить как можно раньше»⁴³. До 1830 года художники изображали детей скачущими, стоящими на коленях, сидящими на земле и лежащими на подушках на полу, но никогда — ползающими на четвереньках. Аналогичным образом они описывались и в книгах. Ползание больше не казалось ужасным, но все же считалось, что оно не украшает человека, в каком бы возрасте он ни был.

А вот по поводу табуретов для ходьбы все были единодушны. На исходе XVIII столетия эксперты по детскому воспитанию твердо верили в то, что детей «никогда не должно соблазнять искусственными средствами»⁴⁴. Поскольку все были убеждены в том, что дети могут и должны учиться ходить самостоятельно, то ходунки, табуреты для стояния,

вожжи и другие подобные приспособления объявлялись устаревшими. Если хождение является естественным и неизбежным результатом взросления каждого нормально-го ребенка, то тогда «ничего не может быть глупее, чем бесчисленные ухищрения матерей учить своих малышей ходить, как будто этому следует обучаться с посторонней помощью; и поддерживать детей при помощи деревянных приспособлений или вожжей, как будто падения угрожают их жизни»⁴⁵. Подобные изобретения казались не только ненужными, но и «пагубными изобретениями», поскольку, ускоряя процесс обучения, искажали его. «Ходунки и вожжи для детей, — писал Бьюкан в 1809 году, — не только тормозят... детскую активность и производят неуклюжую походку», которую трудно исправить, но могут вызвать болезни груди, легких и кишечника⁴⁶. В начале XIX века родители верили, что ходунки и подобные приспособления способны привести к увечьям, но даже если такого исхода удастся избежать, серьезные травмы ребенку обеспечены. «Я слышала рассказ своей бабушки, — писала одна из матерей. — Ее сын упал в подвал, двигаясь в табурете для ходьбы, и чуть не убился»⁴⁷. Другие дети в ходунках падали «на темных и витых лестницах», ошпаривались, играя на кухне, или получали сильные ожоги оттого, что их одежда загоралась, когда они подбирались слишком близко к неогороженному огню⁴⁸.

Вожжи, табуреты для стояния и ходунки исчезли из американских домов. В 1830 году Уильям Олкот сообщал, что их осталось уже весьма немного в домах американцев, и это — последние остатки уходящей в прошлое системы воспитания. В былые времена самые главные приспособления для младенцев, теперь они заброшены и забыты. Забыты настолько, что когда в 1867 году Godey's Lady's Magazine сообщил об использовании во Франции «детских вожжей», а в 1885 году журнал Babyland («Детский мир») — ходунков в Италии, оба издания преподнесли применение этих при-

способлений в качестве странных чужеземных обычаев, совершенно не известных американскому читателю⁴⁹.

Родители конца XVIII — начала XIX века перестали использовать пеленки, табуреты для стояния, ходунки, детские вожжи, при этом никаких новых устройств для стояния и хождения или детской мебели не появилось. Поскольку взрослые были совершенно уверены, что младенцы вполне способны развиваться самостоятельно, в специальной мебели не было никакой необходимости и она казалась даже вредной, поскольку могла помешать естественному процессу взросления. Единственное исключение — подобие высоких стульчиков, которые в конце XVIII века стали встречаться чаще, чем раньше. Тем не менее детская мебель оставалась редкостью вплоть до конца XIX века, поскольку никто не считал ее нужной.

В конце XVIII века высоких стульев производилось больше, чем когда-либо раньше, но они по-прежнему являлись роскошью. Вид такого стула полностью соответствовал его названию — сиденье располагалось высоко, чтобы маленькому человеку было удобно сидеть за обычным столом (илл. 10). Это были обеденные стулья с уменьшенным сиденьем и высокими ножками, из-за чего ноги у детей неудобно болтались, и со страховочным ремнем или планкой спереди; у многих таких стульев не было подлокотников. Даже в 1839 году Уильям Олкот жаловался, что высокие стулья и редки, и неудобны. Никто из взрослых, утверждал он, не захотел бы сидеть за столом, не доставая до пола ногами⁵⁰. Но очень немногие дети того времени могли лично убедиться в неудобстве высоких стульев — большинство сидели на коленях у взрослого, или же на стул подкладывали что-нибудь, чтобы сделать сиденье выше.

Маленькие детские стульчики стали более частыми после 1770 года. Различные миниатюрные варианты вошедших в моду виндзорских стульев, причудливо раскрашенные

стулья, стулья на колесиках встречаются в каталогах магазинов, завещаниях, объявлениях и на портретах маленьких детей. Однако на портретах на таких стульчиках сидят только девочки в возрасте до семи лет, а мальчики или дети старшего возраста — никогда. Например, из 97 портретов маленьких девочек, написанных между 1770 и 1830 годами, на 19 (то есть на 20 %) есть изображение детского стульчика. Один или два младенца мужского пола позируют, сидя на высоком стуле, но никогда — на низеньком детском. В XVII веке на стульях сидели главные члены семьи или почетные гости; все остальные — на табуретах или лавках. В течение XVIII столетия стулья стали более обычной мебелью, а кресла, как правило, предназначались для слабых и больных. Женщины, особенно пожилые, часто изображались удобно расположившимися в креслах, в то время как здоровые мужчины и мальчики — никогда. Производство детских стульчиков свидетельствовало, во-первых, о том, что ранее престижный предмет мебели вошел в широкий обиход, и, во-вторых, о появившемся убеждении, что женщины всех возрастов являются слабыми существами и нуждаются в особой заботе и поддержке. Связь детских стульчиков и маленьких девочек также дает возможность предположить, что общество расценивало сидячие занятия: чтение или нянчение кукол — как свойственные девочкам или подталкивало девочек к подобной деятельности, тогда как их братья играли в активные игры и у них не было времени на сидение.

Помимо стульев и колыбелей, американские родители практически не покупали никакой мебели для своих детей. Свобода естественного взросления означала свободу от ограничений, которые приносили искусственно созданные вещи. Отказ от них означал и их исчезновение. Большинство детей просто учились импровизировать, сталкиваясь со своими ежедневными проблемами; так всегда делали и дети предыдущих поколений, самостоятельно

находя применение всем вещам, которые им попадались. Пожалуй, наиболее часто встречающийся образец мебели, приспособленной для детей, — это обычная скамейка для ног. На такую скамеечку ребенок легко мог усесться, она также прибавляла ему роста — если на нее встать, можно было легко дотянуться до стола. Дети в 1800 году получили свободу быть детьми, но они по-прежнему обитали в мире, приспособленном для взрослых.

СЛУГИ И СЛАДКИЙ СИРОП

В первые десятилетия после американской революции отношение общества к подросткам детям менялось быстрее и радикальнее, чем к младенцам. Буржуазные семьи постепенно начали видеть в детстве необходимую и естественную стадию жизни, однако продолжали относиться к младенцам как к эгоистичным, несимпатичным и неинтересным существам. Гарриет Маниголт из Филадельфии записала в своем дневнике в 1815 году, что некий Уильям Моррис нанес ее семье «приятный визит»; в гости он зашел вместе со своей сестрой. Когда его спросили, сколько у сестры детей, пораженный Моррис ответил: «На самом деле я никогда не спрашивал ее об этом» и пояснил, что считает «детей гораздо более скучными, чем щенки или котята»⁵¹. В другом случае, узнав, что «бедняжка тетя Клаудия собирается преподнести своему дорогому мужу милый подарочек через четыре-пять месяцев», Маниголт уже сама сухо замечает: «Я не думаю, что его это сильно обрадует: семья у них и так большая»⁵².

Большинство людей считали детство утомительным периодом, предшествующим более интересным стадиям развития: это хорошо видно на материале множества текстов биографического и автобиографического характера, относящихся к первым десятилетиям XIX века. Обычно они начинаются с обзора семейных отношений и перечисления предков, после чего сразу переходят к более зрелым годам.

Описание Эдвардом Ченнингом жизни Уильяма Эллери, сделанное в 1836 году, является примером этого подхода и начинается так: «Уильям, его второй сын, родился в Ньюпорте 22 декабря 1727 года и вместе со своим старшим братом был определен в колледж Гарварда, вероятно, в 1743 году»⁵³. В одном предложении автор делает скачок, опуская все, что ему представляется неинтересным и неважным, то есть относящееся к ранним годам жизни героя, и сразу переходит к более значимым фактам.

Многие из тех, кто писал о детском воспитании и материнстве, воздавали должное матерям именно за то, что они брали на себя нудную и неблагодарную работу по воспитанию маленьких детей. «Кто как не мать, — спрашивала автор «Лекаря для матерей» в 1818 году, — может испытывать интерес к беспомощному новорожденному, оказывая ему неусыпное, беспрестанное внимание», без которого он не выживет?⁵⁴ В 1790 году Д.Д. Хичкок, одобряя одну из матерей, писал: «То, что она делает сейчас для своего ребенка, который ее еще только узнает, говорит о том, как много она сможет сделать, когда он научится чувствовать»⁵⁵. Хичкок, весьма прогрессивный во многих аспектах детского воспитания, продолжал смотреть на младенца как на существо, неспособное на какие-либо эмоции помимо животного стремления к удовлетворению своих насущных потребностей. Как и большинство людей своего поколения, он видел в заботе о младенцах родительский долг, а не удовольствие.

Многие матери, которым требовалась помощь и отдых от забот, привлекали слуг или использовали лекарства, чтобы упростить уход за ребенком. Поскольку и родители, и врачи видели в малышах примитивные существа, считалось, что каждый «разумный слуга» может удовлетворять основные потребности детей и уберечь их от опасностей⁵⁶. В этом случае мать высвобождала себе время для других многочисленных домашних дел. Часто помощницей

оказывалась младшая сестра матери, сама еще подросток, или девочка соседей. Будучи совсем юной, Люси Ларком уже нянчилась с двумя маленькими сыновьями своей старшей сестры. Ларком описывает близкие отношения, сложившиеся между еще совсем юной девушкой, которая через несколько лет сама выйдет замуж, и женщиной, взявшей ее в помощницы: «Девочка стала членом семьи, разделила ее трудности, почувствовала их, как свои собственные. Нанявшая ее женщина была великодушной и не могла не ощущать, что только деньгами нельзя отплатить за службу от всего сердца; она добавила к ним свое дружелюбие, благодарность и уважение»⁵⁷. Из-за огромной физической работы, выпадавшей на ее долю, молодая мать нуждалась в помощи с новорожденным. Молодые служанки в свою очередь получали опыт и возможность скопить немного денег на устройство собственного будущего.

Неудивительно, что реформаторы ухода за детьми не одобряли перекладывание столь важного дела на молодежь и слуг. Все их старания образовать матерей, приобщить их к новой научной философии детского воспитания сводились к нулю, если работа по уходу за детьми ложилась на плечи «темных» слуг. Как правило, авторы, писавшие об уходе за детьми, обвиняли в тугом пеленании, неправильном закаливании булавками, травмах при использовании ходунков и сильном раскачивании колыбелей невежественных и нетерпеливых слуг, которые более ценили собственное удобство, чем здоровье и комфорт ребенка. Если кто и думал, что некоторые матери тоже могут быть небрежными, он оставлял эти соображения при себе. Поскольку в конце XVIII века общество поверило, что внимательное отношение к детскому воспитанию усовершенствует не только настоящее поколение, но, через передачу наследственных черт, и будущие, уход за детьми становился слишком важным делом, чтобы доверять его слугам.

Локк был первым, кто предупреждал родителей о вредном влиянии слуг, разговоры и поступки которых могут неблагоприятно отразиться на детях. Фактически он настаивал на том, чтобы оградить впечатлительных детей от контактов со слугами, поскольку те, лишенные «цивилизованности и чести», могут оказать «ужасное воздействие» на своих подопечных. Дети также «очень часто научаются у невоспитанных и развращенных слуг таким выражениям, непристойным шалостям и порокам, о которых они другим путем, может быть, не узнали бы за всю свою жизнь»⁵⁸. Литературные персонажи — члены семьи Блумсгроув из Бостона — внимательно относятся к этим предупреждениям Локка в нравоучительном романе Д.Д. Хичкока «Мемуары семьи Блумсгроув». Мистер Блумсгроув достаточно состоятелен, чтобы приставить слугу к каждому из своих детей, но, «оценивая опасный эффект этой меры», он берет воспитание и образование отпрысков под свой личный контроль⁵⁹. Забота о формировании характера ребенка в самом нежном возрасте стала важной обязанностью, требовавшей непосредственного родительского участия.

Мать, считавшую удобным нанимать слуг для своих детей, одолевала сомнения, пойдет ли такое общение на пользу впечатлительному ребенку. Неумело подобранные слуги могут привить детям плохие привычки и неотесанность, ухудшить их умственные способности и моральный облик, сделать грубыми их характер и внешность. Возрастающее классовое сознание и недоверчивость только увеличивали опасения. Поскольку родственные и соседские контакты развивались внутри классов, нянями детей все реже становились дочери соседей и все чаще — молодые иммигрантки или девушки из рабочего класса, а это, конечно, увеличивало риск⁶⁰.

Некоторые матери продолжали отсылать новорожденных жить у кормилицы до тех пор, пока ребенок не

подрастет. Эта система была вдвойне удобной: ребенок получал необходимое ему питание без всяких неудобств для матери и не мешался под ногами до тех пор, пока не вступал в сознательный возраст. Как и раньше, многие женщины не особенно интересовались своими новорожденными, полностью оставляя их в первые годы жизни на содержание кормилицы. «Многие матери редко видят своих детей в первые месяцы их жизни, — жаловалась в 1818 году автор «Лекаря для матерей», — когда их дети, возможно, уже приобретают плохие привычки»⁶¹. Богатый плантатор из Вирджинии Лендон Картер полностью поддерживал воспитание у кормилицы, отдавал ей своих детей, настаивал на том, чтобы отдать и внуков, и с удовлетворением замечал, что его богатые соседи также придерживаются этого обычая. Его невестка, однако, была приверженкой новых методов воспитания и яростно боролась в 1770 году за право самой вскармливать своего ребенка⁶². К 1800 году все больше матерей предпочитали содержать детей дома и вскармливать их самостоятельно, для того чтобы следить за ребенком с первых дней его жизни. Все чаще осуждали «противоестественную» мать, которая не вскармливает младенца «из-за лени и презрения к тяжелой работе по поддержке существования своего беспомощного дитяти»⁶³. Хотя при многих богатых семьях продолжали жить кормилицы, эта практика постепенно отмирала в течение XIX столетия: матери часто нянчили своих детей самостоятельно.

Если в колониальный период родители боялись проявления у детей черт, свойственных животным, то родители конца XVIII — начала XIX века усматривали причины нежелательного поведения детей в дурном влиянии на них людей, находящихся рядом. Если более ранние поколения видели беду в слабостях и пороках, свойственных детской природе, то позднее родители стали видеть угрозу не только вне самого ребенка, но и вне его семьи. Традиционно

родители решали эту проблему, заставляя детей вести себя подобающим образом. После 1770 года просвещенные и сознательные родители стремились защитить своих детей от контактов с внешним миром. Детская природа осталась прежней, но ее культурная интерпретация подверглась значительным изменениям.

Опасаясь доверяться слугам и прекратив использовать пеленание и манеж, многие матери обратились к алкоголю, опиуму и другим наркотическим средствам, чтобы успокаивать неугомонного ребенка. Веками европейцы и американцы считали, что потребление алкоголя идет на пользу людям всех возрастов. Мясо и эль делают мужчин крепкими, и эль, безусловно, более здоровый напиток, чем быстро портящиеся вода и молоко. Отнимая детей от груди, родители давали им пиво или вино, чтобы одновременно и укрепить их, и успокоить. Локк считал, что лучшим питьем для ребенка является небольшое количество пива (не очень крепкого), и полагал, что лучше всего ему «редко или вообще никогда не отведывать вин и крепких напитков», если они не прописаны доктором. Он с грустью констатировал, однако, что «ничто не является более обычным напитком, который дают детям в Англии [чем алкоголь], и нет ничего более опасного для них»⁶⁴.

До тех пор пока в первой половине XIX века движение за трезвость не получило широкой поддержки, практика давать детям алкогольные напитки не подвергалась критике. Еще в начале XIX века далеко не все были согласны с тем, что немного пива или вина может причинить ребенку вред. Одна пожилая женщина ворчала в 1834 году на «тот вред, которые принесли эти общества трезвости». Все было гораздо лучше, когда ее дети были маленькими. «Дети так не орали, когда я была молодой, — вспоминала она, — я и подумать не могла, что смогу справиться с ребенком без графинчика джина. Ничего лучше не помогает от колик»⁶⁵.

Получив немного джина, пива или вина (с водой или без нее), каждый ребенок спал долго и беззвучно, хотя, может быть, и не очень хорошо. А поскольку многие матери продолжали верить в то, что алкоголь укрепляет детей, он казался отличным выходом из положения.

«Существует много матерей и нянек, — писал Уильям Олкот в 1839 году, — которые не только радуются тому, что их ребенок долго спит, поскольку это дает им свободное время, но и стремятся, чтобы он спал еще дольше... прибегая к искусственным методам. Я имею в виду использование не только колыбели, — продолжал он свои объяснения, — но также сердечных капель и снотворного»⁶⁶. В первые десятилетия XIX века многие матери перестали использовать алкоголь, чтобы успокоить своих детей. Все больше женщин среднего класса присоединялось к народному движению за трезвость, они и их друзья уже не считали алкоголь подходящим средством для младенцев. В поисках заменителя они обращались к появившемуся в продаже сладкому сиропу, который усиленно рекламировался и продавался под сбивающими с толку названиями, такими как «Микстура Могга», «Укрепляющее средство Годфри» и «Сладкий сироп от Грэхема». Практически все разновидности сиропа содержали высокий процент алкоголя. В составе многих были также снотворные средства.

Сладкие сиропы приобрели популярность, потому что оказались очень действенными. Производители утверждали, что сироп может успокоить самых беспокойных детей, и не грешили против правды. Родители не представляли себе состава медикаментов, которые так доверчиво использовали, но даже если бы они и знали все ингредиенты, то вряд ли решились бы, что подобные лекарственные средства могут нанести вред ребенку. Многие специалисты по уходу за детьми советовали использовать вызывающие наркотическую зависимость лекарства, чтобы успокоить ребенка, убеждая родителей

в эффективности и безопасности сиропов. В 1830 году Лидия Чайльд рекомендовала давать детям парегорик (камфорную настойку, содержащую опиум) в случаях крайней необходимости, а «Лекарь для матерей», советы которого звучали весьма авторитетно, защищал право матери иметь в доме небольшую аптечку, необходимую для ухода за ребенком. Лидия предпочитала «слабое успокоительное, основанное на парегорике, или сироп из белого мака», чтобы успокоить младенца в период появления зубов или отнятия от груди, и «несколько гранов опиума, смешанного с тремя или четырьмя гранами ипекакуаны (рвотного корня), в виде таблеток с сиропом из головок белого мака», чтобы лечить недомогающего ребенка. В случаях простуды она настаивала на шафрановом чае, хотя и отмечала, что «некоторые врачи насмежаются над практикой пожилых женщин и говорят, что этот чай может испортить и разгорячить кровь». Она защищала свой подход к лечению на том основании, что «все может вызвать эксцессы», полагая, что «абсурдно» «совершенно запрещать использование опиума на том основании, что он приводит к смерти, если его передозировать»⁶⁷. Другие домашние средства для беспокойных детей включали в себя кошачью мяту, ананасовый корень, морфин, камфору, копченый чай (который на самом деле делался из сажы дымохода) и подслащенную табачную воду. Кое-какие средства были безобидными, другие — очень опасными. Далеко не все они помогали успокоить ребенка. Камфора, например, основной ингредиент нафталиновых шариков, одновременно возбуждающая и раздражающая, вряд ли подходила для этой цели. Детей пичкали и лечили большим количеством разнообразных средств, составленных из депрессантов, стимулянтов и ядов, причем в самых причудливых комбинациях. Как это ни парадоксально, в попытке защитить детей от губительных последствий пеленания, ходунков и невежественных слуг родители обратились к более опасной и разрушительной альтернативе.

ГЛАВА 4. ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

«СКЕЛЕТ» И МУСЛИНОВОЕ ПЛАТЬЕ

В 1757 году Манн Пейдж и его сестра Элизабет позировали художнику Джону Волластону в их доме в Вирджинии (илл. 12). Как и все десятилетние мальчики, Манн носил модный сюртук, жилет и бриджи; его младшая сестра была одета в элегантное шелковое платье с корсетом. Но в отличие от Дэвида Мейсона, чей портрет был написан в 1670 году, Манн не выглядит точной копией взрослого. Мужчины в 1757 году пудрили волосы или носили напудренный парик, а на шее завязывали белый льняной платок. У Манна же волосы подстрижены и не напудрены, шейного платка нет, ворот рубашки присобран и закреплен черной ленточкой, которая видна из-под сюртука. Благодаря этим небольшим отступлениям от взрослого костюма ребенку было проще и удобнее носить такую одежду, а не необходимый для джентльмена шейный платок и жаркий тяжелый парик, вызывающий зуд.

Начиная с 1750 года мальчики, достаточно большие, чтобы носить бриджи, были избавлены от наиболее неудобных особенностей взрослого костюма. То, что мальчиков

7–10 лет освободили от ношения общепринятой мужской одежды, соответствовало более доброжелательному отношению к детству. Манн Пейдж в один прекрасный день станет взрослым, однако общество более не чувствовало необходимости торопить его. Между платьишками младенцев, с одной стороны, и бриджами и париками взрослых — с другой появился слегка модифицированный взрослый костюм, облегчающий тяготы взросления. На портрете Волластона образ юного Пейджа сочетает в себе взрослеющего мужчину (в бриджах) и играющего ребенка (с птичкой в руках). Американцы выделили для своих подрастающих сыновей особый этап жизни в череде возрастов. Они больше не пытались создать иллюзию взрослости, которая была им по душе в 1670 году. Ребячливость и любовь к играм теперь не считались недостатками, а воспринимались как особенности детства, причем это отношение уже так укоренилось, что отразилось в дорогом парадном портрете, который в семье Пейдж будет передаваться из поколения в поколение.

Юный Манн Пейдж на портрете одет в костюм подростка, смысл которого был понятен каждому, но взросление его сестры Элизабет по-прежнему мало значило для общества и не отмечалось особой одеждой. Как и Джоанна и Абигайль Мейсон, Элизабет Пейдж одета по моде, которой придерживались женщины всех возрастов. Однако вместо того чтобы изобразить ее с каким-нибудь типично женским атрибутом, например веером или цветком, Волластон рисует Элизабет нянчащей куклу у себя на коленях. Девочка одета как маленькая женщина, но все же художник показывает ее ребенком за игрой. Девочек считали детьми, но их развитие — все еще ограниченным, недостойным специального внимания. По-прежнему казалось, что разница между женщиной и девочкой совсем небольшая. Иначе говоря, отношение к мальчикам и мужчинам изменилось, а к девочкам и женщинам — пока нет.

В 1750–1770 годах лишь в немногих детских портретах показывалась недавно получившая признание детская любовь к игре, то есть на полотне изображались игрушки или дети за игрой. Тем не менее эти портреты отмечают начало восприятия игры в качестве естественного и нормального детского занятия¹. А уж после 1770 года на детских портретах достаточно часто рисуются игрушки: девочки изображаются с куклами, кукольной мебелью и посудой, серсо и домино, мальчики — с мячами, обручами для катания, игрушечными повозками и санками, лошадками и солдатиками. Все это явно свидетельствует о новом отношении к детским играм. Самое главное состоит в том, что детям разрешили играть в игрушки. Локк определял игру как учебный процесс, необходимый для развития молодого поколения, а игрушки — как естественные принадлежности детства. Кроме того, он доказывал, что отдых так же необходим, как труд и еда². Спустя столетие после выхода его книги американские семьи с ним согласились. После чтения «Мыслей о воспитании» Элиза Пинкни из Южной Каролины купила своему сыну разрезной алфавит, чтобы он мог «учиться, играя», и заметила при этом, что немного поторопилась, «так как сыну нет еще четырех месяцев»³.

Когда детям не только позволили играть, но и стали поощрять это занятие, игра стала ассоциироваться с детством. Вместо того чтобы присоединяться к играм взрослых, как это было раньше, дети были заняты играми, которые считались подходящими их возрасту. Общество определило понятие детства как особую стадию развития человека, со своими нуждами и положительными сторонами, и снабдило его особым видом деятельности. В детском мире появились игры и игрушки. Дети теперь играли в утвержденные обществом детские игры, а взрослые развлекались по-другому. Дети больше не играли в карты,

а взрослые перестали играть в «найди горошину»*. Разные поколения начинали жить во все более различающихся мирах⁴.

В XVIII – начале XIX века мальчики и девочки играли отдельно и в разные игры. Девочки играли с девочками: «нам редко разрешали играть с другими мальчиками, кроме наших братьев», отмечала Люси Ларком⁵. Девочки играли в куклы. Магазин Джона Мейсона в Филадельфии, как и многие другие, давал рекламу: в продаже имеются «куклы в платьях, голые и маленькие куколки»⁶. Каков бы ни был размер куклы, она представляла собой элегантную леди, которая помогала девочке выработать вкус и навыки, необходимые для женщины. Девочка «может одевать и раздевать свою куклу, репетировать с ней все церемонии, необходимые при нанесении визита и при приеме гостей»; она может делать с куклой «такие вещи», «для которых женщине обычно требуется модистка». Кукла также играет роль ребенка, которого девочка «нянчит, наставляет и поправляет»⁷. Даже без конкретных игрушек воображаемые игры девочек концентрировались на имитации деятельности взрослых женщин. Филипп Фидиан описывал юных дочерей Роберта Картера, которые «привязывали пряжу к стулу», ходили туда-сюда, как будто занимались прядением, «брали тряпки и стирали их без воды», драили пол и «вязали, пользуясь соломинками». Маленькие Фанни и Гарриет Картер также играли в «женские дела», «запихивая тряпки себе под рубашки, за лямки передников», и «были чрезвычайно довольны тем, что похожи на беременных женщин»⁸. Игры девочек готовили их к будущим занятиям.

* В «найди горошину» (англ. Hunt-the-Bean) играют следующим образом: горошины прячутся в комнате или во дворе дома, а игроки должны найти как можно больше горошин за оговоренное время.

Мальчики играли в более активные игры. Они катались на тележках и санках, ходили на ходулях, прыгали через веревочку (до 1830 года этим занимались исключительно мальчики), катали обручи, играли в крикет, мраморные шарики, мячи и бадминтон⁹. Игры мальчиков были куда разнообразнее, чем игры девочек; деятельность по социализации и подготовке к взрослой жизни не сосредотачивалась у них на чем-то одном, как это было с игрой в куклы у их сестер. Любая игра напрягала ум и тело таким образом, что дети могли вернуться к своим обычным занятиям взбодрившимися и воспринимать более серьезные уроки. Игра не была значима сама по себе, но являлась инструментом детского развития.

Дети не могли заниматься активными играми в одежде, которую носили до 1770 года и которая была создана для того, чтобы сковывать движения. В 1770-е годы, наряду с изменением отношения к детям в целом, мы видим радикальные перемены и в одежде малышей, начинающих ходить. Те, кто уже научился ходить, оставляли свои длинные детские платья и надевали юбочки по щиколотку. Теперь они не носили жестких корсетов, тесных корсажей, туфель на каблуках или узких рукавов. Вместо этого малышей, таких как Генри Толмадж, одевали в достаточно свободную муслиновую юбку и мягкие тапочки без каблуков¹⁰. Как легко предположить, Джон Локк был одним из первых, кто возражал против стесняющей движения одежды, которую дети обычно носили в его время. «Узкая грудь, короткое, с неприятным запахом дыхание, больные легкие и искривления позвоночника — вот естественные и почти постоянные результаты ношения жесткого корсета и тесного платья», — доказывал он в конце XVII века¹¹. Настоящая революция в детской одежде началась только столетие спустя. Новое платье было лишь слегка приталено при помощи пояса из лент, рукава обычно шились короткими, что позволяло

двигаться более свободно, чем при прежнем покрое. Тонкая ткань и короткий рукав соответствовали и другим указаниям Локка — не одевать детей слишком тепло. Следуя советам Локка, миссис Блумсгроув из романа Д. Хичкока 1790 года уверяла, что ее дети «были умеренно тепло одеты как зимой, так и летом, их костюм лишь немного менялся» в соответствии с временем года. «Эту идею, — пояснял Хичкок, — она, вероятно, почерпнула у мистера Локка. Он писал об англичанах, которые носят одну и ту же одежду и зимой, и летом без всякого для себя неудобства и не ощущают холода более, чем остальные»¹². Как и холодная ванна и легкое одеяло, хлопчатобумажная рубашка соответствовала новой концепции близости детей к природе. Взрослые выросли мягкими и слабыми из-за того, что были окружены роскошью, но они могут защитить своих детей от подобной судьбы, полагаясь на силу детской природы. Родители были убеждены, что воздействие холода сделает детей менее уязвимыми и подверженными заболеваниям. Новое хлопчатобумажное платье не только предоставляло маленьким детям больше свободы в подвижных играх, но и понуждало к таким играм в прохладную погоду.

Белое муслиновое платье, которое маленькие дети стали носить после 1770 года, знаменовало собой конец традиции, поскольку существенно отличалось от костюма взрослых женщин. Оно было более простым, легким и широким, чем дамская одежда, в нем дети могли свободно двигаться и чувствовать себя хорошо (по крайней мере в теплую погоду). Ребенок в муслиновом платье уже не был похож ни на женщин, ни на мужчин и подростков в бриджах. И женщины, и дети по-прежнему занимали подчиненное положение в семье, но, визуальнo разделив их на две группы, платье уничтожило давнюю связь между женственностью и детскостью. Теперь стало возможно быть одним, не будучи другим.

Изменения в одежде маленькой девочки были особенно важными. Новое детское платьице означало большее внимание к ее развитию, поскольку теперь она носила костюм, отличный от того, который будет носить, когда вырастет. С того момента, как девочка начинала ходить, и до начала подросткового возраста (до 10–12 лет) она носила простое муслиновое платье, а затем начинала одеваться в гораздо более замысловатые костюмы из шелка или муслина, носить корсеты и каблуки взрослой женщины. Смена стилей одежды символизировала ее переход от детства к взрослости. Впервые общество зрительно обозначило важность различия между девочкой и женщиной, а также обратило внимание на то, что девочки взрослеют.

Разница между женщинами и детьми стала еще заметнее, когда в моду вошли новые прически, которые носили мальчики и девочки, но не мужчины и женщины. Раньше, как только у детей отрастали волосы, их убрали во взрослую прическу. Показательный пример — портрет XVI века работы Ганса Гольбейна, который изобразил на нем свою семью. На картине двухлетняя дочь художника Катерина сидит на коленях у матери, ее пушистые детские волосики заплетены в маленькие тонкие косички, пока коротковатые, чтобы уложить их вокруг головы так, как носили женщины того времени. Поэтому к концу каждой косы привязаны ленты, восполняющие недостающую длину и завершающие корону волос, модную в то время. Когда существовал естественный недостаток, родители прибегали к искусственным средствам, чтобы дети соответствовали социальным требованиям. В Америке в XVII — начале XVIII века мальчики носили длинные завитые волосы, ниспадающие на плечи, затем, в середине XVIII столетия, — собранные сзади в косу. Девочкам волосы собирали на затылке и покрывали их чепцом, который с течением времени уменьшался в размерах.

В последней четверти XVIII века, напротив, маленьким детям уже не делали взрослых причесок, как только у них отрастали волосы. И у мальчиков, и у девочек волосы были прямыми и распущенными, с челкой. Этот стиль не обозначал пола, хотя использовал вышедшую из употребления гендерную символику. По сути, новые детские прически повторяли старинный стиль мужских причесок XVII века (так были убраны волосы и юного Дэвида Мейсона). Тогда выставить волосы напоказ могли только мужчины. После 1750 года женщины и девочки все чаще демонстрировали свои волосы, и вот наконец в 1770-е годы их прически стали массивными, замысловато украшенными произведениями искусства, с начесом и другими ухищрениями. В то же время маленькие девочки носили прически, представлявшие собой устаревший стиль мужских причесок. Вполне очевидно, что женские волосы более не символизировали подчиненность мужчинам и Богу. Они стали четко читаемым заявлением об эмансипации, хотя скорее символической, чем реальной.

Разрыв связи между женским и детским означал, что общество может позволить мальчикам проявлять мужественность на более раннем этапе их жизни. Когда единственным способом выражения независимости и власти являлся язык мужской одежды и аксессуаров, маленькие мальчики одевались в женские платья только потому, что не было иного способа выразить зависимое положение. Но если связь между детскостью и женскостью, с одной стороны, и мужественностью и господством — с другой более не сохранялась, общество могло ввести такой костюм для мальчиков, который одновременно выражал и принадлежность к мужскому полу, и подчинение взрослым мужчинам. Мальчики 3–9 лет (возраст зависел от решения семьи) начинали носить новый костюм, который не был похож ни на какой другой, мужской или женский, носимый раньше средними и высшими

сословиями. Поначалу он назывался гусарским костюмом (hussar suit), а затем получило распространение название «скелет» (skeleton suit). Он состоял из длинных панталон и короткого жакета, надетого поверх рубашки с большим четырехугольным воротником. Уильям Смит Толмадж был изображен в этом костюме на портрете 1790 года, а его отец на том же портрете позировал в традиционном для джентльмена одеянии, состоящем из бриджей и сюртука. Гусарский костюм не был американским изобретением. Английские, континентальные и американские мальчики начали носить один и тот же тип одежды в одно и то же время. Это не было связано с американской или французской революциями, как иногда заявляется, — такая мода начала утверждаться в Европе и Америке с начала 1770-х годов.

Гусарский костюм не был одним из видов родительской одежды, приспособленной для детей. Во всяком случае, брюки были широко распространены среди рабочих, крестьян, солдат и матросов — сословий *sans culotte*, то есть «без бриджей», не носящих бриджи. Само название костюма для мальчиков было связано с гусарской формой, с венгерской кавалерией. В популярном английском детском рассказе «Маленькая Гуди Два Башмака», впервые опубликованном в 1765 году, младший брат Гуди носит детскую юбочку, пока их родители внезапно не умирают. Джентльмен-благодетель решает, что он «возьмет Томми и сделает его маленьким матросом»; одновременно он заказывает ему жакет и брюки — брюки носили и матросы, и маленькие мальчики¹³. Теперь, когда связь между женственностью и подчиненностью оказалась нарушенной, общество по-новому подчеркивало социальный статус маленьких мальчиков. Костюм, созданный по образцу солдатской и матросской формы, делал культурно узнаваемыми и пол, и подчиненность более взрослым мужчинам своего сословия. Символика подчиненности теперь оказалась

заимствованной из одежды мужчин низших сословий, а не из одежды женщин среднего класса.

«Скелет», с одной стороны, отделил мальчиков от девочек (и от младенцев обоего пола), которые по-прежнему носили платьица, и, с другой стороны, от старших мальчиков и молодых мужчин в бриджах. В результате между младшими детьми и молодежью возник новый визуально отличающийся возраст и, по сути, появилось понятие подросткового этапа в жизни человека. В самом конце XVIII века мальчики, до того как надевали костюм мужчины, проходили через три четко обозначенные стадии: первые 3–4 года — в юбочках, следующие 3–5 лет — в детских штанишках и еще 2–3 года — в слегка облегченном варианте взрослого костюма.

День, когда мальчик оставлял младенческое платье и надевал мужские брюки и сюртук, был весьма важным в его жизни. Джон Нил вспоминал, как в 1795 году, когда ему было три или четыре годика, его одели в короткие штанишки. «В это время, — писал он, — на меня надели жакет и штанишки, после чего, как говорят, я собрал все свои платьица и передал их своей сестре со словами: “Сестренка, ты можешь теперь их взять, для меня они слишком хороши”». Значимость события не ускользнула от Нила. «Это был великодушный порыв, — продолжает он. — Поскольку мы были близнецами, нас до этого момента всегда одевали одинаково. Но с того времени я стал ребенком мужского пола, а она — бедняжка! — только “сестренкой”, вынужденной носить детские платьица»¹⁴. Английский писатель Чарльз Лэм уловил то же настроение и выразил его в своих стихах:

Филипп сегодня очень рад:
Он снял младенческий наряд —
Не желторотый чиж — и
Надел мужские бриджи!

Что ленты да платья? Не той он породы,
Тело мужчины желает свободы¹⁵.

Переход к бриджам все еще оставался важным и торжественным событием для мальчиков: они становились подростками. И неважно, насколько свободнее были муслиновые платица по сравнению с платьями прошлых веков — брюки давали гораздо больше свободы, которой не было ни у девочек, ни у маленьких мальчиков.

Развитие девочки между 1770 и 1830 годами было менее заметным и воодушевляющим. Для девочек взросление означало не приобретение, а потерю свободы. Девочки надевали муслиновые платица, как только начинали ходить, и носили их вплоть до 10–14 лет, когда матери или старшие сестры собирали им волосы в пучок и помогали примерить первый корсет. Спустя многие годы Элизабет Хэм живо вспоминала подобное преобразование, которое произошло с ней в 1793 году. «Первые изменения в моей внешности, — писала она, — произвел корсетный мастер. Я стояла на стуле у окна, а человек обмерял меня для конструкции, которая, с учетом моего юного возраста, должна была называться полукостяной». (Это означало, что корсет делался не из плотно пригнанных друг к другу «костей» из китового уса, а с небольшими промежутками между костями, что теоретически должно было быть более удобным.) «Тем не менее первый день в корсете был настоящим адом, и я усомнилась в том, что преимущества хорошей фигуры стоят этого наказания»¹⁶. К 1800 году взрослые женщины стали носить легкие платья ампир, очень похожие на муслиновые платица их детства, но продолжали шнуровать своих подрастающих дочек, чтобы те научились вести себя, как положено дамам. В 1809 году доктор Уильям Бьюкан отмечал лишь очень незначительные изменения в одежде девочек. «Действительно, — писал он, — мы больше не наблюдаем

обычных в прошлом сцен, когда мать клала свою дочь на ковер, ставила ногу ей на спину и стягивала полдюжины шнурков, чтобы заключить ее в корсет и сделать ее талию тонкой. Но эти нелепые уловки» изменились лишь в том, что теперь включают в себя подтяжки, которые отводят плечи назад, создавая «пугающую ложбинку сзади, а также медлительную жеманность в движениях рук, ограниченных в свободе. Однако, — замечал он с грустью, — это называется грацией и элегантностью»¹⁷. Юные девочки в своих легких и свободных платьях напоминали бабочек, но под тонкими рубашками они продолжали носить сложные приспособления, призванные исправить природу.

Даже если удавалось избежать крайностей, превращение девочки в женщину все равно не было радостным событием. Люси Ларком описывала свое детство в Мас-сачусетсе с неослабевающим оптимизмом, сглаживая все семейные трудности и трагедии, и, тем не менее, писала о приближении зрелости с ужасом. «В 13 лет я была очень высокой, — вспоминала она в 1837 году, — и мои старшие сестры настояли на том, чтобы удлинить мне платья и зачесать волосы. Мои протесты игнорировались, я расстраивалась и злилась, и, когда мою внешность все-таки изменили, я убежала и в одиночестве горько плакала»¹⁸.

Элизабет Хэм и Люси Ларком не сомневались, что заплатили за повышение своего статуса утратой свободы, которую знали в детстве, и в целом считали цену непомерной. Подобного рода преобразование было более глубоким и серьезным, чем просто смена внешнего вида и облачение в сковывающую одежду. Оно означало появление совсем другого человека. Как объясняла Ларком, «наибольшее сожаление вызывало то, что я очень быстро свыклась с новой ролью. Я чувствовала себя ребенком, но считала своей обязанностью думать и вести себя как женщина. Я стала считать это важным»¹⁹.

Мальчики, впервые надевая брюки, радовались и повышению своего статуса, и большей свободе. Их сестры же меняли одну несвободу на другую.

Между 1750 и 1830 годами общество выделило новый этап в развитии человека, находящийся между беспомощностью младенчества и началом самостоятельности и независимости, и назвало этот этап детством. Появление особого детского возраста и развитие отдельной сферы детства влекло за собой введение или переосмысление определенных занятий, предметов, причесок и одежды как принадлежащих только детскому миру или напрямую характеризующих детство. У мальчиков, однако, было намного больше детства, чем у их сестер.

ОБРАЗЫ СЕМЬИ

Портреты детей после 1770 года говорят о многих изменениях в образе детства, принятом в обществе. Картины изображали детство как отдельную стадию жизни, с особой одеждой, прическами, мебелью, игрушками, занятиями и правилами поведения. Выводя детей и их занятия на первый план, портреты свидетельствуют о том, что общество не только осознавало отличие детей от взрослых, но и получало удовольствие от этого отличия. После 1770 года американцы начали заказывать совместные портреты родителей и детей в реальной обстановке. Был переосмыслен не только образ ребенка, но также образ взрослых и семьи в целом.

Американцы заказывали индивидуальные портреты, портреты супружеских пар, портреты братьев и сестер, портреты матерей с детьми с середины XVII века. Но внутрисемейные портреты — это совсем иное. В Америке не известно ни одного совместного изображения родителей с детьми до 1730 года. После этого времени на заказном портрете очень редко изображались члены одной семьи в виде большой

группы. На портрете кисти Джона Смайберта «Декан Беркли и его окружение» 1730 года, например, изображены декан, его жена, маленький сын и члены его колледжа. Намерение художника и заказчика заключалось в том, чтобы подчеркнуть важность большой профессиональной группы. Беркли представлен как глава важного академического направления, а не только как муж и отец. Включение в его портрет членов семьи является второстепенным.

Напротив, портреты членов одной семьи встречаются достаточно часто после 1770 года. Во многих случаях художник изображал всю семью на одном полотне. Другие заказчики позировали для парных портретов: на одном был отец с сыновьями, на другом — мать с младенцами и дочерьми (как в случае семейства Толмадж); такие портреты вешались рядом. Третий вариант включал в себя портрет матери и детей и парный к ним портрет отца. К сожалению, со временем многие из таких парных портретов оказались разъединены и перестали осознаваться частью общего замысла.

Семейные портреты любых видов заказывались все чаще, так как буржуазные семьи становились более замкнутыми, погруженными в свою частную жизнь и обособленными. Еще одна причина такой популярности семейных портретов заключалась в том, что художники научились создавать сложные композиции. Многие подающие надежды молодые художники отправились вслед за Бенджамином Уэстом в Англию, где испытали влияние таких мастеров изображения сцен домашней жизни, как сэр Джошуа Рейнолдс, Джордж Ромни, Артур Дэвис и Джордж Стаббс. Когда Джон Смайберт прибыл в 1729 году в Ньюпорт, штат Род-Айленд, в Америке было мало художников, которые умели рисовать сложные композиции, необходимые для групповых портретов²⁰. Заказов на такие композиции почти не было, поэтому, думается, художники и не старались приобрести это умение. После 1770 года семейные портреты

уже заказывались не только профессиональным мастерам, но и провинциальным дилетантам. Все больше семей хотели быть запечатленными на портрете, и художники любого ранга предлагали им свои услуги.

Американские семейные портреты, написанные до 1830 года, изображали отца, мать и детей и очень редко — прочих родственников; встречается лишь несколько портретов большой семьи, состоящей из нескольких поколений, — такие картины станут популярными уже потом, в викторианскую эпоху²¹. Типичный семейный портрет, написанный на рубеже XVIII–XIX веков, — это изображение супружеской пары и ее детей. Обычно портрет заказывали в то время, когда дети были еще маленькими, и поэтому на картинах часто присутствуют младенцы и малыши. Хотя известно несколько портретов, на которых изображено шесть детей, чаще всего их — от двух до четырех человек. Это не отражает количества детей в семье: портреты писались и до рождения младших, и после отъезда старших в школу. На среднестатистическом портрете — молодая семья с детьми, которая в будущем еще увеличится.

На портрете семьи Ангуса Никельсона, написанном в 1790 году Ральфом Эрлом, необычно много детей. Это делает его особенно удобным для анализа, поскольку на картине присутствуют дети всех возрастов (илл. 11). Семья изображена в уютной и удобной гостиной; примерно такой, надо полагать, и была гостиная Никельсонов. До 1770-х годов художники помещали людей посередине полотна, так, чтобы они были центром композиции. Художники и заказчики предпочитали более монументальные и менее реалистичные изображения, в которые включались колонны, массивные драпировки, барочные парковые аллеи, заимствованные из европейских гравюр. В любом случае, антураж не имел особого значения — главной являлась фигура портретируемого. Начиная с 1770-х годов предпочтение отдается более

реалистичным изображениям места, художники пишут семью в обычном интерьере, и это свидетельствует о смене приоритетов в американской семье. На портретах члены семьи находятся в привычной для них обстановке и общаются между собой. Создаются не просто портреты отдельных лиц, а портреты семьи — ее членов, их отношений, атмосферы их дома. Картина Ральфа Эрла 1790 года являлась не просто групповым портретом — это было изображение семейной жизни.

На картине Эрла глава семьи, Ангус Никельсон, сидит, обняв младшего сына и словно охраняя его²². В течение более чем столетия художники изображали главу дома как хозяина, обеспечивающего благополучие, поэтому бухгалтерские книги на полках, конторка и письмо в руке говорят об Ангусе Никельсоне как о процветающем бизнесмене. Портрет мужчины обычно характеризовал его профессиональные занятия и положение в обществе. Мужчины держали в руках своды законов или бухгалтерские книги, корреспонденцию, военный жезл, подозрную трубу или компас; иногда на заднем плане присутствуют корабль, ферма или промышленное предприятие. В колониальной Америке человек отождествлял себя со своим делом. В 1770-е годы художники впервые начали подчеркивать в образе главы семейства его родительский статус: теперь отец на полотнах обучал или защищал своих детей. В композиции Эрла Никельсон сидит рядом не со старшим сыном и наследником, а с одним из младших сыновей, прислонившимся к его колену. Эрл отдает дань профессиональным занятиям и общественной роли Никельсона, но в центре его внимания — отец семейства, находящийся в окружении своих домашних у себя дома, в обстановке, недоступной постороннему взгляду. Его роль отца подчеркнута гораздо сильнее, чем его положение в обществе. Неудивительно, что Эрл изобразил миссис Никельсон в более

традиционном образе матери с самым младшим из детей, малышом в белой детской рубашке.

Приблизительно с 1770-х годов на семейных портретах мать изображалась с младшим из детей, мальчиком или девочкой, отец же — с младшим или (в случае если младший был еще младенцем) ближайшим по возрасту сыном. На полотнах отцы редко обнимали дочерей — только если в семье не было ни одного сына. На портрете кисти Эрла Ангус изображен с одним из младших сыновей, а мать сидит между ребенком, начинающим ходить, и младшей дочерью. Рисуя семейную группу, художники обычно помещали мужчин с одной стороны композиции, а женщин — с другой.

Портрет семьи Никельсон представляет собой замечательный образец половозрастной классификации. Если бы существовал подобный семейный портрет, написанный, к примеру, в 1690-е годы, он содержал бы две резко отличающиеся друг от друга группы: в одной были бы мужчины и мальчики в бриджах, в другой — женщины и малыши в платьях. Семья Никельсон представляет собой гораздо более сложную систему взаимоотношений. Наиболее очевидно разделение по половому признаку: все женщины (и младенец) в платьях, все мужчины в штанах. Прически же делят членов семьи на возрастные группы: у всех детей челки и распущенные по плечам волосы, а у взрослых более сложные прически. Основные различия между ребенком и взрослым и между мужчиной и женщиной обозначены очень четко. Комбинация двух элементов однозначно указывает на возраст, пол и положение в семье каждого, кто изображен на портрете.

Словарь одежды 1790-х годов был достаточно полным и детальным, для того чтобы с его помощью показать шесть иерархических позиций на портрете семьи Никельсон. Низшая группа — младенец и младшая дочка, одетые в бесполое белые рубашки. Оба этих ребенка находятся

рядом с матерью. Пол младенца остается неясным. Мальчики этого возраста оставались пока с матерями и сестрами. Кроме того, младенец изображен менее детально, чем остальные. Очевидно, что по крайней мере для Эрла он наименее интересен. Маленькая девочка держит открытую книгу, символизирующую детство как период учения и показывающую чтение как обычное занятие для девочек. Маленький мальчик, прислонившийся к отцовскому колену, младше своей сестры, держащей в руках книгу, но поскольку он мужского пола, то носит уже не белое платьице, а костюмчик. В то время как его сестра сидит и читает, он может позволить себе стучать в игрушечный барабан, который лежит рядом с ним. Барабан — мужская игрушка, требующая воинственного энтузиазма, энергичных действий и громко шумящая. Широкий белый воротник рубашки мальчика напоминает и матросскую форму, и модную белую кружевную косынку (фишю), которую носили большинство женщин, включая его мать. Ничего больше в его одежде, позе и месте на портрете не соединяет его с женским миром. Его старший брат одет в переходный тип костюма, сочетавший в себе приталенный сюртук взрослых с длинными брюками и распущенными волосами²³. Как и его младшая сестра, он держит открытую книгу, но мы видим, что она на латыни. Его костюм, прическа и латинский текст говорят о том, что он — начинающий школьник. Другая сестра, старше его несколькими годами, стоит рядом с братом. Ее облик — тоже переходного типа²⁴: платье уже как у взрослых, а волосы по-прежнему свободно ниспадают на плечи. Две старшие дочери одеты в нарядные платья, напозажены, напудрены и носят прическу взрослых женщин конца XVIII века, но без чепца и белого платка. Чепец и белый платок, символизирующие возраст и положение замужней женщины, носит их мать. Сам Ангус Никельсон, стоящий на вершине семейной иерархии,

изображен в сюртуке и бриджах, которые носили богатые и уважаемые люди.

В XVIII веке любили все классифицировать и расставлять по порядку. Эта страсть проявилась и в портрете Никельсонов. Поскольку средний класс теперь уделял больше времени и внимания своей семейной жизни, прежняя структура семьи оказалась устаревшей. У новых детских возрастных групп появилось свое визуальное обозначение, что дало возможность такому художнику, как Эрл, четко и точно обозначить разницу между младенцами, маленькими мальчиками, подростками, старшими девочками, девушками и взрослыми мужчиной и женщиной.

Портреты отражают по крайней мере четыре важных изменения, которые произошли в классификации детского возраста и в восприятии семьи в течение второй половины XVIII столетия.

Во-первых, продолжительность детства, воплощенная в зрительных образах, удвоилась. В XVII — второй половине XVIII века мальчики носили юбки и длинные платья в течение первых 6–7 лет, а потом сразу получали первый сюртучок и бриджи. С этого времени они уже одевались так же, как взрослые мужчины одного с ними социального положения. Ношение бриджей не означало, что семилетнего мальчика принимали за взрослого или хотя бы за маленького взрослого, — это означало, что общество воспринимает его как человека, созревшего для того, чтобы начать осваивать умения и обязанности мужчины. Мальчик этого возраста входил учеником во взрослое общество. Девочка в этот же период почти незаметно переходила из детства во взрослое состояние. Поскольку ей всегда было суждено оставаться подчиненной, она могла двигаться вверх только внутри своего зависимого положения; совсем незначительные изменения в ее платье, которые происходили в возрасте 6–7 лет, обозначали начало восприятия ею женских

обязанностей. С 1770-х годов мальчики сменяли детские платья сначала на длинные штаны, а затем на модифицированный взрослый костюм. Детство теперь продолжалось около 14 лет и было четко разделено на периоды младенчества, отрочества и юности. Девочки 1770-х годов также сменяли свои детские платьица на модифицированный взрослый костюм. Их детство длилось около 12 лет и было разделено только на две стадии — младенчество и юность, поскольку все еще считалось, что девочки по своей природе имеют ограниченные возможности развития.

Во-вторых, количество и состав зрительно определяемых групп внутри семьи изменялся дважды в течение второй половины XVIII века. Вплоть до середины этого столетия на портретах видны лишь доминирующая группа мужчин и мальчиков, то есть тех, кто, во всех смыслах, носил в семье брюки, и подчиненная группа женщин и маленьких детей в юбках. В 1750–1770 годах доминирующая группа разделилась надвое, поскольку отроки (такие как Манн Пейдж) стали носить особый костюм, который отличал их от юношей. С 1770-х годов подчиненная группа женщин и детей распалась на несколько подчиненных подгрупп, каждая — со своим хорошо узнаваемым костюмом. Семейные отношения устанавливались теперь более детально и точно. Отец по-прежнему стоял во главе, но сама иерархия стала сложнее. Вновь возникшее внимание к определению и переопределению семейных отношений предполагало возрастающий интерес к нуклеарной семье и эмоциональный вклад в нее.

В-третьих, особый язык, используемый при описании детства и выработанный в конце XVIII столетия, разорвал связь между женскостью и детскостью. К детству, как свидетельствуют портреты, относились все доброжелательнее, воспринимали его как ни на что не похожее состояние с присущими именно ему добродетелями, занятиями, собс-

твенным предметным миром. Общество создало или, скорее, заново создало концепцию детства, определив и выразив его характеристики через множество материальных вещей. В искусстве нашли отражение новое место детей в мире и их новая свобода, а также удовольствие, которое получало общество от детского поведения. Дети часто находятся в центре художественных произведений этого периода, они изображаются более веселыми, чем спокойные взрослые. Так передавалось новое для эпохи чувство удовольствия от юности и ее шалостей.

Примечательно, что в начале XIX века и мужчины, и женщины стали носить костюмы, очень похожие как на одежду собственной юности, так и на платье своих детей. Женщины облачились в простые белые платья ампир, напоминающие белые муслиновые платьица, которые носили маленькие девочки в течение предыдущих 30 лет. Вскоре после этого мужчины стали носить длинные брюки, которые до этого являлись одеждой рабочих или подростков из среднего класса. Новые костюмы не были заимствованы у детей. Они явились результатом изменения политического климата в Великобритании и во Франции. Вошедшая в моду провинциальная жизнь английского джентльмена и потрясения французской революции вынуждали, по практическим и политическим причинам, принять длинные мужские брюки и простые, удобные для ходьбы женские платья. До 1750 года, когда возраст 40–50 лет считался возрастом возможностей и власти, никто не собирался принимать на вооружение что-либо из моды, ассоциировавшейся с еще неоперившимися юнцами. После 1800 года взрослые стали следовать новой моде, невзирая на то, что она долгое время была детской. Это ни в коей мере не означает, что юный возраст стал высоко цениться, но свидетельствует, скорее всего, о том, что общество в определенной степени признало детство,

и взрослые перестали избегать вещей, вызывавших ассоциации с детьми. Иначе говоря, длинные брюки мальчиков не повлияли на моду взрослых мужчин, начавших носить такие же, но и не остановили ее.

С 1770-х годов положение взрослой женщины улучшилось, так же как положение девочки. Если девочек начала XVIII века одевали как маленьких женщин, то женщины конца столетия стали одеваться как взрослые дети. Когда появились новые названия костюмов, аксессуаров и причесок для детей, многое из старого «словаря женскости и подчиненности» стало относиться лишь к взрослым женщинам и, таким образом, выражало как пол, так и зрелый возраст.

Наконец, новый интерес к семье отразился на портретах 1770-х годов. Все больше заказчиков хотели иметь изображение всей семьи на одном полотне (или на парном портрете). Традиционная роль семейных портретов не изменилась — они сохраняли и показывали зрителю внешность людей, а также рассказывали об их статусе и успехах, — но теперь картины делали акцент на внутренней семейной жизни. Художники заменили условный фон фантастических драпировок и барочных садов на домашние интерьеры. Они также стремились зафиксировать чувства взаимной любви членов семейства и, в какой-то степени, характер и индивидуальные черты детей. Увеличившийся после американской революции спрос на такие картины, возможно, отразил возросшую ценность семьи как самодостаточного союза и все больший интерес к детству как необходимой составляющей этого союза.

ЧАСТЬ 3.
НЕВИННЫЙ РЕБЕНОК: 1830–1900

ГЛАВА 5. БЕСПОЛАЯ ОДЕЖДА, А ТАКЖЕ ИГРУШКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

БЕСПОЛАЯ ОДЕЖДА

В течение всего XIX века матери продолжали одевать своих малышей в длинные детские платьица, которые стали широко использоваться с 1770-х годов. Младенцы носили фланелевую повязку на животе, защищающую пупок и поддерживающую спину (последнее, что осталось от пеленок), марлевое исподнее, подгузники, длинную фланелевую или хлопковую юбку и платье. Крестильная рубашка была особой и наиболее сложной одеждой младенца, но при этом очень походила на его повседневную одежду. Детские платья обычно были длиной от 70 до 140 сантиметров, а некоторые достигали почти двух метров, ниспадая с рук того, кто держал ребенка, и доставая чуть ли не до полу (илл. 13)¹. Длинное платьице согревало ребенка, но мальчиков и девочек так одевали не только из соображений удобства. В обществе, которое начинало все больше любить маленьких детей, длинное платье придавало малышу представительность, значимость и привлекательность. Уже получая удовольствие от младенцев, викторианское общество все еще предпочитало

изменять их облик: делать их величавыми и «высокими». Детские платья практически всегда были белыми, что предполагало, во-первых, что у ребенка их было много, и, во-вторых, что родители могли нанять прачку, чтобы детское белье всегда содержалось в чистоте.

Родители не делали ничего, чтобы с помощью покроя или цвета одежды как-то визуальнo обозначить пол своего младенца. Строгое следование цветовой гамме, соответствовавшей каждому полу, появилось только накануне Второй мировой войны. Дети в XIX веке носили преимущественно белую или выбеленную одежду и лишь в некоторых случаях мать выбирала другие цвета. Двенадцатилетняя Элиза Риджли из Балтимора сообщала в 1841 году, что ее мать купила новорожденной Юлии-Марии чепчик, выкрашенный в голубой цвет, и собиралась купить еще два — желтый и розовый. После некоторых колебаний миссис Риджли «выбрала желтый, а розовый отправила обратно». В 1853 году миссис Мэррифелд советовала не одевать детей, начинающих ходить, в желтое и сиреневое, поскольку, по ее мнению, маленькие дети выглядят наилучшим образом в небесно-голубом, розовом и светло-зеленом. Форрест Рид рассказывал, что в начале 1880-х годов, когда ему было около четырех или пяти лет, он носил матросские костюмчики голубого, коричневого, белого и розового цветов². Викторианское общество видело в маленьких детях лишь малышей и не считало нужным разделять их на мальчиков и девочек.

В июне 1860 году Кэролайн Ричардс, девочка одиннадцати лет, жившая в штате Нью-Йорк, написала в своем дневнике, что ее с сестрой пригласили навестить соседского ребенка. Кэролайн особенно хотелось пойти и поддержать на руках маленькую девочку, «поносить ее по комнате». Прежде чем молодая мать разрешила Кэролайн взять ребенка, она «спросила нас, нет ли на нашей одежде каких-либо заколок и булавок. Она сказала, что заставляет няньку каждое утро

зашивать одетую на ребенка одежду, чтобы точно знать, от чего ребенок плачет — оттого ли, что у него что-то болит, или оттого, что в него вонзилась булавка»³. К середине XIX столетия матери все больше заботились об удобстве и хорошем настроении своих детей и верили, что даже самые маленькие испытывают чувство боли, страха и подавленности. Многие матери отказались от булавок, скреплявших одежду младенцев, и перешли к использованию завязок. Тем не менее подушечки для булавок с надписью «Добро пожаловать, маленький незнакомец», сделанной из острых булавок, оставались обычным подарком новорожденному в самом начале XIX века. Только в конце столетия, к большой радости матерей, вошли в употребление безопасные булавки.

Родители викторианской эпохи меньше настаивали на холодных ваннах и легких одеялах для своих детей. Специалисты по уходу за детьми советовали купать младенцев в теплой воде и поддерживать температуру в детской около 68 градусов по Фаренгейту (20 градусов по Цельсию) по крайней мере в первые три месяца жизни младенца. Затем температура могла быть понижена до 55 градусов по Фаренгейту (13 по Цельсию) без всякого вреда для ребенка. Однако боязнь перегреть малыша по-прежнему была сильнее, чем боязнь его переохладить. От спанья в слишком теплом помещении ребенок «делается бледным, теряет аппетит, проявляет раздражительность, его часто тошнит, он теряет вес и быстро простужается», — предупреждал один из врачей⁴. При этом другой специалист по детскому воспитанию указывал, что «перемены нижнего детского белья дважды в неделю может быть вполне достаточно. Большинство детей переодевают слишком часто. Новая рубашка не скоро делается такой же теплой и сухой, как старая, и в результате возникают простуды». В подтверждение своего мнения он выдвигал следующий аргумент: «Дровосеки изнашивают новую толстую шерстяную рубаху, не стирая ее, и отличаются

отменным здоровьем»⁵. При таких противоречивых рекомендациях молодые матери вынуждены были самостоятельно решать, как одновременно обеспечить детям комфорт (то есть тепло) и здоровую среду (то есть прохладу).

Матери обычно одевали младенцев 6–9 месяцев в короткие рубашки, когда «их начинали учить пользоваться своими ногами и руками и когда... длинные одежды начинали стеснять, сколь бы элегантными они ни были»⁶. Короткие рубашки достигали лодыжек и давали детям некоторую свободу движений. Малыши носили такие платья лет до трех, после чего их облачали в иной тип одежды — платица и панталоны.

В начале 1840-х годов Джозеф и Анна Реймонд позировали неизвестному художнику. На портрете оба ребенка держат игрушки. Оба — с коротко постриженными прямыми волосами, в кафтанчиках до колен с модными рукавами-буфами и белыми хлопковыми штанами до лодыжек. Наши современники считают, что малышей от более взрослых детей отличает только особый костюм, но для американцев 1830–1840-х годов именно отличия в костюме были значимы и являлись предметом дискуссий.

Новый костюм с платицем в половину длины и панталонами, который появился в Америке в 1830-е годы, сначала носили дети, приезжавшие из Европы. Как стиль, распространенный в Лондоне и Париже, он был постепенно принят и здесь, хотя зачастую с неохотой. Родители без колебаний одевали своих юных сыновей в костюмы нового фасона, поскольку мальчики носили детские сюртуки того или иного покроя уже очень давно, а длинные штаны — более полувека. Новая мода просто совместила два типа обычной мальчиковой одежды. Матери-модницы предпочитали новое платье старому костюму «скелет», который в их глазах теперь превращал «маленького мальчика в подобие обезьяны, играющей в костюмчике на шарманке». Чарльз

Диккенс описывал костюм-скелет как прямой синий чехол, в который втискивали маленьких мальчиков, сковывая их движения. Очевидно, что новое в одежде одного поколения следующему кажется нелепым. К 1830-м годам «самой красивой и в то же время самой удобной одеждой... для мальчиков от двух до пяти лет является свободная туника, прихваченная поясом, поверх льняных “панталон”, как их удачно называют юные джентльмены»⁷.

Для девочек ситуация была совершенно иной. Они, конечно, всегда носили юбки, но им никогда не разрешалось использовать никакие элементы мужской одежды. В то время как для нас беленькие ножки в панталончиках с кружевами, выглядывающих из-под детской юбки, представляются чем-то очень женственным, в 1840-е годы они воспринимались исключительно как брюки. И мужчины, и женщины носили кружева, но только мужчины носили штаны. Использование любой неоднозначной одежды было мужской прерогативой. Вплоть до середины XIX века это правило было абсолютным, но новый костюм уничтожил его.

Девочки, которых одели как мальчиков, — в короткую курточку и брюки, — когда этот стиль был привезен из Европы, встретились с суровым осуждением. В 1824 году Сара Хатчинсон писала, узнав, что ее племянница носит под юбкой брюки: «Мне было неприятно узнать, что наша дорогая Золотко одета в бриджи — существует мнение, что лучше бы женщины этого не делали»⁸. Из спокойного далека 1850-х годов Сара Хейл, редактор *Godey's Lady's Magazine*, вспоминала, что ничто не «повлияло столь серьезно на чувства людей обоего пола, как впервые употребленные в одежде дам панталоны, которые проникали к нам медленно и осторожно начиная с 1830-х годов». Она вспоминала, что первой девушкой, «которая имела дерзость появиться за границей» в панталонах, была дочь британского офицера. Такое смелое поведение шокировало многих американцев,

увидевших ее. «Часто в высших кругах можно было услышать мнение, — вспоминала Хейл, — что, когда женщина надевает мужскую одежду, это оскорбляет Господа». Однако желание идти в ногу с европейской модой оказалось сильнее, чем страх пойти наперекор общественному мнению. «Мода, — продолжает Хейл, — сначала проявилась в одежде детей, пока не стала привычной для глаз, а затем дамы постепенно, шаг за шагом, тоже стали ей следовать»⁹. К 1850 году такой костюм стал обычным и общепринятым. Панталоны должны были быть белого цвета, а платье — заканчиваться чуть ниже колен. В таком виде учителя разрешали посещение школы. В 1849 году десятилетняя Кэтрин Хейвенз из Нью-Йорка жаловалась в своем дневнике, что ее мачеха «заставила носить нанковые (из небеленого льняного полотна. — К.К.) панталоны, и, когда она играла на школьном дворе, мальчишки дразнили ее и называли рыженогой, и она была очень несчастна». «Это очень прискорбный случай», — заключает свой рассказ Кэтрин¹⁰.

Главным возражением против того, чтобы девушки носили панталоны, было опасение, что они начнут вести себя как мужчины и пользоваться их привилегиями. Девушка в штанах, говорили недовольные, быстро потеряет скромность и станет такой же грубой и дикой, как и любой мальчишка. Когда «девочка-сорванец» повзрослеет, культура и тонкий вкус покинут американский дом. В какой-то степени этот довод был справедлив. Раньше девочки не носили белья под многочисленными юбками, а сейчас, надев панталоны, действительно могли участвовать в шумных играх, прыгать, залезать на деревья или играть в пятнашки без всякого стеснения. Примечательно, что девочки присвоили себе скакалку, традиционную игрушку мальчиков, как раз в то время, когда в жизнь входило использование панталон¹¹. Как только девочки начинали во что-то играть, мальчики тотчас эту игру забрасывали.

Американцы вскоре стали называть детские штаны «пantalонами», то есть так же, как они называли длинные брюки, которые мужчины начали носить в 1820–1830-е годы. В 1830-е годы, когда этот стиль был еще новым, девочкам укоротили платьица на несколько сантиметров, так что pantalоны слегка виднелись из-под подола. Это вскоре стало общепринятым, однако юбки девочек еще укоротились и к 1840-м годам достигали лишь колен. В это время мальчики и девочки были одеты весьма похоже. В целом во второй половине XIX столетия длина юбок не менялась, а pantalоны обшивались оборками и укорачивались до тех пор, пока не достигли колена и не исчезли под юбкой. Скрытые, они стали интимным предметом и превратились в белье.

Схожие с птичьей клеткой соединения обручей, которые поддерживали модные юбки 1850-х годов, сделали pantalоны необходимой деталью одежды женщин всех возрастов. Благодаря этим нижним штанам женские ноги не оказывались на виду из-за непослушных движений кар-каса.

Теперь женщины носили pantalоны беспрепятственно, а девочки к тому времени носили их уже два десятка лет. Женщины всего-навсего приспособили (или просто продолжали носить) одежду своего детства. Сейчас все это выглядит вполне обычно, но на самом деле то, что произошло, было революционным. И в 1650-е, и в 1750-е годы все члены семьи, за исключением взрослых и подростков мужского пола, носили юбки. В 1850-е годы все члены семьи, кроме младенцев, носили брюки. Брючный тип одежды более не являлся привилегией. Штаны все еще имели символическое социальное значение (отсюда сопротивление тому, чтобы их надевали маленькие девочки) и только для мужчин они были основной частью костюма. Однако сочетание платья и pantалон, которое стали носить женщины и дети, дает возможность предположить, что их подчиненное по отношению

к мужчинам положение смягчалось чувством собственной значимости в рамках семьи.

Мальчики и девочки 3–7 лет теперь одевались одинаково. Одеждой и тех и других были укороченные платица и панталоны длиной по щиколотку, с простой подшивкой, зубчиками или кружевом. Простые или нарядные короткие верхние платица надевались на детей обоих полов; мальчики и девочки носили одежду в одинаковой цветовой гамме, с одинаковой отделкой и завязками, с коралловым ожерельем и булавками. Найти какие-либо различия было весьма затруднительно.

Прически еще более сблизили облик мальчиков и девочек. Анна и Джозеф, как и многие другие их современники, носили волосы подстриженными чуть выше ушей, в стиле, который назывался «а-ля Брут» или «а-ля Тит». В 1835 весьма авторитетная в области ухода за детьми и воспитания писательница Лидия Чайльд советовала, чтобы родители «коротко стригли детей лет до 10–11, тогда волосы ребенка станут красивыми и здоровыми»¹². Этот стиль все еще был в ходу в конце XIX столетия, когда Ребекка и Хелен Смит, две девочки из Пенсильвании, позировали фотографу (илл. 14). Мечтая о модной прическе, девочки иногда сами брались за дело. Шестнадцатилетняя Кэролайн Ричардс записала в своем дневнике в 1859 году, что «сейчас модно, чтобы девочки сами стригли себе волосы и завивали их. Анна и я постригли свои, а Бесси Сеймур сегодня попросила меня постричь и завить ее прекрасные волосы»¹³.

Некоторые родители предпочитали, чтобы волосы их детей были длинными и завитыми. В августе 1859 года Godey's Lady's Magazine поместил изображение маленького мальчика с голубой лентой в светлых кудрях, одетого в туникообразный костюм с модным жакетом и юбкой, нарядно отделанную блузку и панталоны с поясом (илл. 15). Тридцать лет спустя маленький Поль Мерлин Корнелиус позировал

перед фотографом в короткой юбке, большой соломенной шляпе и с длинными кудрями, прихваченными широкой лентой с бантом (илл. 16).

Идеальным мальчиком этого возраста являлся герой книги Фрэнсис Ходжсон Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой». Особенно нравившийся матерям, он был необыкновенно «красивым и благородным мальчиком» — «гибкий, крепкий, стройный, с открытым лицом», в его глазах «не было ни робости, ни печали» (илл. 17)¹⁴. Седрик, маленький лорд, о котором идет речь, впервые появился на страницах журнала *St. Nicholas* («Святой Николай») в 1886 году. Вскоре само имя Седрик, введенное в литературу еще Вальтером Скоттом для одного из персонажей «Айвенго», стало популярным среди мальчиков, родившихся в конце XIX столетия. Седрик, герой книги Бернетт, с длинными белокурыми волосами, изящными руками и ногами и красивой фигурой, стал результатом удачной генетической комбинации. Его мать была благочестивой женщиной из американского среднего сословия, она приучала своего сына к скромности, трудолюбию и идеям равенства, свойственным республиканскому устройству заокеанской страны. Отец — младший сын английского лорда — передал Седрику аристократические доблести: учтивость и нетерпимость к несправедливости, честность и смелость. В результате маленький Седди стал любимцем всех американских матерей и совершенно покори́л их сердца. По его образцу они стремились сделать из непослушных волос своих сыновей длинные кудри и одеть мальчиков в бархатный костюмчик с кружевным «вандейковским» воротником. Когда в 1893 году юный Кеннет Лоуренс вместе со своим младшим братом позировал фотографу, он носил типичный костюмчик «а-ля Фаунтлерой», хотя ему все же удалось избежать длинных кудрей (илл. 13). Для многих маленьких мальчиков первая стрижка волос стала такой же важной частью превращения во взрослого, как и первая пара брюк.

Ребенок в юбке до колен, белых панталонах и коралловом ожерелье, с длинными волосами или короткой стрижкой мог оказаться как мальчиком, так и девочкой. Иллюстрация из декабрьского номера *Godey's Lady's Magazine* за 1860 год, изображающая мальчика и девочку в одинаковых кудряшках, модных платьицах и панталонах, совершенно очевидно стирает их половые различия и подчеркивает нежный возраст обоих (илл. 18). Существовали, конечно, некоторые знаки различия: мальчики иногда носили юбки с бретелями, девочкам чаще делали пробор посередине головы, а мальчикам — сбоку, или они носили завитой чуб, но каких-либо четких правил здесь не существовало. Встречались девочки с очень короткими волосами, в высоких ботинках и простой одежде и мальчики с длинными кудрями, в приталенных платьях и тапочках из тонкой кожи. Ленты, банты, как розовые, так и голубые, оборки, передники, ботинки, штаны — все это в равной мере могло использоваться в обиходе мальчиков и девочек. Мальчики не были одеты как девочки, а девочки — как мальчики. Комбинация из элементов женской и мужской одежды намеренно создавала одежду именно для детей и намеренно не учитывала пол ребенка.

Сочетая в одежде для маленьких детей женские и мужские компоненты, родители создавали образ, который соответствовал концепции детства как особого периода развития в жизни человека. В то же время они отрицали (или маскировали) половые различия между мальчиками и девочками или, говоря еще точнее, считали, что такие различия не соответствуют столь юному возрасту. Доктор Струве объяснял в «Домашнем обучении детей», что маленьких деток не одевают в соответствии с их полом, поскольку «внимание ребенка может быть привлечено к различию полов, и это обстоятельство способно лишить ребенка невинности и счастливого неведения, свойственных ранним

годам жизни»¹⁵. Новый бесполоый детский костюм стал популярным не только потому, что оставлял детей в неведении относительно половых различий, но и потому, что создавал образ невинного ребенка, который умилял и успокаивал родителей.

Широко распространенной в популярной и научной литературе XIX века была тема двойственности человеческой натуры — вера в то, что человек может быть одновременно и плохим, и хорошим, а также в то, что одно может скрываться под другим. В популярной художественной литературе того времени авторы подтверждали теорию, согласно которой один и тот же человек способен вмещать в своем характере черты Джекила и Хайда, либо темные стороны души Дориана Грея или молодого Гудмена Брауна, или что мужчина, как Пер Гюнт или Хитклиф, движим своими внутренними импульсивными силами, которые не понимает и не всегда может контролировать¹⁶. Увлечение противоречивостью и сложностью человеческой натуры и ее склонностью к действиям, кажущимся иррациональными, весьма сдерживало оптимизм предыдущего столетия по отношению к человеку и его рациональной способности совершенствоваться. Образы, созданные Робертом Льюисом Стивенсоном, Оскаром Уайльдом, Натаниелом Готорном, Генриком Ибсеном и Эмили Бронте, привлекли всеобщее внимание к тому, что в глубинах человеческой души существует темный страх.

В XIX веке многие родители считали, что их дети, как и все другие человеческие существа, являют собой сложное сочетание добрых и злых начал. Возможно, благодаря эмоциональному отношению к детям существовала тенденция преувеличивать двойственность детского характера, рассматривать детей как ангелов, внутри которых скрываются ростки зла и испорченности. Взрослые, таким образом, видели жизненно важную родительскую задачу в том, чтобы

защитить добро в своих детях, а также контролировать и подавлять потенциально содержащееся в них зло. Дети рождаются с доброй душой, задача родителей — сохранить ее. Когда дети воспринимались как существа невинные, но легко теряющие свою невинность, эта непорочность придавала им очарование, а противоречивая неоднозначность возбуждала интерес. Такое сложное сочетание и его разнонаправленность сделали детей и детство более интересными для американского общества XIX столетия, чего практически не было в прошлом. Родителей викторианской эпохи очень заботила сложность натуры собственных детей.

В первой половине XIX столетия обнаружилось значительное расхождение между церковным и светским отношением к детям. Многие влиятельные теологи и авторы этого периода более не рассматривали детей как существа, отягченные первородным грехом, но относились к детскому состоянию как к чистому и невинному Божьему дару¹⁷. Популярная теология, представленная во все возраставшем количестве журналов и других периодических изданий, наделяла маленьких детей высокой духовностью. Объяснялось, что дети приходят в этот мир невинными, и святость небес все еще пребывает на них. «Именно в детстве, — объяснял в 1832 году один из авторов *Godey's Lady's Magazine*, — содержится святая простота, прекрасная доверчивость, какая-то святость, которую трудно созерцать без благоговения, приближаясь к этим небесным созданиям». Будучи небесными созданиями, младенцы несли в мир божественный свет. «Печать божественной природы свежа, как это и должно быть, в младенческой натуре — свежа и не замутнена контактом с реальным миром»¹⁸. Младенцы являлись, по сути, спустившимися в мир ангелами, которые, если умирали в младенчестве, просто возвращались в свое обычное состояние.

Если в центре внимания мыслителей XVIII столетия находилось естественное биологическое развитие ребенка,

то романтизм XIX века усматривал в детях особую духовность. Уильям Вордсворт в произведении «Ода: Откровение бессмертия в воспоминаниях раннего детства» лучше всех выразил классическое романтическое понимание божественной сущности младенцев: рождение — всего лишь сон и забвение, в течение жизни мы удаляемся от Бога¹⁹. Взросление теперь считалось регрессом, поскольку в процессе мирского существования душа человека грубеет. Ралф Уолдо Эмерсон утверждал, что соединение Бога с каждым человеком происходит через природу и отражается единственно только в глазах человека, в то время как у ребенка оно сияет и в глазах, и в сердце²⁰. Таким образом, чистота детских сердец дает детям возможность понимать то, чего взрослый человек постичь уже не в силах. Пожалуй, наибольшая вера в божественность детей была присуща Бронсону Олкоту, который вел разговоры об Иисусе с младшими учениками своей школы, веря в то, что если они поймут истину Иисуса, значит, христианская вера является действительно правильной²¹.

Это состояние, близкое к совершенству и присущее детству, не только отличало детей от взрослых, но и возвышало их над последними, поскольку взрослые с неизбежностью оказывались испорчены соприкосновением с миром. Концепция абсолютного прогресса человеческого развития, выдвинутая в XVIII веке, была перевернута с ног на голову. Кульминационный момент жизни теперь приходился на окруженное ореолом святости детство, а затем линия жизни непрерывно катилась под уклон, ибо взрослый, погруженный в ежедневную суету, неизбежно шел на компромиссы с совестью и подвергался моральному разложению. Зрелость и мудрость были менее желательны, чем невинность и детская радость. Американский художник Томас Коул очень четко представил новую концепцию возрастов человеческой жизни в серии картин, написанных в 1840 году и названных

«Жизненный путь». На четырех полотнах Коул изобразил жизнь как путешествие в маленькой, углой лодке. В детстве ангел-хранитель ведет лодку по мирно текущей воде среди цветущих весенних лугов, а ребенок наслаждается красотой и простотой жизни и тем, что он защищен высшими силами. Юноша, плывущий по более широкой реке, сам правит лодкой, а ангел-хранитель наблюдает за ним с берега. Взрослый мужчина противостоит штормам и вихрям ветров без всякой видимой высшей помощи. Наконец, затерянный в темном море старик снова на что-то надеется, поскольку ему опять является ангел-хранитель. Эта сентиментальная серия картин нашла живой отклик у американской публики. Она очень успешно распродавалась в течение многих лет²². Как изобразил Коул и как в то верили многие другие, детство представляло собой лучшее, счастливейшее, чистое время человеческой жизни. Что бы ни случилось потом, все же в начале пути было замечательное время надежд. Один анонимный поэт 1840-х годов находил утешение в мысли, что, когда «его долгий путь подойдет к концу», он снова сможет жить «в волшебном царстве, в своем детстве»²³.

Если веком ранее считалось, что взросление ребенка является прогрессом, а дорога к спасению души преодолевается зрелым умом, который может осмыслить теологические премудрости, то викторианские родители, напротив, верили в то, что их дети родились в состоянии святости, из которого сами они давно вышли. Наградой взрослым за стойкость и добродетельность являлось повторное обретение самого себя через возвращение в собственное детство. Состояние взрослости теперь содержало в себе новое, беспокойное ощущение утраты.

К 1830-м годам взрослые стали воспринимать детей как милых, веселых и очаровательных²⁴. Результатом новой концепции радостного детства явилось предположение, что детям не свойственны душевная боль и грусть. Как отмечал

один из отцов, говоря о «горящих глазах» и «счастливых лицах» своих детей, «кажется, ничто не отягощает их жизнерадостного настроения; на них могут падать многие несчастья, но остающийся след неглубок»²⁵. Детство, как часто указывалось, осталось единственным состоянием человека, в котором все еще возможно посещать сады Эдема, куда грех и скорбь не могут проникнуть. Ирония заключалась в том, что в библейском раю не было никаких детей — деторождение как раз и возникло вследствие адских козней²⁶.

Родители наслаждались новым чувством ностальгии по утраченному детству, невинности, простоте и радости детских лет. Действительно, чувство утраты охватило Америку XIX столетия; это было одновременно чувство личной потери своего счастливого прошлого и коллективной потери юности своей страны, когда жизнь казалась более простой и более героической. Первый прославленный американский писатель Вашингтон Ирвинг часто возвращался к теме утраченного рая, но, возможно, наиболее прочувствованно он это сделал в 1809 году в «Истории Нью-Йорка», написанной от лица Дидриха Никербокера: «Счастлив был бы Новый Амстердам, если бы он мог оставаться в состоянии благословенной невинности и святой простоты, но, увы! Дни детства слишком прекрасны, чтобы продолжаться долго! Города как люди, вырастают в свое время и погружаются в суматоху, в заботы и мелочность жизни. Пусть никто не поздравляет себя с тем, что ребенок вырос и стал важным и значимым — пусть его собственный жизненный путь покажет ему свои опасности, а эта замечательная маленькая история Манн-хаты убедит его в трудностях жизненного пути других людей»²⁷. Радость родителей при виде детских игр сдерживалась сознанием того, что детство слишком коротко, а мир опасен.

Викторианские родители были окружены различными напоминаниями о неповторимости детства. Писате-

ли XIX столетия без устали рассказывали об идеальном детстве, показывая невинную природу через ужасные невзгоды. Такие дети, как Оливер Твист и Маленькая Ева, являлись воплощением невинности и очарования²⁸. Образы детей представляли собой яркие примеры человечности, и из этого следовало, что взрослые могут учиться у детей и что присутствие детей в доме полезно. Как спрашивал один из корреспондентов *Godey's Lady's Magazine*, «кто из нас не может... не склониться для того, чтобы получить урок и укор от маленького ребенка? Кто из нас, в сравнении с их божественной простотой, не покраснеет от своей ничтожности, уязвимости, тупости?»²⁹ Взрослые теперь страдали от ощущения собственной «ничтожности» и «уязвимости» и нуждались в уроках собственного детства. Родителям твердили, что вдохновение они могут искать в своих детях. «Говорят, — отмечал автор другой статьи в *Godey's Lady's Magazine*, — что мужчины по сравнению с женщинами мало чем отличаются от дикарей. Настолько же справедливо и то, что и мужчины, и женщины — грубые и эгоистичные существа по сравнению с детьми, которые очищают и смягчают лучшие чувства родительских сердец»³⁰. Сотни книг, журналов, газет и изданий обществ трезвости содержали рассказы о том, как взрослый человек был спасен встречей с ребенком или примером невинного ребенка; в их числе «Десять ночей в пивной» Тимоти Артура, «Старомодная девушка» Луизы Олкот и «Маленький лорд Фаунтлерой» Фрэнсис Ходжсон Бернетт. Невинные дети, такие как Маленькая Ева, Кэрл Берд или Бет из «Маленьких женщин», были слишком прекрасны для этой грешной земли и преподавали взрослым свой самый мучительный урок на смертном одре, возвращаясь в ангельское состояние. Подобный сюжет стал столь типичным в детской прозе, что если героя представляли читателю как «наш малыш Вилли», то это было равносильно смертному приговору. Одна

из авторов детских историй, Кейт Дуглас Уиггин, которая сама описала картинную смерть десятилетней героини своего романа «Рождественская птица Кэрол», называла популярных писателей своей юности «литературными Иродами, которые приговаривали к смерти всех малых детей вокруг»³¹. Литература XIX века изобиловала ангелоподобными детьми, чьи краткие и невинные жизни оставались постоянным источником вдохновения для взрослых. Были и столь совершенные дети, что они не порывали своей связи с раем и в действительности никогда и не могли жить на земле, — вероятно, утешительный факт для многих родителей, потерявших своих младенцев.

Особенно яркий литературный пример воздействия на взрослого со стороны невинного дитяти появился в 1848 году в коротком рассказе Роуз Эшли о девочке, страдавшей сильной умственной отсталостью. Ее мать пыталась хоть чему-то обучить ребенка, но безуспешно: девочка оставалась абсолютно равнодушной ко всему, что ее окружало. После смерти матери девушка вышла замуж за двоюродного брата, ставшего ее опекуном. (Представляется, что автор уверен в отсутствии каких-либо этических проблем, связанных с браком, заключенным без формального согласия невесты.) Через год она родила дочь и под влиянием материнства внезапно превратилась в мудрую и очаровательную жену и мать. Она стала совершенно нормальной и «вспомнила» все уроки своей матери, которые та ей пыталась преподавать много лет назад. Внезапно она начала хорошо писать, рисовать, играть на арфе, вышивать и управляться по хозяйству, причем делала все это, ни у кого не учась. Когда ее маленькая дочка трагически умерла в возрасте пяти лет, мать моментально впала в состояние идиотизма и умерла через год³². В эту историю включено многое, подводящее к мысли о том, что женщине необходимо рожать детей, для того чтобы полностью реализовать свои способности,

и что дети — настоящие волшебники, приносящие свет и спокойствие в любой дом.

Лишь несколько рассказов изображали такую разительную перемену, многие же другие поддерживали идею о том, что взрослые, особенно женщины, значительно выигрывают от присутствия в их жизни маленького ребенка. Любовь к малышам являлась «любовью, необходимой для нормального женского развития, как солнце и дождь необходимы для красоты и силы цветов»³³. Дав матери возможность самозабвенно приносить помощь и выражать преданность и поклонение, показывая примеры очарования и чистоты, дети стали для родителей благословением Божьим. Апофеоз ребенка-учителя, ребенка-спасителя (отца он спасал от пьянства или эгоизма, мать — от бессмысленности существования, а дом — от пустоты) оставлял мало места для того, чтобы увидеть в детях естественно присущий им эгоизм и незрелость. Образ херувима, направляющего своих родителей, не всегда соответствовал реальным детям.

Если дети были ангелоподобными, это означало, что они были бесполоыми и асексуальными, не знавшими плотских проблем. Предпочитая костюм, созданный специально для детей вообще, а не отдельно для мальчиков и для девочек, родители пестовали образ «бесполого» детства, который гармонировал с образом невинности и чистоты, свойственных детству. Укороченные платья и панталоны, конечно, мало способствовали тому, чтоб увести детей от знания о существовании двух различных полов — мужского и женского: каждый малыш, наблюдая за женщинами в кринолинах и мужчинами в длинных брюках и цилиндрах, знал, что на свете имеются два пола, которые достаточно легко различимы. То, что новый стиль одежды действительно внес в жизнь, так это соответствие зрительного образа ребенка тем ожиданиям, которые возлагало на него обще-

ство. Родители хотели, чтобы их дети выглядели по-детски, то есть отличным от взрослых образом. Они хотели, чтобы внешний облик их сыновей и дочерей соответствовал вере взрослых в детскую невинность. Одежда, затушевывающая различия между мальчиками и девочками, когда и те и другие одевались в юбки и штанишки, носили длинные или стриженные волосы, создавала ощущение бесполой (или ангелоподобной) невинности.

Веками юбки были элементом одежды маленьких мальчиков, так же как шляпы и башмаки. Поскольку юбка обозначала младенческое состояние мальчика, одним из знаменательных событий его жизни был день, когда он впервые надевал штаны, становясь, таким образом, большим. Когда мужчины носили бриджи до колен, мальчики носили длинные брюки; когда мужчины, приблизительно в 1830-е годы, начали носить длинные брюки, мальчиков стали одевать в короткие штанишки или бриджи. Значение имела не сама длина брюк, а установление различия между мальчиком и взрослым мужчиной. Когда мальчик избавлялся от юбки и надевал длинные или короткие штаны, он становился другим человеком. Рассказ 1881 года для детей описывал, например, как маленький мальчик сменил красную юбочку на короткие штанишки. Это был «очень важный день», поскольку из «малыша Бенни» он сразу превратился в большого мальчика. Его мать с грустью отмечала, что теперь «он станет шумным, вопящим, бегающим во дворе сорванцом и никогда уже не будет милым домашним маленьким мальчиком»³⁴. Образ, который создавал костюм, был в первую очередь связан со спецификой возраста. Однако начиная с 1890-х годов юбки начали рассматриваться как одежда, присущая исключительно женщинам и представляющая не только возраст, но обязательно и пол. Постепенно стало казаться, что неправильно одевать мальчиков в женскую одежду. В отличие от «малыша Бенни», маленький мальчик

в рассказе 1895 года прибежал домой в слезах, потому что другой ребенок принял его за девочку из-за надетого на нем красивого платьица и передника. Его мать выразила уже совершенно другое мнение, удивившись: «Отчего каждый мальчик имеет представляющийся врожденным инстинкт своей принадлежности к сильному полу и возмущается, что его принимают за девочку, задолго до момента, когда мама сочтет его достаточно выросшим, чтобы остричь ему волосы и впервые одеть в брюки?»³⁵ Родители постепенно переходили от бесполого образа ангелоподобных детей к более человеческому и, соответственно, гендерно ориентированному образу своих чад. Отцы и матери второй половины XIX столетия стали рассматривать незлостные формы непослушания детей как безвредные и даже забавные мелкие неприятности, поскольку «мальчики есть мальчики, и нам следует чаще вспоминать, что это в их натуре»³⁶. Все меньше причин оставалось для того, чтобы одевать маленьких мальчиков в юбки, поскольку родители теперь видели в них больше мальчишеского, чем милого и ангельского. Платья и длинные кудри у мальчиков становились все более редким явлением, пока не исчезли совсем после Первой мировой войны. Родители викторианской поры подчеркивали младость и невинность своих детей; родителей XX века более привлекало реальное или воображаемое раннее развитие детей, и они одевали их в любые костюмы — от маленьких костюмчиков-троек и одинаковых для матерей и дочерей платьев до бейсбольной формы, похожей на настоящую, и миниатюрных костюмов медсестры.

ИГРУШКИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Бесполой образ детей был возможен для родителей викторианской эпохи только до тех пор, пока существование и роль мужского и женского полов казались однозначными и непоколебимыми. Они знали, что их дети станут взрос-

лыми в обществе с очень четкими и строго соблюдаемыми социальными ролями мужчин и женщин. Это означало, что родители стояли перед лицом противоречивой проблемы: убеждать себя в бесполой невинности своих детей и одновременно быть уверенными в том, что каждый ребенок сможет занять правильное место в обществе. Таким образом, если одежда стала бесполой, то игрушки оказались средством, при помощи которого представлялось возможным сформировать у мальчиков и девочек идеально правильное социальное поведение. Родители предпочитали такие игрушки, которые, как им казалось, помогут проявлению мужественности у мальчиков и женственности у девочек. Практически все виды игрушек, которые производились в Америке XIX века, предназначались для детей не обоих полов, а для того либо другого пола. Лишь очень немногие виды игрушек (детские погремушки и прорезыватели, обручи, бадминтон, сачки для ловли бабочек, ноевы ковчеги, настольные игры, популярность которых все время возрастала, и животные на колесиках) покупались родителями и для сыновей, и для дочерей. Маленькие дети играли со всем, что им подвернется, включая «ложку, и погремушку, и булавки для одежды, и нитку с пуговицами», резиновые прорезыватели и другие «простые игрушки»³⁷. Коралловые украшения по-прежнему оставались особенно популярными³⁸. Одни матери покупали коралловые браслеты и булавки для своих маленьких сыновей и дочерей в основном потому, что ассоциация кораллов с детством глубоко укоренилась, и они казались наиболее подходящими для ребенка; другие все еще верили в защитные свойства кораллов. «Констанция, — писала в 1851 году одиннадцатилетняя Кэтрин Хейвенз, — носит нитку коралловых бус и говорит, что простужается, когда снимает их»³⁹.

Родители давали мальчикам и девочкам такие игрушки, которые, как они считали, проявят в детях их естественную гендерную сущность. Взрослые также искренне верили, что

подобные игрушки доставляют детям особое удовольствие. Небольшой рассказик в *Godey's Lady's Magazine* за 1850 год повествует о случае с маленькой девочкой, которая, когда отец отказал ей в приобретении куклы (он хотел воспитывать детей вне гендерных стереотипов), одела кролика в детскую одежду и положила его спать. Ребенок подчинялся законам природы, объяснялось в рассказе: «каждый пол играет свою роль в обществе». Поэтому «мальчик берет молоток, кнут или другие шумные игрушки или занимается упражнениями, требующими силы и действий; в то же время девочка, что естественно, занята куклой, ее чашками и блюдами»⁴⁰. В языке того времени мальчик, играя, «получает удовольствие» (*takes his pleasure*), в то время как девочка «трудится» или «занимает себя» (*busies herself*), подражая женским хлопотам. Викторианские родители верили в то, что в каждом ребенке уже заложены будущий взрослый мужчина или женщина. Бесполая одежда помогала защитить невинность детей, в то время как соответствующие полу игрушки руководили их развитием, способствуя вхождению в роль, ожидаемую обществом.

Различие в игрушках и играх заключалось не только в том, какие полагались мальчикам, а какие — девочкам. Родители стремились предложить своим сыновьям больше разнообразных игрушек, чем дочерям. Из 325 мальчиков, изображенных на портретах 1830–1870 годов, художники изобразили 217 (или $\frac{2}{3}$) с одной или несколькими игрушками 55 типов. Около 8 % мальчиков держат мячи, бадминтон или другие предметы для подвижных игр на улице; 17 % позируют с военными игрушками: маленькими мечами, ружьями, военными костюмами, горнами, барабанами, пушками и игрушечными солдатиками; 18 % стоят с игрушечными лошадками, повозками, тачками, обручами и другими крупными игрушками, на которых можно кататься и которые можно тянуть, толкать, катить и пр. 65 малень-

ких мальчиков, или 20 % нашей выборки, держат хлыст для пони. Многие из этих хлыстов можно отнести не к игрушечным, а к настоящим: они намного длиннее мальчиков, держащих их в руках; но некоторые — чуть больше тонкой палочки с небольшим ремешком. Многие хлысты появляются на портретах рядом с игрушечными лошадками и повозками. Неудивительно, что игрушечные хлысты стали наиболее популярным предметом для игр, который изображался на портретах мальчиков, в жанровых сценах и на гравюрах, а также на страницах каталогов, поскольку хлыст отражал одновременно такие необходимые черты мужского характера, как физическую смелость, умение держать все под контролем и властвовать. С хлыстом в руках мальчик мог воображать коня или целый табун, подчиняющийся его приказам (или привлечь младших братьев и сестер на эту роль). Хлыст обозначал власть. В целом игрушки для мальчиков делались достаточно большими, чтобы можно было забраться на них или в них, шуметь, развиваться физически или играть компанией, играть с ними на улице, соревноваться с другими мальчиками. Предполагалось, что мальчики очень любят «катание на коньках, на санках, верхом на лошадях, любят шумные игры, скачки, лазанье по вертикали и потасовки» из-за их «настоятельной потребности к упражнениям»⁴¹. Поэтому неудивительно, что большинство игрушек были крупными и прочными, такими, чтобы выдержать грубое обращение и активную игру, и делались по большей части из дерева, металлов или кожи. Создается впечатление, что родители предполагали и поощряли грубую, шумную, групповую активность своих сыновей.

Напротив, всего лишь 20 % из 309 девочек в возрасте около 7 лет изображены на портретах с игрушками только 21 разновидности. Чуть меньше половины из этих видов игрушек присутствуют и на портретах мальчиков — число

достаточно большое, но при этом у 80 % маленьких девочек, изображенных с игрушками, эта игрушка одна — кукла (илл. 19). Подавляющее большинство остальных игрушек для девочек также относится к игре в куклы: это «игрушечные бюро, кровати, тумбочки, стулья, столы, чашки и блюда... и многие другие вещи»⁴². Игрушки для девочек были преимущественно маленькими, хрупкими вещицами (часто сделанными из фарфора, воска, бумаги и папье-маше), например чайный китайский сервиз, восковая куколка или музыкальный ящик. Эти вещи требовали бережного обращения и часто предназначались для игр в одиночку и в комнатах. Многие из замечательных игрушек, предназначенных для девочек, не способствовали совместной игре, поскольку были слишком хрупкими и красивыми. Люси Ларком, вспоминая свое детство в Новой Англии, говорит, что часами играла с тряпичными куклами, «нелепыми существами собственного изобретения, у которых отсутствовали конечности и были расплывчатые черты лица». Эти куклы выглядели так неказисто, потому что выносили ежедневное качание на руках, переодевание, катание в коляске; красивые заграничные восковые куклы были для этого слишком изящными и непрочными. Самодельные игрушки Люси были не особенно хороши, но она, «тем не менее, любила их гораздо больше, чем...куклу из Лондона, которая лежала, застыв, в верхнем ящике комода — прекрасная леди, не желавшая, чтобы в нее играли, но только чтобы на нее смотрели и восхищались ею»⁴³. Элиза Риджли, жившая в Балтиморе в 1840-е годы, приглашала друзей в гости полюбоваться своими куклами и сама ходила к другим девочкам с той же целью, но дети не играли с восковыми и фарфоровыми красавицами. Когда Элиза хотела играть, она доставала свою коллекцию бумажных кукол и их платья. Элеонор Эббот тоже предпочитала «играть на полу с... бумажными куклами», так же как Мэри Эллен Чейз, подраставшая в Мэне в 1890-е годы⁴⁴. Многие

рассказы для девочек, публикуемые в новых детских журналах, специально уделяли место теме неаккуратных малышей, которые разбивают керамические игрушки или оставляют восковых кукол на солнце, и те тают. Рассказов для мальчиков о необходимости беречь свои игрушки не существовало. Игрушки для мальчиков развивали физическую силу, выдержку, ловкость, уверенность и взаимопомощь; игрушки для девочек концентрировались на обучении вышиванию, нянченью младенцев, а также на развитии умения модно одеваться и сервировать чай — навыках, необходимых будущим женам, матерям и хозяйкам. И хотя игрушки для девочек требовали тихих и осторожных игр и состояли из вещей, предназначенных для имитации женской работы, все еще бытовало мнение о том, что игры — вообще не женское дело. Гораздо чаще маленьких девочек изображали на портретах с цветами, шляпами или книгами. Американское общество рассматривало игры как необходимые и полезные для мальчиков и поддерживало их в этом. Родители гораздо меньше поощряли игры девочек, предпочитая, чтобы те проводили время за более полезными занятиями, такими как шитье или помощь в уходе за младенцем, либо за спокойными вышиванием или чтением. Неудивительно, что выражение, возникшее в XIX столетии, — «мальчики всегда остаются мальчиками» (boys will be boys) — не имело «женского» аналога. Родители по-прежнему предпочитали, чтобы их дочери вели себя как маленькие женщины.

Игрушки мальчиков и девочек различались не только на портретах, но и на полках магазинов того времени и на страницах каталогов, обретавших все большую популярность. Каталоги Montgomery Ward 1893 года и Sears, Roebuck 1897 года предлагали покупателям повозки, коляски и экипажи «для мальчиков», а Montgomery Ward — еще и хлысты «для мальчиков»: трех видов с «кожаным плетеным ремнем» и одну особенную модель «со свистком

в рукояти»⁴⁵. В Montgomery Ward были представлены также два вида детских транспортных средств: трицикл для мальчиков с большим передним колесом и седлом, на котором сидели с расставленными ногами, и велосипед с ручным управлением для девочек, с маленьким передним колесом и сиденьем, зафиксированным между двумя большими задними колесами. Разница объяснялась незыблемым правилом XIX века, запрещавшим девочкам сидеть, расставив ноги. Родителям советовали не разрешать девочкам кататься верхом на палочках с головой коня, на лошадках-качалках, велосипедах, трициклах и даже на детских качелях, представлявших собой доску, закрепленную посередине; взрослая леди также всегда скакала на лошади, только сидя боком. Расставленные ноги, полагали родители, являются угрозой сексуальной невинности их маленьких дочерей. Одна из первых исследовательниц вопросов сексуальности, Хейвлок Эллис, предупреждала в 1924 году: «Девочки во Франции... очень любят кататься на лошадках-качалках... из-за сексуального возбуждения, которое они при этом испытывают; о том, что сексуальные эмоции... присутствуют в этом виде развлечений... свидетельствуют восторженные выражения лиц любительниц этой игры». Действительно, малолетняя проститутка, сидящая на лошадке-качалке с расставленными ногами, являлась популярным мотивом французских порнографических открыток. Далее Эллис утверждала, что «сексуальное возбуждение может также возникать у женщин, катающихся на велосипеде». Даже безобидные садовые качели оказались под ударом критики. «Раскачивание другого человека способно вызвать чувственные желания, недаром одна из 600 форм сексуального удовольствия, поименованных у маркиза де Сада в его “Сто двадцати днях Содомы”, состоит как раз в том, чтобы сильно раскачивать девочек на качелях», — уверяла Эллис своих читателей⁴⁶. По тем же причинам серьезно

сомневались даже в благонравии женщин, использовавших ножную швейную машинку⁴⁷.

Специалисты по детскому воспитанию убеждали родителей строго следить за тем, чтобы их дочери ни в коем случае не сидели, раздвинув ноги, и в целом за тем, чтобы дети не сбились с пути, заложенного их полом. «За мальчиками, — писал медицинский эксперт, — следует наблюдать, чтобы они не проявляли стремления к женственности и не увлекались девчачьими играми, а девочек следует отвращать от слишком сильного желания участвовать в мальчишеских спортивных играх и предостерегать от опасности стать сорванцом»⁴⁸. Играя в неправильные игры и используя неправильные игрушки, еще незрелые дети могли возбудить в себе сексуальные ощущения и нарушить свою естественную невинность. Родительские страхи и беспокойства проявлялись во множестве небольших рассказов в детских книжках, убеждавших мальчиков гонять обруч, а девочек — довольствоваться куклами.

Немногие специалисты, включая Лидию Чайльд, поощряли участие девочек в активных играх, большинство же считали необходимым четко разграничивать игры мальчиков и девочек. Сами дети были с этим не согласны. Когда им удавалось выразить свое мнение, они проявляли более разнообразные вкусы в игрушках, чем те, что предписывались им взрослыми. В 1898 году Т.Р. Кроуэлл провел опрос 1000 девочек и 1000 мальчиков в штате Массачусетс, предлагая каждому ребенку составить список любимых игрушек. Только около $\frac{2}{3}$ девочек (621) поместили в этот перечень кукол и менее $\frac{1}{4}$ (233) посчитали их своей любимой игрушкой⁴⁹. Эта умеренная любовь к куклам отражена и в дневниках маленьких девочек. На страницах с отзывами о местных модах, школьными сплетнями, перечислением ежедневных дел и длинными, детальными описаниями кондитерских некоторые девочки упоминают своих кукол

и воображаемые чаепития с их друзьями. Многие, однако, делают лишь отрывочные замечания о куклах, гораздо более интересуясь другими видами игр. Кажется, что игрушкой, которую больше всего ценили как мальчики, так и девочки, был обруч. Эдвард Эверет Хейл вспоминал обруч, который он еще мальчишкой гонял по Бостон-Коммон в 1830 году. Обруч был сделан из «больших обручей бочек, использовавшихся в морских перевозках», и он назвал его Уайтфут, или Белая Нога. Играя в популярную игру «почтальон», Хейл катал свой Уайтфут по всему городу, оставляя на ветвях деревьев или под камнями «письма» для других мальчиков⁵⁰. Десятилетняя Кэтрин Хейвенз из Нью-Йорка никогда не упоминает традиционных игрушек для девочек, но постоянно рассказывает о том, как летом 1849 года ходила на площадь имени Вашингтона, чтобы гонять там обруч и прыгать через веревку. В 1862 году десятилетняя Кэролайн Каулз (Ричардс) и ее семилетняя сестра Анна выбрали в качестве подарка на день рождения «два резиновых мяча и скакалки с ручками, и два обруча с палочками, чтобы их катать, и пакет лимонных леденцов» из магазина в Канандайгуа, штат Нью-Йорк. С этого момента катание обруча стало любимым занятием Кэролайн до и после школьных занятий⁵¹. Двенадцатилетняя Элиза Риджли из Балтимора вела дневник в 1841–1842 годах. Она любила играть с бумажными куклами и показывала кукольный домик всем своим юным гостям (хотя, кажется, сама в него не играла), но настоящей ее страстью было гонять обруч. В одном только ноябре 1841 года Элиза описала это занятие 14 раз — столько, сколько вообще обращалась к своему дневнику. В праздничные дни она играла с обручем в саду или в школьном дворе до тех пор, пока не темнело; когда лил дождь, она катала обруч туда-сюда по парадному холлу своего дома. Однако девочки не только гоняли обруч. Элиза также играла в снежки, каталась на санках, играла

в прятки и в солдатики, которые представляли воинов короля Георга, а однажды утром после игры с бумажными куклами «пошла гулять с мальчиками и тетей Элен, взяв ... луки и стрелы». Особенно странным представляется ее пристрастие к бойцовым поединкам. Типичный тому пример дает запись от 26 ноября 1841 года: «После обеда у меня было шесть поединков: три с Изабелл Ларок и три с Лиззи Берни, и во всех я их уложила на пол и победила обеих»⁵². Кэролайн и Анна Каулз катались на санках, привязывая их к проезжавшим коляскам, прыгали через веревку и играли в «удар хлыста»*, лазали по заборам и деревьям и качались на качелях в своем саду. Однажды Анна повредила колено, съезжая по перилам школьной лестницы. В 11 лет Кэролайн увлекалась игрой в «ножички»: один игрок бросал складной ножичек так, чтобы тот как можно глубже врезался в землю, а другой старался вытащить его зубами из земли. Один юный ас заметил, что если небрежно вытягивать хорошо всаженный нож, то у игрока «нос и рот обязательно будут выглядеть как пустая спаржевая грядка». Кэролайн была страстной поклонницей этой игры и сожалела только о том, что ее лояльная во всем остальном «бабушка [с которой девочка жила] не хотела дать мне (собственного) ножика для этой игры»⁵³. Обычно и вполне естественно, что маленькие девочки перемежали сообщения о грубых и подвижных играх описанием чтения Библии, школьных занятий, уроков вышивания и семейных событий. Их мало заботила реакция взрослых на их игры, разве только в тех случаях, когда эта реакция мешала любимым развлечениям.

* В «удар хлыста» (англ. Snap-the-Whip) играют следующим образом: игроки выстраиваются в линию, берутся за руки и быстро бегут. Один из крайних игроков резко останавливается и дергает того, кого держит за руки, «ударяя хлыстом». На другом конце «хлыста» те, кто не смог удержаться на ногах, падают.

Девочки не оказывали открытого сопротивления, но пытались добиться своего. Многие просто любили гонять обруч не меньше, чем нянчить кукол, а иногда — чуть больше.

В то же время многие мальчики называли кукол в ряду своих любимых вещей. Куклы обычно не фигурируют в дневниках мальчиков — когда мальчик вырос настолько, чтобы завести дневник, он уже вырастал из игры в куклы. Доказательствами того, что маленькие мальчики играли в куклы, являются многочисленные фотографии, где малыши запечатлены с куклами, и свидетельства мужчин, вспоминаявших свое детство. Например, на фотографии 1860 года неизвестный мальчик лет трех, в сапогах и рубашке военного покроя, нянчит куклу с фарфоровой головой и кожаным туловищем (илл. 20). У Говарда Вудмена из штата Нью-Йорк в 1890 году была такая же кукла, и, долго выздоравливая от болезни, он коротал время тем, что шил для куклы лоскутное одеяло⁵⁴. В автобиографии Э.Г. Саузерн вспоминал игрушки своего детства, которое пришлось на 1860-е годы: «множество разного вида кукол обоих полов, черных и белых, восковых и деревянных». Он также вспоминает встречу с «маленьким мальчиком из низших сословий и растрепанную куклу, которую тот держал на коленях»⁵⁵. Проза, написанная для детей второй половины XIX века, время от времени упоминает о мальчиках, игравших в куклы. Например, рассказ из журнала *Babyland* за 1881 год посвящен маленькому мальчику с куклой, которую звали Джо, а в номере *The Nursery* («Детская») расписываются приключения Томми и его «озорной куклы африканского происхождения по имени Денди Джим»⁵⁶. В таких рассказах куклы у маленьких мальчиков мужского пола, однако в действительности кукол женского пола было безусловно больше, и мальчики играли именно с ними. Большую часть XIX века детские игрушки были тяжелыми и твердыми. Игрушечные животные вырезались из дерева,

дерево покрывалось кожей или мехом, либо кожаная оболочка набивалась опилками. Многие из них прикреплялись к деревянной платформе и предназначались для маленьких детей в качестве игрушки, которую можно катать за собой. Единственными действительно приятными на ощупь игрушками были тряпичные и кожаные куклы. В мире, где почти каждый был больше и сильнее маленького ребенка, кукла оказывалась существом меньше и слабее, можно было ее защищать или над ней издеваться, в зависимости от настроения. Игра в куклы давала детям приятное чувство превосходства и контроля в мире, редко позволявшем им испытывать подобное. Маленький мальчик, которому было одиноко, не хватало тепла, находил утешение в девчачьей кукле — других вариантов у него почти не было, и, кажется, многие матери понимали эту потребность и потакали ребенку. В конце столетия новый интерес к миру детей способствовал появлению на рынке набивных кроликов, медведей, домовых (брауни) и чернокожих человечков (голливогогов); многие мальчики нашли в них замену обычной кукле, с которой теперь играли все реже.

Куклы были лишь у некоторых мальчиков и, конечно же, у большинства девочек: куклы с головами из фарфора, керамики, воска или металла, дешевые деревянные, «неуязвимые» куклы из вулканизированной резины и просто самодельные куклы из тряпок или древесины. Покупные куклы больше говорят о взрослых, которые их делали и приобретали, чем о том, во что любили играть маленькие девочки. Со времени появления в Америке колонистов и до середины XIX столетия на рынке главенствовала элегантная кукла-леди. Предполагалось, что такая кукла вводит девочку в мир женской моды, нарядов и развлечений, помогая приобрести навыки, которые пригодятся в дальнейшей жизни, когда, как говорил Руссо, «она сама себе станет куклой» и будет жить той жизнью, в которую играла в детстве⁵⁷.

Внимание общества сосредотачивалось на будущем взрослом, содержащемся в ребенке, готовя девочек к тому, чтобы стать женщинами.

Только после 1850 года европейские фабрики стали массово производить кукол, изображавших детей, — фарфоровых младенцев, нуждавшихся в маленькой маме. Такие куклы быстро завоевали популярность в Америке, где многие первые переселенцы боялись, что поток иммигрантов из Западной и Южной Европы, состоявший из больших и здоровых семей, поглотит уже упрочившуюся американскую культуру, если этому не противодействовать. Беспокоясь об упадке рождаемости в средних сословиях, специалисты по уходу за детьми надеялись, что игры в раннем возрасте с куклами-малышами позднее приведут к неодобрению «бездетных браков» и браков с одним ребенком⁵⁸. Маленькие девочки должны были мечтать о радостях материнства. Игра в куклы, следовательно, стала очень серьезным делом. Популярность пупсов среди детей и взрослых основывалась, как обычно, всего лишь на их внешнем виде. Со своими круглыми мордашками, розовыми щечками, большими глазами и длинными кудрями они представляли квинтэссенцию викторианского идеала красивого, неиспорченного, невинного дитяти.

Не было ни одной игрушки для мальчиков, которая ассоциировалась бы с ними в той же степени, в какой куклы ассоциировались с девочками. Если у мальчиков и имелась страсть к чему-то, то это были лошадки и верховая езда, что очень близко к той любви, которую в XX столетии маленькие мальчики стали питать к машинам. Мальчикам нравились лошадки на палочке, лошадки-качалки, трициклы, к которым прикреплялась игрушечная лошадиная голова, маленькие игрушечные лошадки, маленькие наборы конской упряжи, которые можно было надеть на младшего брата или сестру, хлыст для пони, облучи и повозки,

маленькие и большие. Но лошади представляли лишь небольшую часть игрушек для мальчиков. В отличие от игрушек, рекомендованных девочкам, которые фокусировали их внимание лишь на одной общепринятой будущей роли, игры мальчиков развивали основные знания и умения и поощряли такие уважаемые в обществе черты характера, как храбрость, лидерство, умение сотрудничать с другими и конкурентоспособность. Игра также предлагала выход бившей фонтаном энергии. Поэтому игры мальчиков были более разнообразными.

Большое количество игрушек на детских портретах и фотографиях, в коммерческих каталогах и магазинах свидетельствует о вере родителей викторианской эпохи в то, что игрушки позволяют детям приобрести многие умения, необходимые для соответствующего ролевого поведения в обществе, а также поощряют упражнения, полезные для здоровья. Игра и игрушки укрепляют тело и ум таким образом, что ребенок может с воодушевлением перейти к решению более сложных задач⁵⁹. Однако игра, совершаемая просто для удовольствия, игра без всякого практического значения вызывала подозрение: она все еще свидетельствовала о безделье, озорстве и потворстве своим слабостям. Специалисты по воспитанию выступали вообще против игр с самыми маленькими детьми: «Ни в коем случае до четырех месяцев, а еще лучше — до шести. Чем меньше игр, тем лучше для младенца». Если играть с маленькими детьми, то «это делает их нервными и раздражительными, они будут плохо спать и страдать во многих других отношениях»⁶⁰. Дети постарше могут сделаться излишне материалистичными и приземленными из-за слишком большой привязанности к играм и игрушкам, что разрушит их естественную невинность. Игрушки не часто появлялись на страницах детских повестей и рассказов — в них благовоспитанные дети получали удовольствие и удовлетворение от работы в саду,

игр с домашними животными, нянченья младенцев, веселых прогулок на природе, поскольку, «чем больше вы даете ребенку, тем меньше у него возможностей сделать что-то самостоятельно»⁶¹. Такой системе воспитания игры были не нужны. Большую часть XIX столетия взрослые по-прежнему двойственно относились к игрушкам. С одной стороны, игрушки были важной частью их представлений о детстве как особом мире, в котором царят беспечность и невинность. Однако, с другой стороны, взрослые опасались, что излишества испортят ребенка и лишат его невинности.

ГЛАВА 6. ОГРАДЫ И ВИТРИНЫ: МЕБЕЛЬ СДЕРЖИВАЮЩАЯ И ВЫСТАВЛЯЮЩАЯ НАПОКАЗ

СДЕРЖИВАЮЩАЯ МЕБЕЛЬ

Материальный мир XIX столетия демонстрирует, по крайней мере в Америке, тот тип общества, в котором доминировали сдержанность и контроль. Очень важен был внешний вид, а исполнение ритуалов вообще ставилось выше естественной искренности во взаимоотношениях людей. «От нас все время требуют жертвовать удобством ради условности, — напоминала своим читателям писательница, сведущая в вопросах этикета, — а дисциплина для нас есть благо. Если мы теперь начнем двигаться в противоположном направлении, то совершенно невозможно сказать, где мы очутимся»¹. Родителям было очень непросто научить детей особым правилам и самодисциплине, необходимым для успешного существования в культурном обществе. Викторианская культура определенно связывала воедино обучение манерам и воспитание добродетельности. Такие авторитеты, как Кэтрин Бичер, убеждали матерей, что невозможно начать обучение манерам и нормам нравственного поведения слишком рано и невозможно переусердствовать в этом

деле — всегда оказывается, что уроки начались слишком поздно и проводились без должного рвения. Бичер предупреждала, что «нет более важного долга, накладываемого на мать, нежели воспитание в малых детях привычки к скромности и пристойности. Любому непристойному поведению и любым неприличным словам следует стараться не давать ходу, а щепетильность и сдержанность, наоборот, усердно лелеять»². Согласно данной точке зрения, цивилизация зависит от поддерживаемых всеми норм, и даже «малых детишек следует приучать к тому, что означает быть приличными членами общества»³.

К тем детям, которые были слишком маленькими, чтобы требовать от них самодисциплины, матери XIX века применяли внешние формы контроля. Американские матроны должны были быть уверены, что их потомство ведет себя «прилично», по крайней мере на людях. А контролировать детей стало сложнее, чем раньше. Новый образ детской невинности означал, что все традиционные способы контроля над ребенком теперь рассматривались как неприемлемые. Хотя физическое наказание было признанным средством укрощения в домах колонистов, отныне специалисты по воспитанию детей стали предупреждать, что мудрая мать обходится словами любви и собственным примером, ибо чистая природа детей нуждается только в родительской заботе и руководстве, а не в палке, плетке или ремне. «Младенческая мягкость становится по мере взросления ребенка бессердечием, его очаровательность искажается злобной бранью; все это будет проявляться в нем еще больше и горше, если мы применим к ребенку физические наказания», — предупреждал Орсон Фаулер⁴. Таким образом, мать, использовавшая палку, уже потерпела поражение во взаимоотношениях со своими детьми.

Помимо слов и родительского примера держать молодое поколение в узде помогали слуги и няньки-кормилицы,

неотъемлемая принадлежность многих домов. На протяжении XIX столетия матери из среднего класса продолжали прибегать к найму нянек, хотя и с нарастающим беспокойством. Все меньше девушек из среднего класса шли в услужение; родители искали нянек среди рабочих или только что приехавших в Америку иммигрантов. Многие матери и отцы тревожились из-за того, что их дети проводят значительное время с женщинами из более низких слоев. В основном они опасались, во-первых, того, что эти няньки скорее всего будут воспитывать детей по старинке, а во-вторых, что у нянек совсем другие культура и религия. Ходило множество историй о том, как опасно доверять детей непроверенной служанке. В 1835 году Лидия Чайльд описывает случай, как «фермер и его жена решили отправиться в путешествие, поскольку оно было очень дешевым и все другие их знакомые также решили ехать». Несмотря на дурные предчувствия матери, они оставили детей на попечение молодой служанки. Когда же они вернулись, «уставшие и запыленные», «потратившие все свои деньги, лишившиеся на пароходе часов из-за корабельного вора», «смертельно измученные морской болезнью, начиная от мыса Юдифь», то «обнаружили младенца больным, поскольку Салли как-то постояла с ним в дверях зябким сырым утром, кормя цыплят, а старшая сестра орала и вопила при одной только мысли о том, что нужно идти спать, потому что Салли рассказала девочке какую-то страшную историю»⁵. Даже знакомым нянькам теперь не доверяли полностью, даже они могли быть весьма опасны для детей.

Те матери, которые все еще искали нянек, могли уменьшить возможный вред, выбирая няню тщательно, из множества претенденток. Требовалось, чтобы она говорила правильно и без грубостей, была скромного поведения и умеренных привычек, терпелива, совестлива и преданна. Ей следовало быть религиозной, воздержанной,

девственницей или вдовой. Найти такой образец совершенства было возможно, однако следовало также учесть, как советовала миссис Дьюинг в 1882 году, что «при выборе няньки для детей немаловажно, чтобы она имела приятный внешний вид, честное, благопристойное, веселое выражение лица... ибо дети бессознательно копируют внешний облик тех, кто находится рядом с ними; до сих пор мы часто видим сильное сходство между детьми и их няньками». Усугубляя чувство вины у тех читателей, которым пришлось прибегнуть к услугам няньки, Дьюинг завершает свои советы наблюдением, что «ни у одного ребенка нет перед глазами столь совершенного и прекрасного человеческого лица, чем у тех, кто обычно живет с родителями»⁶. Поскольку ни одна нянька не могла полностью соответствовать идеалу и любой компромисс представлял собой опасность для детей, то те матери, которые все же нанимали нянек, жили в постоянной тревоге. Любое сильное воздействие на юных и впечатлительных детей, кроме родительского, вызывало у добросовестных мам и пап озабоченность.

Некоторые матери и отцы, отказывавшиеся от нянь из-за подобных опасений, обращались к лекарственным средствам, таким, например, как «Микстура Могга» или «Укрепляющее средство Годфри», чтобы успокаивать шумных и подвижных детей. В некоторых пансионатах для девочек учащиеся ежедневно получали порцию каломели в том случае, если они были, как ни странно, «слишком сильны здоровьем». Хлорид ртути должен был сделать учениц более «вялыми и апатичными», более «похожими на леди». Однако все больше родителей начинали понимать, как вредно пичкать детей наркотиками⁷. Во второй половине XIX века врачи и авторитеты в области ухода за детьми единодушно протестовали против использования алкоголя или опиатов для успокоения детей. В 1870 году Орсон Фаулер выступал против каломели, морфина, парегорика и наркотиков всех

других видов, которые ежедневно давались детям в изготовленных специально для них и запатентованных лекарствах. «Успокоительный сироп искалечил и убил миллионы младенцев», — заключал он⁸. Однако патентованным лекарственным средствам продолжали доверять, и в конце века на обороте обложек многих женских журналов постоянно печатались рекламные объявления докторов, лечивших от наркомании. Может считаться типичной такая реклама в Godey's Lady's Magazine за 1892 год:

ОПИУМ — привычка к морфину.
Оплата после излечения. 10 лет практики.
1000 вылеченных. Расскажите о себе.
Доктор Марш, Квинси, Мичиган⁹.

В связи с общественным движением против употребления наркотиков производители лекарств в первых же строках объявлений спешили рассказать о чистых природных составляющих их продукции. В 1902 году каталог Sears, Roebuck возвещал, что продаваемый через него патентованный детский сироп будет «благословением для родителей, он безвредно и эффективно успокоит и утихомирят детей любого возраста. Мы гарантируем, что он не содержит ни опиума, ни морфина; изготовлен только из лекарственных трав»¹⁰. Но, конечно, многие успокоительные сиропы, как и их ближайшие родственники: укрепляющие эликсиры, препараты, тонизирующие нервную систему, сиропы от кашля — содержали значительный процент алкоголя. В XIX веке многие родители постепенно приходили к убеждению, что и слуги, и лекарства скорее чреваты опасностями, чем приносят пользу в таком тонком деле, как уход за детьми и воспитание.

И физические наказания, и лекарства, и помощь наемных работников — все это могло навредить детям. Кроме

того, родители, конечно, не следили за детьми постоянно. Поэтому многие обратили внимание на обстановку предназначенных для детей помещений как на эффективный механизм контроля, внешнего по отношению к детям. Традиционная детская мебель к тому времени была упразднена. В связи с характерными для XIX столетия представлениями о детях и их потребностях ее совсем не использовали. Детская мебель старых фасонов исчезала, ее заменяли совсем новыми и отличными от прежних предметами. Колыбель уступила место детской кровати с боковыми сетками или перилами, ходунки и табуреты для стояния — детским качелям и прыгункам, редкие до 1830 года высокие стульчики использовались все чаще, появилась детская коляска, ставшая одним из главных предметов, предназначавшихся для ухода за ребенком.

Начиная с последней четверти XVIII века большинство родителей уже не требовали от детей манер и поведения взрослых. Они не нажимали младенцам на кости черепа, чтобы родничок зарос побыстрее; не связывали малышам ноги, чтобы их выпрямить; не заставляли своих отпрысков как можно раньше вставать и ходить. Когда родители стали считать физические ограничения младенческого возраста естественными и временными, эти ограничения потеряли многие из связанных с ними негативных ассоциаций. Поведение младенца уже в меньшей степени выглядело недостатком или слабостью, но в большей — частью обаятельной детской природы. Если матери и отцы XVII века видели младенца «хныкающим и отрывивающим на руках у матери», то родители XIX века относились к своим малышам как к очаровательным созданиям, агукающим и пускающим пузыри. Им было невдомек, как сильно изменилось восприятие детей. «Дракон, гидра и гном, истощившие способности старых поэтов к описаниям, освободили место для нетронутого, многообещающего и прелестного дитяти», — писали

литературные критики в периодике 1869 года¹¹. Родителям нравилось, как младенцы выглядят и как они себя ведут. Детские ужимки и шалости настолько же умиляли родителей, насколько могли раздражать посторонних.

Когда вертикальная поза потеряла свою социальную значимость и младенцев уже не заставляли стоять на ногах в их первый день рождения, табуреты для стояния и ходьбы стали бесполезными. И в самом деле, ходунки исчезли из общего употребления в 1790–1800-е годы; теперь матери боялись, что дитя забредет в какое-нибудь опасное место. В начале 1800-х годов все же производилось небольшое количество табуретов для стояния, но моделей уже было очень мало. Табуреты представляли собой небольшие деревянные ящички с встроенным сиденьем и приделанным столиком-лотком. Находясь внутри, ребенок мог стоять или сидеть, играя с предметами, лежащими перед ним на лотке. Главной целью этого приспособления уже было не раннее обучение ходьбе, а ограждение и защита ребенка, охрана его от всего, что могло бы причинить ему вред. Такие ящики для детей не пользовались популярностью. Большинство из них (если не все) выглядят самодельными. Табуреты для стояния вышли из употребления около 1850 года. Как представляется, многие родители хотели, чтобы детская мебель была чем-то большим, чем просто ящиком для ребенка. Детская мебель должна была развивать и развлекать, а также оберегать от травм. По сути, взрослые искали приспособление, которое могло бы заменить им няню и упростить заботу о ребенке.

К 1850 году в викторианском доме детские качели и различные виды прыгунов вытеснили ходунки и табуреты для стояния. Уже в 1839 году некий автор рекомендовал детские качели «тем матерям, у которых нет слуг», поскольку качели «дают им возможность насладиться отдыхом от ношения детей», «обеспечивают чистоту и благопристойность»¹².

Обеспечение чистоты состояло в том, что, катаясь на качелях, дети не сидели и не валялись на полу, а благопристойность заключалась в том, что дети не ползали. Реклама детских качелей регулярно появлялась в торговых каталогах и женских журналах, а руководства по уходу за детьми перевозносили их. «Безопасные детские качели могут быть легко размещены в детской, они дают детям радость долгими зимними днями, когда те так часто заперты дома», — отмечал *Ladies Home Journal* («Домашний журнал для дам») в 1899 году¹³. Самые обычные детские качели представляли собой простое деревянное кресло с деревянными ручками и спинкой, подвешенное к дверной притолоке на четырех веревках; застежка спереди удерживала ребенка. Прыгунки, в сущности, были теми же детскими качелями, прикрепленными к пружине или аналогичному механизму. Некоторые модели совмещали в себе несколько функций. В 1897 году в каталоге *Sears, Roebuck* предлагались «прыгунки, сочетающие в одном предмете детские качели, кресло для малыша, кроватку и собственно прыгунки» (илл. 21). В статье указывалось: «Если дитя заснет в креслице, кресло можно переделать в детскую кроватку, совершенно не потревожив ребенка», — спинка опускалась, подставка для ног поднималась. Продавцы убеждали родителей, что данная модель «достаточно прочна и для шестилетнего ребенка»¹⁴. Благоразумная мать беспокоилась о постоянной безопасности своего только начавшего ходить малыша так же, как тревожилась о нем, пока он был младенцем, и поэтому не решалась оставить его под присмотром слуг. Детские качели казались удовлетворительным решением, поскольку приносили ребенку радость и уберегали его от падений, к тому же он занимался физическими упражнениями. Как и табурет для стояния, детские качели были довольно простой конструкцией; ее мастерили дома, а покупные стоили очень дешево. Табурет для стояния заставлял маленьких детей

стоять независимо от того, насколько крепки были младенческие ножки; ребенок чувствовал себя самостоятельным, хотя и мог покалечиться. В качелях, наоборот, можно было сидеть, упражняться, развлекаться, но не передвигаться. Качели являлись не только сиденьем, но и удерживали ребенка в этом сиденье. Как ясно утверждала реклама, качели и прыгунки легко выдерживали ребенка до шести лет, то есть ограничивали передвижения и младенцев, и детей, умеющих ходить. Жизнь детей XIX столетия стала более безопасной, но, вероятно, они теперь чувствовали себя менее самостоятельными, чем предыдущие поколения.

В первой половине XIX века к ползанию младенцев относились все еще подозрительно. В длинных платьях, которые носили большинство младенцев, ползать было невозможно. Качели и прыгунки нравились родителям еще и потому, что позволяли детям развивать мышцы ног, не давая им ползать.

Вплоть до 1870-х годов американское общество никак не могло принять тот факт, что естественным этапом обучения ходьбе является ползание на четвереньках. Многих раздражало, что иллюстраторы, рекламщики и предприниматели изображали ползающих детей, полагая, что аудитории это понравится¹⁵. Уже в 1871 году Роберт Дж. Клей в Нью-Йорке и Альфред Винсент Ньютон в Лондоне получили патенты на механических кукол в виде ползающих младенцев; когда этих кукол заводили и ставили на четвереньки, они медленно ползли по полу¹⁶. Ползающие куклы и керамические статуэтки в виде младенцев на четвереньках вошли в моду около 1875 года. Эти статуэтки и игрушки, равно как и живых ползающих младенцев, теперь называли «изящными». Одновременно очень модно стало фотографировать голых младенцев, лежащих на животе на меховой подстилке, — «голыш на меху» превратился в визуальное клише того времени. Раньше подобные животные

образы, исключаящие парадный мундир цивилизованности и подчеркивавшие в человеке биологическое начало, вызвали бы всеобщее возмущение. А в XIX веке родители их обожали. Младенца на четвереньках полюбили настолько, что женские журналы считали теперь «коврик для ползания подходящим подарком» младенцу. Ковриками для ползания были очень простые маленькие тонкие одеяла, их стелили на пол, чтобы организовать ребенку удобное место для игры. Однако лишь в начале XX века родители окончательно отказались от длинных платьев, в которые рядили детей с 1750-х годов. Будничной одеждой ребенка стал просторный комбинезон-«песочник» с короткими штанинами, в котором можно было ползать (илл. 22). «Песочники» были ранней формой игровой одежды. С их появлением детские качели отошли на задний план, уступив место двум другим приспособлениям, причем одно из них было старым, а другое — новым. Речь идет о табурете для ходьбы, или ходунках, и о манеже. В ходунках XX века было сиденье, которое поддерживало значительную часть веса ребенка, в то время как он толкал ходунки вперед. Манежи на колесах появились, уже в коммерческом варианте, в течение десяти лет после Первой мировой войны и соединяли в себе мобильность, безопасность и свободу — свободу стоять, сидеть или ползать внутри защищенного пространства. Некоторые матери придирчиво осматривали дом, убирая подальше все опасные и хрупкие вещи, чтобы дети могли играть при минимальном догляде и с минимальным риском. В проверенном доме или в манеже младенцы самостоятельно решали, чем и когда заняться; это давало им новое ощущение контроля над ближайшим, непосредственно окружавшим их миром.

Американские родители отказались от табуретов для стояния ради качелей и от качелей ради манежа. Высокий стульчик стандартной конструкции, хотя и существовавший

столетиями, стал общераспространенным предметом только после 1830 года. В викторианском доме важное место занимал семейный обеденный стол; в частности, за ним проходили главные уроки манер и благопристойного поведения. За обеденным столом младенцы были на виду у членов семьи и гостей. В английских семьях дети высшего и среднего классов обычно ели отдельно от взрослых, но большинство юных американцев сажали за стол со взрослыми почти во всех торжественных случаях¹⁷. Авторы руководств по уходу за детьми верили в то, что семейные обеды являются превосходной возможностью научить детей этикету и сдержанности. Когда приходили гости, дети показывали, насколько хорошо они усвоили уроки. Дети должны были вести себя прилично, это считалось очень важным. Взрослые верили, что хорошее поведение определяет здоровье и будущий характер ребенка и, кроме того, свидетельствует о благородстве и утонченности семьи. Один специалист по «детской дисциплине» в начале XIX столетия заявлял: «Хорошее поведение за столом — прекрасный показатель манер детей; трапеза является наилучшей возможностью для внедрения в них благопристойности. Детей нужно научить садиться и вставать из-за стола в одно и то же время; ждать, пока обслуживают других, не показывая нетерпения; стараться не шуметь и не разговаривать; и если они не заперты в детской, то смотреть на разные сладости и при этом сидеть спокойно и не кланчить их»¹⁸. Лидия Чайльд рассказывала, как зашла навестить друзей в тот момент, когда семья сидела за ужином. «Маленькой девочке примерно 4-х лет сказали уступить нам место. Ее мама заявила, что если она хорошая девочка, то быстренько доест свой ужин». Когда дочка запротестовала и начала плакать, смущенная мать «вывела ее из комнаты и распорядилась, чтобы та шла спать без ужина»¹⁹. Возраст все еще давал привилегии. Предполагалось, что именно ребенок должен ждать, пока обслужат других, или уступить

место старшим, если все не умещались. Самым маленьким детям было очень трудно принять такой порядок.

Большинство специалистов по уходу за детьми твердили, что детская пища должна быть простой и здоровой, не острой, не жирной и не пряной. Многие настаивали на том, что простой хлеб и молоко являются наилучшей едой для первых лет жизни²⁰. Согласно мнению тогдашних медиков, ребенку легче всего переварить неострую пищу, злаки, несладкие или чуть-чуть подслащенные пудинги, свежие овощи, а жирная, пряная, острая еда возбуждает детей, делает их беспокойными, больными, сексуально озабоченными. Детям нужно было учиться сидеть за столом тихо, поедая молочную кашку или несладкий хлебный пудинг, в то время как старшие смаковали мясные блюда, разные соусы, жирные десерты. Вероятно, это был тяжелый урок, но многие родители считали его весьма важным для здоровья ребенка. Короткий рассказ в *Arthur's Ladies Magazine* («Дамском журнале Артура») за 1866 год ясно показывает, что взрослые относились к диетам своих детей очень серьезно. В рассказе говорится о молодой матери, которую муж просил никогда не давать их трехлетнему сыну жирной пищи. Как-то после особенно тяжелого дня мать уступила непрерывным просьбам ребенка и позволила съесть еду с ее тарелки. Той же ночью ребенок тяжело заболел и чуть не умер. Мать осознала, что недостаток самодисциплины и супружеской покорности чуть не привел к трагедии²¹. Воздержание за столом обеспечивало здоровье и демонстрировало сильный характер, а обо всей семье судили по поведению младших детей.

Традиционные высокие стульчики поднимали маленького ребенка на уровень обеденного стола. До 1830 года стульчики почти не использовали, но за 20 последующих лет они появились во многих американских домах. На стуле перед малышом, которому еще только предстояло научиться самодисциплине, крепился лоток. Этот лоток (или столик,

как его сначала называли) не только обеспечивал безопасность сидящего на стуле ребенка, но и служил барьером между малышом и обеденным столом, Сидя в стульчике, ребенок мог дотянуться только до тех вещей, которые взрослые раскладывали перед ним на лотке. В 1870 году *The Furniture Gazette* («Мебельная газета») рекламировала высокий стульчик с лотком в качестве предмета, «замечательно регулирующего поведение за столом»²². Ребенок, сидящий на расстоянии от обеденного стола, не демонстрировал плохие манеры, во всяком случае, у него не было возможности это сделать. Он не мог хватать то, что ему нравилось, нарушать четкий порядок блюд и приборов, пачкать липкими пальцами белые скатерти. Коль скоро природа ребенка еще не была полностью под контролем, ее следовало хотя бы ограничить и изолировать.

В последней четверти XIX столетия в магазинных каталогах и рекламе появились два варианта высоких стульчиков. Один из них, с прилагаемым лотком, назывался «высоким стулом» или «детским высоким стулом». Другой, обычно больше первого и без лотка, называли «отроческим стулом», «отроческим креслом для стола», «стулом в половину высоты»²³. Первый тип предназначался для младенцев, которые еще не освоили обеденное искусство и которых надо было держать в сторонке, чтобы сохранить достоинство семейной трапезы, второй — для подросших детей, которые могли правильно вести себя за столом, но для которых обычные стулья были пока слишком низкими. Отроческие стулья оставались в столовой, а детские стульчики переносили и в другие части дома. Высокий стульчик со столиком отделял младенцев от большого стола, а со временем стало вообще непонятно, зачем малышам есть вместе со всей остальной семьей. Действительно, ведь матери было проще покормить младенца до того, как вся семья сядет обедать, так чтобы и самой спокойно поесть,

не отвлекаясь на ребенка. Постепенно высокий стульчик переместился на кухню во многих домах, где не было слуг, или в детскую в тех семьях, где нанимали няню. Младенцы, которых держали в полном неведении относительно взрослых лакомств, оставались, по-видимому, вполне довольными детской пищей. Дети, которых кормили до семейного обеда, не могли нарушить семейную трапезу. В некоторых домах маленькие дети присоединялись к семье, только когда настолько подрастали, что могли сидеть на отроческом стуле. Но даже его некоторые дети стыдились: уж слишком он напоминал младенческую мебель. Элеонор Халлоуэл Эббот запомнила День благодарения, когда ей было около четырех лет: «Внезапно освобожденная от невыразимого позора высокого стульчика и поднятая с помощью толстеного Вебстеровского словаря на высоту, которую можно было назвать по крайней мере высотой тел старших членов моей семьи, я почувствовала себя в первый и последний раз в моей жизни абсолютно равной среди равных»²⁴.

Многим матерям высокий стульчик служил удобной «нянькой», безопасным местом для игр малыша. Но ребенок, сидя в стульчике почти без движения, неизбежно начинал скучать. Матери старались развлечь его, предлагая поиграть с такими простыми предметами, как деревянные ложки, кольца для прорезывания зубов, соединенные вместе пустые деревянные катушки. Все эти сокровища привязывались к подлокотникам стульчика, так чтобы дети, отбросив игрушки, снова могли их найти. Некоторые производители старались делать упор на второе — игровое — использование стульчика, изготавливая модели, которые трансформировались в складывающиеся детские стулья на колесах, качалки и другие предметы, занимающие детей и как бы присматривающие за ними.

И все же главной задачей качелей, прыгунков, высокого стульчика было держать ребенка на одном месте и в безо-

пасности. Ползать и ходить по викторианскому дому было рискованно: ребенок мог схватиться за стол или рояль, каминную доску, покрытую висящими ламбрекенами и шторами, с многочисленными коллекциями стекла, керамики, специально подобранных предметов искусства, и опрокинуть ценные безделушки, что повлекло бы плачевные последствия и для него, и для них. Матери викторианской эпохи равно старались сохранить дом в безопасности от ребенка и ребенка — в безопасности от всего, что находилось в доме. Выход они нашли в том, чтобы с помощью специальной мебели обезопасить маленьких детей в то время, когда за ними нельзя было постоянно наблюдать.

Идеальным способом защитить дом и ребенка друг от друга было предоставить детям собственное безопасное пространство. Специальные детские комнаты появились в некоторых домах в начале XIX столетия, а в течение века получили всеобщее одобрение и признание. Раньше младенцы делили комнату с сестрами и братьями, со слугами и, достаточно часто, с родителями. Спальни предназначались именно для сна, и дети не чувствовали, что эти комнаты принадлежат им; они даже почти не бывали там днем. Дети проводили много времени — вместе с матерью и другими родственницами или гостями — в комнате матери («хозяйская спальня» — нововведение XX столетия). Там дети читали, шили, играли в тихие игры, болтали. Распорядок дня Гарриет Маниголт из Филадельфии был достаточно типичным для начала XIX века. В возрасте 19 лет она каждое утро проводила за чтением, переводила с французского, занималась музыкой. После прогулки по зале «мамочка была обычно готова... к тому, чтобы собрать нас в своей комнате» на полуденное чтение и шитье²⁵.

Постепенно использование домашнего пространства менялось. В больших и маленьких городах стало «немаловажно иметь хорошо устроенную детскую», в которой дети

спали, играли, временами ели, а матери за ними присматривали²⁶. В 1849 году один автор придумал женский персонаж, которому «настолько не по-светски нравилось общество ее мужа, что она лишь с огромным трудом терпела одиночество детской в течение тех часов, пока он был занят»²⁷.

Детские комнаты были все еще очень простыми. В 1848 году некая мать жаловалась, что «помещение для детей слишком часто — одно из самых неудобных во всем доме: либо сырая темная часть подвала, либо узкая комнатка» наверху в задней части дома²⁸. Кэтрин Хейвенз раздражало, когда в 1849 году в ее доме в Нью-Йорке чужие люди, идя к задней двери, «время от времени заглядывали через окно в подвал, который был моей детской»²⁹. Более обычной была детская Элизы Риджли в Балтиморе: в свои 12 лет она делила комнату на третьем этаже с братом Чарльзом, маленькой сестрой Юлией, няней, а иногда еще и с кузеном Николасом. Большую часть времени ее детская использовалась просто как спальня. Хотя изредка дети там играли, но в плохую погоду они играли также в зале, на пороге дома, а по воскресеньям — в тихие игры в гостиной. Большинство домашних игр происходило на чердаке³⁰. Люси Ларком была согласна с тем, что «чердак был детским замком», а Эдвард Хейл вспоминал, что «главная часть самого верхнего помещения под крышей типа мансарды — мы называли его чердаком — в каждом доме, где бы мы ни жили, была предоставлена нам, мальчикам»³¹. Просторные, незаконченные чердачные помещения становились игровыми комнатами детей. Специальные комнаты, спланированные и обставленные для игр, не были распространены вплоть до конца XIX века.

«Предметы обстановки [в детской] должны быть многочисленны и просты», — убеждал читателей доктор Джон Брайт из Кентукки, выражая общее мнение специалистов по данному вопросу. В детской комнате допускались

очень простые коврики и занавески, несколько кресел, незамысловатые кровати и «шкаф или шифоньерка, можно и то и другое, для [детской] одежды»³². До самого конца XIX столетия в детскую не проникала мебель, специально созданная для того, чтобы помогать матерям в их ежедневной заботе о младенцах. Только затем матери начали делать или покупать особые корзины для детской, чтобы держать там пудру, мыло, губку, гребень, щетку, безопасные булавки, шпильки и другие предметы детского туалета. Большинство таких корзиночек были обычными плетеными, но к некоторым приделывались «подставки для того, чтобы иметь возможность поднимать туалетный короб на необходимую высоту»³³. Специальных столов для переодевания или купания младенцев в XIX веке не было. В XIX столетии медики стали убеждать матерей, что пеленки необходимо менять сразу же, как только младенец их намочит или испачкает. На вопрос: «Можно ли использовать второй раз пеленки без стирки, если они лишь намочены?» Эммет Холт дает стандартный ответ: «Без сомнения, лучше всегда использовать свежие пеленки, но нет серьезных препятствий и к использованию их дважды, если только кожа не натерта»³⁴. Вплоть до конца Первой мировой войны пеленки не стирали каждый раз после того, как младенец их намочил или испачкал. Появление к середине XIX века в продаже изделий из резины привнесло в детскую несколько новых вещей. Резиновые простынки для детской защитили младенческие кровати, а резиновые фартуки для перевозки сохраняли младенцев сухими во время прогулок. Резиновые кольца для прорезывания зубов вытеснили прежние кораллы с колокольчиками, а прорезиненные штаны были удобнее и практичнее тяжелых ватных штанов с начесом, которые плохо поглощали и не удерживали влагу. Для детской, вероятно, наиболее значительным нововведением была резиновая соска, которую крепили на стеклянной бутылке, чтобы накормить младенцев. Раньше

дети довольствовались неподатливыми оловянными сосками или керамическими лодочками для сосания, вливающими тонкую струйку в маленький ротик. Сосать резиновые соски было удобнее и естественнее. Сначала был распространен следующий вариант соски: плоская стеклянная бутылочка с присоединенной к ней длинной резиновой трубкой, заканчивающейся соской. Матери ставили бутылку рядом с младенцем, а тот держал конец соски и питался в свое удовольствие. К сожалению, длинные резиновые трубки было невозможно тщательно промыть, они оказывались рассадниками бактерий и серьезной угрозой здоровью детей³⁵. Только в самом конце XIX века матери получили наконец безопасную альтернативу грудному вскармливанию: появилась пастеризация молока, а также короткие резиновые соски, которые могли выдерживать необходимую для их стерилизации высокую температуру.

Наиболее важной частью детской комнаты была кровать. Детские кровати XIX столетия очень отличались от конструкций предыдущих веков. Godey's Lady's Magazine отмечал в 1856 году, что происходит настоящая революция спальной мебели для детей: «Нет ничего, что изменилось бы больше в последние годы, чем устройства для детского сна». В «прежние времена деревянная колыбель... считалась столь же необходимой частью домашнего хозяйства, как стол или кровать... ныне в очень многих городских детских от нее отказались, а дети с самого рождения привыкают спать в кроватках без всякого ужасного раскачивания... каковое, как представляется, производило серьезный беспорядок в младенческих мозгах наших дедушек». Новые кроватки для детей были плоскими и простыми, временами из дерева, но чаще из покрашенного белой краской металла. Детская не была комнатой, открытой для посторонних, в ней не предполагалось принимать гостей. Это помещение считалось временным, оно суще-

ствовало только до тех пор, пока самый младший из детей не подрастал. Поэтому большинство родителей не видели особого смысла тратиться на обстановку детской. Детские кровати делались без украшений, функциональными и дешевыми. В каталоге Sears, Roebuck за 1897 год их цена колеблется между 1 долларом 40 центами и 8 долларами 75 центами. После Гражданской войны детская кровать в Америке полностью вытеснила колыбель — в 1890 году под недвусмысленным заголовком «Колыбель больше не существует» утверждалось, что «классическая колыбель сегодня стала вещью совершенно неизвестной. Пойдите в мебельный магазин и спросите у них колыбель. Вам покажут лишь детские кровати, детские коляски, гамаки и плетеные переносные колыбели с поднятым верхом»³⁶. На самом деле американские фабрики, конечно, продолжали производить ограниченное число колыбелей (и производят до сих пор), но детская кровать стала тогда самой распространенной спальней мебелью для младенцев в Америке и сохраняет первенство и в наши дни³⁷. У колыбели, передавшей свою основную функцию детской кровати, появилась новая функция, уже менее материальная, идеотехническая. Начиная со столетнего юбилея Соединенных Штатов в 1876 году у американцев развился новый интерес к своему колониальному прошлому, которое уже казалось отдаленным и славным. Американцы занялись составлением генеалогий, историй городов, начали собирать старинные вещи. Впавшая в немилость колыбель вошла в число предметов, воспринимаемых как символ американского простого, бедного, доиндустриального прошлого, наряду с открытым очагом, прядильным колесом и старым дубовым ведром. В течение XIX века изменяющиеся социальные условия привнесли в повседневную жизнь резкие перемены, новые и часто тревожные. Семьи чувствовали, что их разъединяют силы, которые им не подвластны. Все больше

мужчин каждое утро уходили на работу. Старшие дети посещали школу, а младшие оставались в детской на верхних этажах. Даже женщины реже бывали дома, выходя за покупками или занимаясь общественными делами. Старые предметы стали символами идиллического прошлого, когда вся семья жила и работала вместе, в гармонии, при свете теплого домашнего очага. Многие ораторы, писатели, иллюстраторы конца XIX века создали и поддерживали удобный миф о том, что вещи на самом деле не так уж изменились, что викторианский младенец все еще спит в колыбели у камелька. Иллюзия преемственного постоянства помогала смягчать тревогу, которая сопровождала быстрые социальные изменения. Еще долго после того, как в США перестали использовать колыбель, американцы продолжали держаться за ее образ из-за связанной с ней идиллической картины³⁸.

Первоначально детские кроватки конструировались таким образом, чтобы их можно было «устанавливать на ночь рядом со спящей матерью; с этой целью высота кроватки должна была соответствовать высоте большой кровати взрослого человека, а одна из ее боковых стенок — делаться так, чтобы ее можно было приподнимать»³⁹. Благодаря такому устройству матери стало проще заботиться о младенце и кормить его, не вытаскивая из кроватки. Кроме того, в отдельной кроватке ребенок находился в большей безопасности: во взрослой кровати мать или кормилица могли его придавить. К середине XIX века и специалисты в области ухода за детьми, и обычные родители высказывались не только за отдельную кроватку, но и за отдельную комнату даже для новорожденных, которые с первых дней спали теперь в детской, столь же простой и функциональной, как и их белые металлические кроватки⁴⁰.

Родители полагали, что изолированная и контролируемая среда детской защищает чистую природу ребенка,

обеспечивает ему хорошее самочувствие, предоставляет замкнутую территорию, на которой он может обучаться самодисциплине и общепринятым правилам поведения. «В значительной мере именно в детской формируется привычка к раннему или позднему вставанию, — наставительно замечал видный филладельфийский врач в 1832 году. — Это дело большой важности, и в нем следует соблюдать наибольшую формальность»⁴¹. Спустя 40 лет с этим утверждением полностью соглашался Орсон Фаулер: «Должна быть честно и во всем соблюдаемая регулярность. Детей следует быстро купать в один и тот же час... укладывать спать через строго размеренные интервалы и кормить по часам»⁴². Кэтрин Бичер соглашалась с ним, советуя матерям и служанкам укладывать детей в кровати по расписанию, независимо от того, будут они там спать или нет, так как необходимо «внедрять постоянство в их привычки, которое предохраняет от затруднений». Она продолжала: «При подобной регулярности ребенок может поначалу много кричать и плакать, но для здорового ребенка такое использование легких полезно — оно скорее укрепит их, чем причинит вред»⁴³. Бичер утверждала, что ребенок скоро привыкнет лежать или сидеть в кровати большую часть времени, освобождая мать для других дел. Приучить ребенка к режиму дня было очень полезным в индустриальном мире, который ценил пунктуальность и с уважением относился к четким расписаниям.

Детская кровать делалась так, чтобы протестующий против обучения дисциплине и хорошим манерам ребенок не вылезал из нее. Ножки и боковины были высокими, особенно по сравнению с прежними низенькими кроватями, которые поднимались над полом всего лишь на несколько сантиметров и задвигались под кровати взрослых. Размеры новых кроваток в ширину и длину варьировались от 0,7–1 м до 0,9–1,5 м. Этого хватало не только для того, чтобы младенец мог сунуть ногами и ползать в кровати, — в ней умещался

даже четырехлетний ребенок. Как и прыгунки, кровать могла ограничивать в пространстве маленьких детей, пока они не усвоят тонкостей самодисциплины. В 1901 году компания Асте рекламировала «защищенную от любых случайностей детскую кровать» с очень высокими боковинами и частой вертикальной решеткой; из нее не могли выбраться не только младенцы, но и дети постарше⁴⁴. Конечно, решительные дети выбирались из кровати, если им этого очень хотелось. Важно, что детская кровать была нацелена на то, чтобы охранять детей даже против их желания.

В XVIII веке врачи рекомендовали укладывать малых детей вместе со старшими братьями и сестрами или «имеющимися в доме благоразумным слугой либо служанкой»⁴⁵. Однако в XIX столетии авторитеты в области ухода за детьми все более убеждались в том, что детям следует спать отдельно. В 1832 году один врач считал, что, «если это практически осуществимо, детям следовало бы спать в отдельных кроватях, и сии кровати должны быть достаточно просторными, поскольку весьма велика вероятность причинения вреда, если дети во время сна мешают друг другу; точно так же весьма нескромно сгущивать вместе детей противоположного пола»⁴⁶. Кэтрин Бичер тоже считала, что мать и ребенок должны спать каждый в своей кровати. Доктор Брайт неохотно соглашался, чтобы «не более двух» подростков делили одну кровать, но только пока в ней будет достаточно места, чтобы они могли не касаться друг друга⁴⁷. В самом конце XIX века в популярном руководстве по уходу за детьми задавался вопрос: «Следует ли маленькому ребенку спать в одной кровати с матерью или няней?» Ответ давался следующий: «Если этого можно хоть как-то избежать, то ни при каких условиях. Даже более старшие дети не должны спать вместе»⁴⁸. Описания того, как обустраивать детскую, уже основывались на предположении, что каждый маленький ребенок спит в отдельной кровати⁴⁹.

В идеале, как только дети подрастали, они переезжали в собственные комнаты. По-видимому, это был именно американский обычай, поскольку в большинстве европейских культур возможность предоставить каждому ребенку собственную комнату не рассматривалась. Уильям Олкот писал в 1839 году: «В соответствующем возрасте ребенок может быть переведен из детской в отдельную спальню. В ней, если позволяют обстоятельства, ему следует спать одному»⁵⁰. С этим соглашался спустя почти 50 лет Уолтер Хаутон: «Там, где ваше жилище позволит это сделать, предоставляйте каждому ребенку собственную комнату, которая будет только его; либо, если у вас несколько детей, выделяйте одну комнату двум братьям или двум сестрам, и пусть они отвечают за ее внешний вид»⁵¹. «По мере того, как дети вырастают и им предоставляются отдельные спальни», их комнаты следует обставлять и украшать в соответствии с их полом и интересами, вторили Хаутону в 1897 году Эдит Уортон и Огден Кодмен⁵². Наиболее пламенным защитником идеи «каждому ребенку — собственную комнату» являлся Орсон Фаулер. Он писал: «На самом деле особенно важно, чтобы ребенок и все члены семьи имели каждый собственную комнату, предназначенную исключительно для него или для нее. <...> Для ребенка первостепенно спать самому по себе, как для здоровья, так и для того, чтобы не набраться чего-либо дурного от других детей»⁵³. Специалисты и родители полагали, что те дети, которым предоставлены собственные комнаты, будут лучше учиться, ни на что не отвлекаясь, больше гордиться своей комнатой, поскольку она принадлежит только им, следить за тем, чтобы она была чистой и уютной, высоко ценить это личное пространство, в котором можно встречаться и играть с друзьями. Но была и вторая причина, озвученная Фаулером («чтобы не набраться чего-либо дурного от других детей»), которая задевала за живое многих родителей, опасавшихся

именно этого. Поскольку общественное восприятие детей опиралось на веру в их абсолютную невинность, все, что подвергало риску эту чистоту, разрушало и образ ребенка. Потеря непорочности была ничем иным, как утратой детства, потерей великолепия юной привлекательности; ребенок, таким образом, лишался ранга существа, подающего большие надежды. Матери и отцы были одержимы навязчивой идеей защитить своих детей.

Взрослые всегда боялись того, что чистота детей может быть поругана: ведь родители считали, что в ребенке есть и более темная сторона. В 1849 году в *Godey's Lady's Magazine* Джон Нил предупреждал читателей, что детям присущи «все виды хитрости, пороков, коварства, кокетства и хвастовства, как и взрослым». Нил знал тех, кто проклинал детские слабости, которые порождались утратой невинности: «Если верна пословица “Ветка сгибается — все дерево склоняется”, то насколько должны вы [родители] за это отвечать?»⁵⁴ Кейт Сатерленд объясняла, что «все дети вообще рождаются с определенной склонностью к злу, которую наследуют от своих родителей»⁵⁵. Бог и природа предначертали каждому ребенку быть неиспорченным и чистым существом, но этому мешают пороки родителей, которые часто наследуются детьми или дурно на детей влияют. Значительная путаница по поводу культурной, инфекционной, генетической передачи чего-либо от родителей детям существовала даже в научных и медицинских кругах, а широкая публика вообще терялась во множестве теорий, публикуемых в популярных журналах. Считалось — и это подтверждалось специалистами, — что храбрость, музыкальный талант, естественная утонченность наследуются в той же степени, что и алкоголизм, сладострастность или сексуальная фригидность, лживость и умопомешательство; на потомство могут повлиять состояние физического и психологического здоровья родителей в момент зачатия, эмо-

циональный настрой матери в период беременности и даже юношеские добрачные излишества отца. В сочинении о браке, написанном Александром Уолкером в 1839 году, сообщается, что согласно «одному из недавно открытых законов природы... один из родителей дает потомку лоб, органы чувств» и пищеварение, «а другой родитель — затылок и мозг, или орган воли» вместе с общим обликом, телосложением и прочим. Поэтому не следовало вступать в брак, заранее не рассмотрев возможные наследственные сочетания. Уолкер, как и большинство его современников, принимал теорию о наследственности приобретенных черт, наблюдая заметную зависимость способностей детей к обучению от уровня образования родителей: «дети образованных родителей учатся легко», а «естественная глупость детей, рожденных необразованными родителями, вошла в половицы». Но с другой стороны, Уолкер предупреждал, что «постоянно и сильно думающие женщины, живущие умом, в большинстве случаев бесплодны... потому что направляют все свои силы на мозг и лишают половые органы их естественной энергии»⁵⁶. Таким образом, образованный отец положительно влиял на развитие ребенка, а образованная мать подвергала риску саму его жизнь. Уолкер создал многостраничные научные сочинения, в подробностях описывая опасности наследственности и убеждая своих читателей в том, что родители напрямую виновны во всех слабостях, недостатках и пороках детей.

Орсон Фаулер, знаменитый френолог, рассуждая о том, как формируется человек, подчеркивал преимущество приобретенных черт над врожденными. Согласно Фаулеру, все эмоции и мысли беременной женщины непосредственно сказываются на ее ребенке: «Ее временные состояния в течение беременности напрямую вписываются в изначальные умственные и физические свойства отпрыска». Отвращение женщины к половому акту в момент

зачатия, равно как и неумеренное удовольствие от него, а также ее опасения относительно приближающихся родовых мук — все это может проявиться в характере ребенка в преувеличенном виде. Даже если оба родителя совершенно здоровы и скрупулезно отслеживали свои действия, мысли, эмоции, они не могли полностью защитить от порчи своего еще неродившегося ребенка. Фаулер описывал случай, когда «два добродетельных родителя» произвели на свет ребенка-мулата. Уверенный в целомудрии своей жены, муж отправился в дом ее предков во Францию «и выяснил, что в пятом поколении до нее в семье был предок-африканец, но между ним и их ребенком ни в одном из поколений в этой семье ни один ребенок не был отмечен африканскими чертами». Без всякого предупреждения могло вновь и вновь проявиться любое влияние, склонность, повреждение или загрязнение, которые в течение поколений оставались скрытыми внутри организма семьи, внутри ее «природы»⁵⁷. Другой популярный авторитет в области наследственных механизмов повторил позицию Фаулера следующим образом: «Ни одна семейная кровь не является настолько благородной, чтобы ни в какой степени не быть поврежденной вследствие наследства от какого-либо неположительного предка, более или менее отдаленного от сегодняшнего времени... и неудача в обнаружении этого позволяет считать одного и того же человека либо дураком, либо полубогом». Любой ребенок рождается «со склонностями к добру и злу, здоровью и болезни, добродетели и пороку», предопределенными его родителями⁵⁸. По божественному замыслу, дети входят в этот мир неиспорченными, но слабости многих поколений мужчин и женщин неизбежным образом загрязняют еще нерожденного ребенка. Таким образом, любая неудача ребенка автоматически обращала всеобщие взоры на его семью. Как утверждал Фаулер, «вольно или невольно,

но вы виновны в появлении [у вашего ребенка] в будущем добродетелей или пороков, способностей или глупости, счастья или невзгод»⁵⁹. В XIX веке семья воспринимала себя тесным биологическим единством, суммой мыслей и действий всех ее членов. Эта сумма мыслей и действий постоянно влияла на будущее потомство. Мысли и действия членов семьи тесно связывали их воедино. Несовершенство или уродство всего лишь одного человека возвещали миру о тайной слабости, разделяемой всей семьей. Поэтому родители прятали на чердаках и в подвалах недоразвитых, уродливых, сумасшедших, ограниченных в физических возможностях детей, поскольку обнаружение ненормального ребенка могло, например, разрушить любые перспективы на женитьбу или замужество его нормальных братьев и сестер. Несовершенство одного ребенка становилось виной и стыдом всей семьи.

Многие ученые XIX столетия сомневались в будущем Америки. Они находили множество свидетельств того, что дети наследовали в основном пороки и несовершенства предыдущих поколений и значительно реже — положительные качества. Публиковались исследования за исследованием, которые показывали, что великие люди редко оставляли после себя великих сыновей, а слабые и испорченные люди обычно производили на свет отпрысков, зараженных пороком⁶⁰. Если из поколения в поколение человеческие пороки усиливались, то ужасная деградация всего человечества оказывалась неизбежной. Казалось, что в каждом поколении гениев и героев меньше, чем в предшествующем. «Весьма любопытен тот факт, — писал *Godey's Lady's Magazine*, — что в наше время не рождается ни одного из тех замечательных вундеркиндов, которыми было богато прошлое. Как представляется, одним из особенных дарований наших мудрых предков была способность производить этих чудомладенцев, выдающихся в обучении и науке, “восхититель-

ных Крайтонов”^{*} детской, которые учились еще в колыбели, а лекции читали уже из ходунков»⁶¹. Все хорошее виделось лишь в прошлом — и великие деяния, и даже великие дети.

Американцам казалось, что они проматывают свое драгоценное наследие. Ближе к концу века известный карикатурист Чарльз Дэйна Гибсон нарисовал цикл картинок, изображающих сильную, красивую юную американку, рожденную в здоровой семье американских пионеров, которая вышла замуж за дряхлого распутного старика ради богатства, социального положения, европейского титула. Подобные союзы, если верить рисункам Гибсона, были либо унылыми бездетными браками, либо давали большое, слабое потомство — недостойных наследников великого народа. Американцы пытались остановить моральный, физический, демографический упадок, который, по их опасениям, мог случиться в обозримом будущем. Они пытались создать преграду возможному упадку всеми средствами — от модных карикатур до кукольных игр, предназначенных для девочек.

Поскольку каждый взрослый наблюдал упадок в своей собственной жизни: из детства, полного обещаний, он скатывался в реальность взрослого состояния, — то в самой сути западного общества ему виделась деградация. Мужчины и женщины XIX столетия сопоставляли себя с более ранними поколениями и находили в себе массу недостатков по сравнению со своими предками. Теория упадка захватила и авторов, и читателей. Она появлялась и в научных статьях, и в художественной литературе — в романах Золя о семье Ругонов,

* «Восхитительный Крайтон» — нарицательное выражение, обозначающее человека, прославившегося уже в весьма раннем возрасте ученостью, умом, нравственным совершенством. Возникло в англоязычной культуре на основе образа шотландского путешественника и ученого Джеймса Крайтона (1560–1585), с детства обладавшего нравственностью, острым умом и ученостью.

в «Привидениях» Ибсена, в «Падении дома Ашеров» Эдгара По. В «Олдтаунских старожилах» Гарриет Бичер-Стоу (1869) молодой студент размышляет над «страшным законом жизни, по которому грехи родителей, которые сами по себе смогли в течение жизни избежать наказания, входят в головы невинных детей — закон, который, по-видимому, был создан специально, чтобы защитить существование порока и неурядиц на протяжении многих поколений»⁶².

Если американцы после революции смотрели вперед и видели там абсолютное совершенство всего человечества, а своих детей представляли частью движения к этому совершенству, то родители середины XIX века опасались накапливающегося гниения, которое их окружало, и прилагали все усилия, чтобы защитить собственных детей от его воздействия. Как и родители XVII века, они считали детей очень уязвимыми созданиями. Родители викторианской эпохи стремились сохранить естественную чистоту детей, считая при этом, что дети уже могли быть поражены наследственными слабостями или пороками. Таким образом, в Эдемском саду появился новый змей: хотя гораздо меньше людей верило, что умершие младенцы повинны в первородном грехе, многие все еще полагали, что дети несут в себе грехи отцов.

Однако существовала надежда, что дети смогут избежать неблагоприятного наследства. «Соучаствующим и жизненно важным для нас фактором является окружающая среда, так как она может поддерживать и потому укреплять наследственность», — писал доктор Д.К. Шут в *New England Medical Journal* («Медицинском журнале Новой Англии») в 1897 году. И далее: «Среда может даже направлять семейные черты в новое русло, исправлять злые качества или портить добрые»⁶³. Так что у родителей был шанс подавить слабости и взрастить добродетели, унаследованные ребенком, но им следовало как можно раньше приниматься за работу. Один

исследователь наследственности убеждал читателей: «Если ребенка с самых ранних лет ведут в правильном направлении, то успех морального и физического воспитания может быть достигнут с большей определенностью, а добродетели возьмут верх над его наследственными слабостями»⁶⁴. От слабохарактерности детей спасали наставления и дисциплина, а также заботливая защита от любого дурного влияния.

Считалось, что родители могут сделать очень многое для компенсации всех дурных воздействий на детей, и взрослые с сожалением и ужасом осознавали, что во всех недостатках детей повинны именно они. Поэтому взрослые стремились оградить детей от порочного мира. Внутри каждого юного доктора Джекила скрывался мистер Хайд, стремившийся вырваться наружу. Долгом родителей было следить за тем, чтобы такого не произошло. Неверное знание опасно; неведение являлось невинностью, а девственность — чистотой. За движением в защиту отдельных комнат для детей и индивидуальных кроватей для каждого ребенка скрывалась почти истерическая боязнь мастурбации. Казалось, что физические и умственные недостатки вызываются еще и плохим поведением. Помимо наследственности, родители видели причины недостатков детей в мастурбации. На ней сосредотачивались все их страхи за детей. Это помогало им перенаправить чувство собственной вины, беспомощности и гнева, вместе с мистером Хайдом давало возможность проклинать мир и бороться за детей. Дети были чисты и невинны, если не предавались этому тайному пороку; стоит пресечь эту практику, и дети будут спасены. Медики и педагоги предупреждали родителей, что мастурбация является причиной (или способствует развитию) более сотни «болезненных состояний», включая любые формы умопомешательства, эпилепсию, глазные болезни, астму, сердечные шумы, глухоту, прыщи и бородавки на руках⁶⁵. Считалось, что от продолжитель-

ной мастурбации ребенок может умереть «в исступлении и конвульсиях»⁶⁶. Доктора верили, что дети почти всегда узнают о мастурбации от кого-нибудь другого и что в наибольшей опасности они оказываются в собственных кроватях. «Школы [пансионеров] являются основными рассадниками этой обессиляющей прелести, — предупреждал Орсон Фаулер, — но ею также заражаются через слуг, родственников и других людей, с которыми [дети] спят вместе в одном помещении»⁶⁷.

Доктора объясняли природу зла и причины его распространения на непонятном врачебном языке, а многие другие специалисты в области ухода за детьми лишь деликатно намекали на корень порока. К примеру, в 1835 году Лидия Чайльд предупреждала родителей, что «плох тот план дома и жизни в нем, когда юные девочки спят вместе со служанками в детской, если только у вас нет абсолютной уверенности в добродетельности и скромности ваших домашних работниц», которые помимо всего склонны к «болтовне на запрещенные темы» и к другим низким действиям⁶⁸. В отличие от нее, Фаулер не смягчает ни слова, когда приводит многочисленные примеры потери невинности:

Священник и его жена привели свою возлюбленную восемнадцатилетнюю дочь, у которой еще не было признаков женскости, чтобы определить, почему она столь слаба в учебе, — ведь они мечтали видеть ее учительницей. Услышав, что она «с детства занимается мастурбацией», они были сначала смущены, а потом пришли в ярость. Когда воззвали к дочери, чтобы узнать правду, она честно призналась, что ее научила девушка, которая прислуживала в их доме до того, как дочери священника исполнилось шесть лет⁶⁹.

Пока служанка жила в их доме, она спала в одной кровати с маленькой девочкой. В другой типичной истории на

ту же тему старшие братья или сестры учили мастурбации младших. Чтобы защитить детей, их следовало отделять от взрослых, слуг и друг от друга. Родители викторианской эпохи опасались мастурбации как страшного порока, незаметно подкрадывающегося, смертоносного, неумолимого и очень распространенного зла. По утверждениям Фаулера, он знал мальчиков, практикующих мастурбацию с шести лет, и девочек, начавших заниматься ею в четыре года⁷⁰. Э. Холт вопрошал в 1894 году: «Каковы наиболее распространенные у детей скверные привычки?» И сам отвечал: «Сосание пальцев, обкусывание ногтей, недержание мочи (энурез) и мастурбация»⁷¹. Немецкий врач Оскар Бергер заявлял в 1876 году, что «99 % молодых мужчин и женщин мастурбируют, а оставшийся 1 % скрывает правду». Доктор Д. Таунсенд в докладе «Трение бедер у детей до одного года», представленном в 1896 году в Американском обществе детских врачей, утверждал, что здоровые младенцы мастурбируют⁷². В безопасности не был ни один ребенок. Все врачи утверждали, что порок этот очень распространен и все дети заражены им в той или иной степени, но никогда не комментировали привычки и обычаи собственной юности. Данная проблема всегда представлялась новой эпидемией.

Противостоять пороку мастурбации можно было только путем изоляции от любого потенциального источника заражения. Очень маленькие дети могли жить в одной комнате, но спать должны были в отдельных кроватках, а если у них была няня, то ей следовало спать в отведенной именно ей комнате. Каждому подростку ребенку рекомендовали выделять отдельную комнату. Кроме того, отрокам и отроковицам «не следовало позволять оставаться в постели дольше необходимого»⁷³. Около 1850 года на американском рынке появляется первая «ночная одежда с нижней частью». Названная в народе одеждой доктора Дентона

(«дентоновкой»), по имени наиболее яркого ее защитника и пропагандиста, новая пижама лучше, чем традиционная ночная рубашка, защищала ребенка и от простуды, и от случайного либо намеренного сексуального возбуждения. «Дентоновка» часто использовалась в комплекте «с манжетами, чтобы заворачивать в них кисти рук и [завязывать] вытягивающимся вшитым шнурком». Такое приспособление отбивало не только желание сосать большой палец, но и стремление заняться мастурбацией⁷⁴.

Специалисты предупреждали о том, что ребенок может возбудиться и вне кровати. «Невежественные матери не знают, насколько ужасны те распространенные привычки, которым они учат поначалу с помощью щекотки», — предупреждал Александр Уолкер. Разрешение детям сидеть нога на ногу, на игрушечных лошадках, подпрыгивать на родительском колене — все это могло приводить к «вырождающей сексуальности, низводящей на более низкую ступень»⁷⁵. Мудрые родители заботились о том, чтобы их дети избегали жирной, пряной и острой пищи, мяса с кровью, чрезмерно теплых кроватей или спален; нечаянного возбуждения от одежды, игрушек, игр; близкого контакта со слугами или с уже «зараженными» мастурбацией детьми. Детская кроватка, высокий стул, хлебный пудинг, пижама с завязками были настоящим оружием, частью оборонительного арсенала, предназначенного для борьбы со скверной, идущей как от внешнего мира, так и от внутренней слабости самого ребенка. Родители викторианской эпохи опасались, что невинная природа детей и их будущее счастье находятся под смертельной угрозой.

Общая для всех мебель, использовавшаяся до 1750 года, выталкивала ребенка во взрослый мир, где его ждали контакты со взрослыми. Ночной сон в одной кровати вместе со старшими детьми и взрослыми, использование вожжей и ходунков, включавших младенцев во взрослые

виды деятельности, — эти и другие практики опирались на такую картину мира, в которой развитие от несовершенного младенца до цивилизованного взрослого представлялось естественным и желательным. Детская мебель викторианской эпохи, наоборот, удерживала ребенка внутри себя, изолировала его, пресекала контакты с посторонними людьми. Прыгунки или детские качели, высокий стульчик и детская кроватка держали детей на одном месте, не позволяя вырваться и двинуться навстречу опасностям окружающего мира. Изолированная детская комната являлась и убежищем, и местом ссылки.

МЕБЕЛЬ, ВЫСТАВЛЯЮЩАЯ НАПОКАЗ

Однако не вся детская мебель создавалась для того, чтобы оградить ребенка от внешнего мира. Детская кроватка, высокий стул, качели защищали детей; такие предметы, как плетеная колыбель с поднятым верхом и детская коляска, усиливали идеальный образ младенческой чистоты.

Плетеная корзинка с матрасиком первоначально служила переносной кроватью. «Она очень удобна для переноски и может быть установлена на столе, диване или кровати, взята в повозку либо без большого неудобства помещена на колени»⁷⁶. Время от времени о переносной корзинке упоминалось в американской периодике, но она никогда не стала по-настоящему популярной в Соединенных Штатах. Американцы предпочитали более сложный вариант «из прикрепленных к прочному плетеному пьедесталу прутьев, имеющий возвышающийся над всем сооружением прут для крепления балдахина-полога». Большая часть корзины и ее подставки пряталась под набрасываемым сверху многослойным покрывом, украшенным фестонами с лентами, тесьмой, кружевами, гирляндами, оборками (илл. 23). Конечным результатом была не передвижная кровать, а сложный парадный «экипаж», в котором ново-

рожденного младенца могли демонстрировать друзьям и родственникам.

Плетеная колыбель обычно располагалась в хозяйской спальне, гостиной или любом другом месте, где молодая мать принимала гостей. Семьи, которые хотели показывать молодого наследника не просто в парадной, а в роскошной обстановке, приобретали сложные деревянные подвесные колыбели (или качающиеся детские кроватки), которые крепились к деревянной раме. Младенцев представляли миру в шикарной покачивающейся колыбели из орехового дерева или в плетеной корзинке с оборками, а затем переносили в обычную недорогую, но функциональную детскую кроватку, расположенную в отдаленной детской. Своим внешним видом, дороговизной, церемониальной природой корзинка явно напоминала пышное белое свадебное платье, которое получило распространение примерно в то же время. И белое платье, и белая кроватка являлись священными предметами, которые использовались в течение кратких ритуальных церемоний, освящающих создание семьи и торжественно отмечающих тот факт, что ее сила и крепость заключены в невинности и чистоте, в девственности невесты и невинности младенца.

Наиболее дорогим и самым парадным предметом детской обстановки в конце XIX столетия была детская коляска, которая за десять с небольшим лет прошла длинный путь от весьма скромных первых моделей до чрезвычайно дорогого, перегруженного деталями предмета роскоши. До 1865 года лишь очень немногих младенцев вывозили на прогулку в детских колясках. Большинство детей носили на руках слуги или родственники⁷⁷. В 1853 году в заметке о последней детской моде описывалось «прогулочное платье младенца — если нам будет позволено такое выражение, поскольку эти крошечные существа до сих пор пребывают на руках у няни»⁷⁸. Как вспоминала одна женщина, даже

в 1870 году, во времена ее детства в Иллинойсе, детские коляски были большой редкостью. По ее словам, когда они всей семьей шли домой из церкви, «отец нес младенца: детскую коляску тогда еще не использовали»⁷⁹. В довоенной Америке колясок было очень мало, и они представляли собой простые деревянные повозки с прямыми жесткими деревянными сиденьями, таскаемые по ухабистым дорогам, — скромные приспособления, предназначавшиеся для того, чтобы вывезти ребенка на свежий воздух (или перевезти любой другой груз).

В 1857 году американский ландшафтный архитектор Фредерик Ло Олмстед начал сооружать в Нью-Йорке Центральный парк. Его проект с открытым лугом, аллеями, прудами, искусно соединенными мостиками изменил представление о привлекательности и красоте центра американского города. К концу века уже многие большие и маленькие американские города обзавелись парками, подражающими нью-йоркскому. В то же время расширение улиц, идущих от городских центров к окраинам, дало толчок развитию новых пригородов, где перед каждым домом была лужайка, а ветвистые вязы и вымощенные тротуары обозначали улицы⁸⁰. В такой приятной обстановке американцы заново открыли для себя старую европейскую традицию прогулок. По субботним вечерам и воскресным дням семьи американцев прохаживались по улицам, паркам, кладбищам, чтобы насладиться видами и встретиться со знакомыми, «на других посмотреть и себя показать». Природу сделали аккуратной, тротуары — ровными, и выгуливать младенцев стали по-новому. Появились и детские коляски. Никогда не бывшая предметом, созданным только ради удобства ребенка, коляска стала своеобразной витриной, в которой выставляли младенца. В течение 1870-х годов простая детская повозка уступила место богато украшенной дорогой коляске. По общепринятому мнению, коляска была

необходима каждой викторианской семье, которая хотела выглядеть изящно и модно.

Сложные детские коляски начали появляться в конце 1860-х годов (илл. 24). Их делали из кожи и ткани, стилизовали под коляски для взрослых — фаэтоны, а также легкие двухместные экипажи разных видов. Как и экипаж для взрослых, детские коляски сначала тянули за деревянную оглоблю, прикрепленную спереди. А в 1870-е годы коляски уже толкали. В это же время коляска становится значительно более сложной, более похожей на взрослые и более дорогой. Это изменение можно видеть в каталоге 1868 года компании «Братья Колби» из Уотербери, штат Вермонт. В нем представлены модели от двухколесной повозки с деревянным корпусом и дышлом за 8 долларов 50 центов до четырехколесной, подвешенной на рессорах коляски с откидным кожаным верхом, украшением из серебряных пластин и масляными боковыми габаритными лампами, ценой 52 доллара. Показательно, что более сложные модели надо было толкать перед собой, выставяя их напоказ, а дешевые — тянуть. Постепенно из каталогов исчезали простые старые коляски, их место занимали коляски нового типа — «толкательного». В 1876 году в каталоге компании Whitney Carriage из Леоминстера, штат Массачусетс, перечислены 54 модели колясок; оптовые цены варьируются от 6 долларов 50 центов до 80 долларов. Широкий ассортимент и относительно высокие цены свидетельствуют о том, что родители викторианского времени придавали коляскам огромное значение: многим было очень важно, чтобы их видели с «правильной», достойной коляской. К примеру, в каталоге Sears, Roebuck за 1897 год указано всего 8 моделей детских кроватей, ценой от 1 доллара 40 центов до 8 долларов 75 центов, и 22 модели детских колясок, ценой от 2 долларов 45 центов до 33 долларов. В XIX веке родители готовы были тратить на детскую коляску гораздо

больше денег, чем на детскую кроватку, которую запрягивали в дальней детской комнате. Коляска была публичной и церемониальной, ее выставляли напоказ и любовались ею, а также находящимся в ней младенцем.

В 1881 году каталог компании Peabody and Whitney из Бостона демонстрирует второе существенное изменение: коляски перестали имитировать взрослые экипажи — у них появился свой собственный облик. Половина из 28 указанных колясок сделаны наподобие взрослых экипажей, а половина представляет собой новые плетеные модели, которые назывались «гостиными колясками», поскольку годились как для улицы, так и для дома. Переходный период завершился в начале 1890-х годов: каталоги Montgomery Ward за 1893 год, Sears, Roebuck за 1897 и 1902 годы, компании Асме за 1901 год уже не предлагают ни одной коляски, сделанной наподобие взрослой, — на их страницах только коляски с плетеным остовом. В конце XIX века детскую коляску считают настолько важным публичным предметом, что покрывают ее самыми фантастическими и сложными украшениями, орнаментами и другим убранством, какое только можно было придумать (илл. 25). Названия, заимствованные у взрослых экипажей, больше не используются применительно к детским коляскам.

К 1890-м годам все детские коляски, за исключением самых дешевых, оснастили шелковыми зонтиками от солнца, а большую часть колясок делали с плюшевой обивкой, брюссельскими ковриками (имеющими особую бархатистую поверхность, достигаемую своеобразным видом плетения), металлическими колесами. Типичной детской коляской рубежа XIX–XX веков являлась модель, значившаяся под номером 257 в каталоге компании Whitney Carriage: лакированный тростниковый корпус покрыт змеевидным орнаментом; обивка сделана из шелковистой атласной ткани красновато-кирпичного цвета с толстым

ворсом; атласный зонтик от солнца украшен кружевными оборками; на колесах — резиновые покрышки; шестерни, оси и рессоры покрыты эмалью. Большинство сложных и дорогих деталей ребенку были совсем не нужны. Младенцу могли приносить удобство пружинные рессоры, обивка, тень от зонта, но то, что подчеркнуто в рекламе, не имеет никакого отношения к удобству, а относится к внешнему виду данной вещи. В каталоге Montgomery Ward за 1893 год предлагается 40 вариантов детских колясок по цене от 1 доллара 35 центов до 27 долларов. Все коляски, кроме самой дешевой, снабжены зонтиками от солнца, и все зонтики, кроме самого дешевого, с кружевами. Однако только на дорогих моделях, стоимостью от 10 долларов 80 центов, имеются рессоры. При выборе коляски смотрели на изящные металлические колеса, брюссельские коврики, кружева, зонтики от солнца, а не на подвеску. Красота коляски стояла на первом месте.

Детскую коляску рассматривали, ею восхищались, восхищаться должны были и ее пассажиром, которого выкатывали в гостиную для встречи посетителей либо выгуливали в парке воскресным днем. Младенец был основным символом семьи, важнейшим результатом «культы домашней жизни», центром семейных и социальных ожиданий. Детскую коляску конструировали таким образом, чтобы обращать внимание окружающих на того, кто в ней находился, показывать ребенка с наилучшей стороны, как яркую драгоценность на темном бархате в ювелирном магазине. Большинство детских колясок обивали тканью цветов, символизировавших роскошь: ярко-красного, темно-вишневого, бронзового, кобальтового, изумрудно-зеленого. Подобные цвета составляли замечательный контраст с белизной младенческой одежды. Детские коляски, как правило, были достаточно просторными, и дети в них казались еще миниатюрнее и изысканнее, чем на самом деле.

Коляски были идеальным приспособлением, не позволявшим детям вести себя плохо, пока на них смотрят. Детей радовала езда, им интересно было смотреть по сторонам, а корпус коляски и ремень безопасности, который появился около 1880 года, защищали ребенка от падений и опасностей окружающего мира. Викторианские коляски обычно изготавливались таких размеров, что в них вполне мог находиться не только младенец, но и ребенок 5–6 лет. «На вырост» делали многие вещи: и детские качели, и высокие стульчики, и кровати. Многие модели колясок, обычно называвшиеся прогулочными, позволяли ребенку ехать сидя, как юный паша, плывущий на скакуне над толпой. Езда в коляске пресекала любое нежелательное поведение и в то же время подчеркивала привлекательность и невинность ребенка, играя на сентиментальных ожиданиях общества викторианской эпохи. Подобно хорошо продуманной театральной постановке, детская коляска приковывала внимание зрителей к фигуре в центре сцены.

После Первой мировой войны викторианская любовь к пышности и сентиментальности вышла из моды, и коляски стали гораздо проще. Все еще плетеные или кожаные, они потеряли свой вычурный облик, ворсистую обивку, бархатные коврики и зонтики для защиты от солнца. В то же время значительно больше внимания стало уделяться защите младенца от дождя и качеству подвески. Производители также развернули коляску на 180 градусов. Теперь ребенок смотрел на мать, которая толкала коляску (илл. 26), а от посторонних взглядов его скрывал поднятый верх коляски. Заботиться стали об успокаивающем визуальном контакте матери и ребенка, а не о том, чтобы продемонстрировать младенца всему миру.

Поскольку считалось, что пара становится семьей только с момента рождения ребенка, младенец в вик-

торианской семье выполнял важные идеотехнические функции: узаконивал союз своих родителей, делал его осмысленным, укреплял социальное положение матери, ее власть и повышал ее самооценку. В известной мере создание идеального и сентиментального образа материнства происходило именно из-за представления общества о тесной связи матери с невинностью детского состояния, о матери, порождающей эту невинность. Для многих родителей дети были на первом месте как в личной жизни, так и в социальной. Один из таких родителей писал в 1869 году: «Единственным неразрушенным тронem сегодня является колыбель. Мой король Филипп — несвергаемый монарх на материнской груди»⁸¹. Взрослым теперь нравилось, что младенцы управляли и распоряжались ими. Если в первой половине XIX века ребенка называли «преlestным котенком», «домашним любимцем», «ягненком», «цыпленком», то во второй половине XIX столетия — «королем», «маленьким императором», «l'enfant terrible», «маленьким тираном»⁸². «В нашем доме есть император — император Фрэнк Первый. Он правит всеми нами, однако совсем не железной дубинкой... Императору Фрэнку еще нет и полутора лет... и он держит нас в подчинении с помощью улыбок»⁸³. В XVII столетии родители управляли детьми, в конце XIX века родители превратили детей в объект страсти, командующий взрослыми. Детям колониальных времен приходилось стараться вести себя по-взрослому. Детям XIX века приходилось соответствовать идеальному образу херувимчика, а если у ребенка не получалось быть ангелом, запятнанной оказывалась не только его репутация, но и его родителей, да и всей семьи в целом. Вина родителей заключалась в том, что они передали ребенку порок по наследству, либо в том, что не уберегли от чужого дурного влияния. Во всех неудачах детей были виноваты родители. К сожалению, младенцы вели себя особенно

безответственно и неприлично. Родители XVII века использовали одежду и мебель, чтобы втиснуть детей в идеальный образ взрослого и выпустить в мир. Родители XIX века использовали одежду и мебель, чтобы втиснуть детей в идеальный образ ребенка и защитить их от контактов с миром.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Родители не просто растят своих детей — они формируют их, точнее, воспринимают существующие в культуре представления о природе детей и их потребностях, а затем лезут из кожи вон, чтобы привести свое потомство в соответствие с эталоном. Родители одевают детей согласно той роли, которая от них ожидается: они могут выбрать одежду, которая будет поощрять желаемое поведение детей и ограничивать недопустимое. Они используют домашнюю обстановку и специальные приспособления, чтобы принудить или поощрить детей вести себя в соответствии с принятыми стандартами. При смене стандартов от старых вещей отказываются и заменяют их новыми, которые лучше выражают новые представления о детях или заставляют детей действовать по новым правилам. Со времени основания европейских колоний и до начала XX столетия подобные серьезные изменения произошли в Америке по крайней мере дважды. Процесс был долгим и постепенным. Некоторые социальные группы изменялись медленнее, чем другие, однако выделить, хотя бы приблизительно, разные эпохи детства все же возможно: они характеризуются разными костюмами, мебелью, игрушками, книгами и другими

предметами, используемыми в воспитании детей. Первое изменение произошло в последней четверти XVIII столетия, второе — во второй четверти XIX. Таким образом, до начала XX столетия мы видим три разных подхода к воспитанию детей американского среднего класса.

Жизнь американских детей в эпоху колонизации (от заселения континента европейцами до войны за независимость) была опасной. В конце XVII столетия Коттон Мейтер, богослов из Новой Англии, обзавелся, с божьего благословения, большим семейством. Его первая жена, почившая в возрасте тридцати шести лет, родила ему десятирых детей. Его вторая жена принесла ему еще шестерых детей, а третья жена уже вышла из детородного возраста, когда сочеталась браком с Мейтером. Он с любовью писал о своих детях в дневнике: рассказывал об их проделках, успехах в занятиях, прогрессе в религиозном воспитании, своих волнениях по поводу детей. Он также писал о своей печали и чувстве утраты, когда кто-нибудь из его детей умирал. Десять умерли, не дожив до пяти лет — девять на первом году жизни и один в возрасте четырех лет. Три дочери и сын умерли, едва им исполнилось двадцать. Подводя итог, мы видим, что Коттон Мейтер, достигнув возраста 64 лет, похоронил четырнадцать из своих шестнадцати детей. По демографическим параметрам семейство Мейтера не является типичным семейством колонистов, да и вообще трудно назвать «типично колонистской» какую бы то ни было семью. Тем не менее размер семьи Мейтера и продолжительность жизни ее членов были довольно обычными в Новой Англии XVII века. Этот пример помогает понять образ мыслей американских родителей в колониальную эпоху. Первые пять лет жизни ребенка были самыми опасными. Дети умирали в утробе матери, при родах, вскоре после рождения, а также впоследствии от детских болезней, несчастных случаев, недостаточного питания.

Если мальчик не умирал в течение первых пяти лет, у него был хороший шанс дожить здоровым до старости, за исключением, конечно, несчастных случаев, — сын Мейтера, которому был 21 год, погиб в море. Девочки, выжившие в младенчестве, сталкивались со вторым и намного более долгим периодом уязвимости, который начинался при достижении детородного возраста. Мейтер потерял двух жен и трех дочерей по причине беременности¹.

Младенчество было столь опасным периодом жизни, что к нему относились с подозрением, даже считали его болезнью (таким же образом в первой половине XX столетия понималась и беременность). В течение первых нескольких месяцев младенцы нуждались в постоянной защите от света и сквозняков, в лекарствах и укрепляющих средствах, а затем их следовало как можно быстрее «вытолкнуть» из младенчества. Взрослея, ребенок становился сильнее и самостоятельнее и мог позаботиться о себе.

Взрослые в колониальный период не оглядывались на собственное детство, а смотрели вперед на самый важный возраст жизни который приходился на 40–50 лет. Именно тогда, если жизнь сложилась благополучно, люди могли наконец-то насладиться уважением, комфортом и безопасностью, ради которых так много работали всю молодость. Женщинам становилось намного легче жить, как только заканчивались годы деторождения, а дети требовали меньше внимания и сами начинали помогать родителям. Как указывал Дэвид Хакетт Фишер в своей книге «Старение в Америке», колонисты восхищались человеком в зрелом возрасте. Джентльмены отращивали животик, посыпали волосы пудрой модного седого цвета. Зрелых мужчин и женщин почитали, их достижениям завидовали. В испытаниях юности, наоборот, не видели ничего заслуживающего внимания, а к младенчеству относились самым пренебрежительным образом².

Любящие родители хотели защитить детей от опасностей и бедствий младенчества, видеть их уверенно прокладывающими себе дорогу в этом мире. Родителям нравились приспособления, которые ускоряли вхождение ребенка в большой мир, устройства, которые ставили младенцев на ноги и обучали ходить как можно раньше. Независимость и самостоятельность младенцев считались полезными и для самих детей, и для их переутомленных родителей.

Марта Кастис родила четырех детей и похоронила двух, прежде чем вышла замуж за Джорджа Вашингтона. Годы спустя она растила двух маленьких внуков. К тому времени, однако, мир изменился. В последние десятилетия XVIII столетия и в первые десятилетия XIX века росла вера в рациональность природы и в способность всех детенышей, включая человеческих, взрастать естественным образом, если ничто не вмешивается в этот процесс. Если младенец умирал, родители все чаще видели причину в чрезмерном внимании к нему. Считалось, что дети болеют, потому что родители ослабили их, обращаясь с ними как с больными. Матери и отцы отвергали ограничивающие ребенка устройства, которыми пользовались предыдущие поколения: свивальники, стульчики для стояния и крошечные корсеты. Если прежде младенчество рассматривалось как своего рода болезнь, теперь оно обещало крепкое здоровье. Детям полагалось быть нестесненными, неукутанными и неизнеженными. Легкая одежда, тонкие одеяла и холодные ванны должны были обеспечить здоровье и счастье следующих поколений.

Хотя те же изменения происходили в Англии и отчасти в континентальной Европе, именно в Америке детство приобрело особое значение. Американцы эпохи революции и молодой республики привыкли к новой политической риторике, в которой Америка выступала как «колония-

дитя», или «юная страна», в противоположность властной «стране-матери» и старым европейским монархиям, в будущее которых не верили, поскольку преимущество отдавалось молодости и энергии. Мужская мода соответствовала изменяющемуся политическому климату. С 1760-х годов мужской силуэт стал юным, атлетическим; одежда теперь в большей степени повторяла человеческую фигуру, а широкие полы сюртука превратились в узкие фалды. Постепенно мужчины отказались от париков и пудры. Весьма интересно посмотреть на расположенные в хронологическом порядке портреты, например, Томаса Джефферсона, которого в течение жизни рисовали несколько раз, и понаблюдать, как со временем он выглядит все более молодым, а седые напудренные волосы уступают место его собственным рыжим. Новое отношение к молодости не могло не улучшить образ юности и детства. Нельзя сказать, что раньше родители любили своих детей меньше, но теперь они стали лучше относиться к детству. У него появились свои достоинства.

Теперь детство представлялось не периодом уязвимости, а скорее временем необходимой подготовки к жизни, здоровым состоянием свободы перед наступлением ограничений цивилизации; родители научились восхищаться детской непосредственностью. Постепенно увеличилась продолжительность детства. Раньше взрослые хотели, чтобы дети поскорее проскочили детство, а теперь — чтобы их отпрыски получили от детства все и хорошо подготовились к роли граждан новой страны. Детство стало важной главой в развитии человека.

С 1830-х годов Godey's Lady's Magazine изобилует рассказами и стихами о родителях, оплакивающих смерть ребенка и находящих утешение в том, что малыш просто отозван обратно на небеса, где будет избавлен от тягот и зла земной жизни. Американцев XIX века волновала проблема утраты. Широко распространились картины траура,

трагические истории любви и идеи постепенного упадка человеческого рода. Детство, яркое и мимолетное, прекрасно укладывалось в эту романтическую картину; пока оно не закончилось, его надо было лелеять. Согласно новой схеме, зрелость была процессом развращения, и никто не выходил из него невредимым. Ценность детства возрастала: ведь это было время, свободное от вины, сожалений, забот. Родители старались создать для своих детей отдельный мир, далекий от суровой реальности взрослых.

В это же время детство приобрело почти священный характер. Дети считались чистыми и невинными существами, спустившимися с небес и не запятнанными мирской грязью. Потеря детской невинности сравнивалась с потерей девственности, а неизбежная утрата детства была своего рода изгнанием из райского сада.

Родительский долг состоял в том, чтобы защищать счастливую невинность детей. Чтобы дети не заразились пороками взрослых, родители старались максимально изолировать своих чад. Отдельная детская комната являлась в такой ситуации зоной безопасности. Появившиеся в обиходе высокие стульчики, прыгунки и прогулочные коляски отгораживали чистых детей от грязного мира. Свобода стала опасной. В XIX веке дети среднего класса были максимально ограничены в свободе, их отгораживали везде и от всего.

Во второй половине XX столетия все изменилось. Мы теперь не считаем, что детям лучше как можно дольше находиться в изоляции от окружающего мира, в беззаботности и невинности. Да такая изоляция сейчас просто невозможна. Нынешние родители больше похожи на родителей колониальной эпохи и видят своих отпрысков в окружении опасностей, от которых невозможно отгородиться. Родители редко бывают дома, набирает обороты торговля

наркотиками, появляются страшные новые болезни, на улицах к детям пристают педофилы — в этом мире невинность делает ребенка уязвимым. Ребенок, пребывающий в неведении, находится в опасности. Защищенный ребенок — снова тот, который может успешно существовать во взрослом мире.

Детям приходится быть искушенными и начеку, поэтому неудивительно, что они больше не носят одежду, подчеркивающую их нежный возраст, а, подобно детям колонистов, часто одеваются как маленькие взрослые. Мальчики второй половины XX века носят пиджаки с подплечниками, короткие жакеты со складками на талии или бедрах; они отказываются от детских игр значительно раньше, чем дети викторианской эпохи, лучше защищенные в психологическом плане. Возможно, викторианское детство окажется счастливой случайностью, клаустрофобской идиллией в более общей стратегии интегрирования детей в жизнь семьи и общества, а возможно, как раз детство эпохи постмодерна, с его легко проницаемой границей взрослого и детского миров, является отклонением. Пока слишком рано об этом говорить.

На протяжении всей нашей истории существовало множество вариаций внутри и вне каждой социальной концепции природы детства. В любую эпоху были родители, которые поступали совершенно не так, как подавляющее большинство. Для меня важно то, что первые 12 лет жизни воспринимаются и интерпретируются различными поколениями совершенно по-разному, как принципиально отличающиеся друг от друга, даже диаметрально противоположные модели. Детство — не неизменный природный феномен, но и не устойчивое поступательное движение от мрачного прошлого к просвещенному настоящему. Вопрос не в том, имелось или нет у конкретного общества в определенное время понятие детства. Гораздо интереснее

другое — что это было за понятие, какие преимущества и недостатки признавались за детством. Младенчество, с его очень специфичными потребностями, бесспорно существует как особый возраст. Созревание человека — длительный и постепенный процесс, продолжающийся после окончания младенчества. Понятие детства, однако, во многом является социальным конструктом, вновь разрабатываемым каждым обществом и поколением. А дети, в силу естественной податливости молодости, способны стать такими, какими хотят их видеть родители и общество в ту или иную историческую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Greven Ph.* Four Generations: Population, Land, and Family in Colonial Andover, Mass. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1970.
2. *Richards C.C.* Village Life in America. N.Y.: Henry Holt & Co., 1913.
3. *Bottome E.S., Cove E.J.* American Samplers. Boston: Massachusetts Society of Colonial Dames of America, 1921. P. 96.
4. *Ames K.* Material Culture as Verbal Communication: A Historical Case Study // Journal of American Culture. No. 3. Winter 1980. P. 619-641.
5. *Calvert K.* The Image of Childhood in America: 1670 to 1870. Неопубликованная магистерская диссертация.
6. I thank the goodness and the grace
That on my birth has smiled,
And made me, in these latter days,
A Happy English child (*Larcom L.* A New England Girlhood. 1889. Repr.: Boston: Houghton Mifflin, 1924. P. 118).
Перевод с английского Романа Фишмана. (Прим. ред.)
7. *Shorter E.* The Making of the Modern Family. L.: William Collins, 1976; *Hunt D.* Parents and Children in History: The Psychology of Family Life in Early Modern France. N.Y.: Basic Books, 1970; *deMause L. (ed.).* The History of Childhood. L.: Souvenir Press, 1976.

8. *Beales R. W.* In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // *American Quarterly*. No. 27. 1963. P. 379–398; *Smith D. B.* Inside the Great House: Planter Family Life in Eighteenth-Century Chesapeake Society. Charlottesville: University Press of Virginia, 1980.
9. *Pollock L.* Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1590 to 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 268.
10. *Demos J.* A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N.Y.: Oxford University Press, 1970.
11. *Zuckerman M.* Peaceable Kingdoms: New England Towns in the Eighteenth Century. N.Y.: Random House, 1970.
12. *Ariès Ph.* Centuries of Childhood. A Social History of Family Life. Translated by Robert Baldick. N.Y.: Vintage Books, 1962; *Hunt D.* Op. cit.

ГЛАВА 1

1. *Bagellardus P.* Ad Illustrissimum Principam Dominum Nicola. Padua, 1472. Переиздано в Лондоне в 1603 и 1642 годах. Цит. по: *Ruhrah J.* Pediatrics of the Past. P. 34; *Buchan W.* Advice to Mothers, on the Subject of Their Own Health; and of the Means of Promoting the Health, Strength, and Beauty of Their Offspring. Philadelphia, 1809. Цит. по: *The Physician and Child-Rearing*. 1972. P. 46.
2. *An American Matron.* The Maternal Physician: A Treatise on the Nurture and Management of Infants From Birth Until Two Years Old. 2d ed. Philadelphia: Clark & Roser, 1818. P. 132.
3. Например, на фотографиях, сделанных Джейкобом Рисом в съемных жилищах иммигрантов в Нью-Йорке в первые годы XX века, видны туго спеленутые младенцы.
4. *Bagellardus P.* Ad Illustrissimum Principam Dominum Nicola. Padua, 1472. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 34.
5. *Wurtz F.* An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts. L., 1656. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 211–215.
6. *Glisson F.* De Rachitide Sire Marbo Puerili. L., 1650. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 283.

7. Ричард Стил (Richard Steele, 1672–1729) — один из ведущих авторов журнала *Tatler*. См.: *Steele, Sir Richard. The Tatler*. L.: John Hopkins, 1710. P. 43.
8. Более подробную информацию о деторождении в описываемую эпоху см.: *Scholten C. Childbearing in American Society: 1650–1850*. N.Y.: New York University Press, 1985.
9. *Raleigh W. The History of the World in Five Books*. L.: T. Basset, 1694. P. 31. Подобный образ младенца можно найти и у Генри Каффа: *Cuff H. The Differences of the Ages of Man's Life: Together with the Original Causes, Progresse and End Thereof*. L.: T. Harper, 1640. P. 117–120.
10. *Metlinger B. Wann Noch Anschung Gotlicher und Menschlicher Ordnung*. Augsburg, 1473. Цит. по: *Ruhrah J. Op. cit.* P. 77.
11. *Hunt D. Op. cit.* P. 110.
12. *Mauriçeau F. Traite des Maladies des Femmes Grosses, et de Celles qui sont Nouvellement Accouchées*. P., 1675. Цит. по: *Hunt D. Op. cit.* P. 130.
13. *Lovejoy A.O. The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Rev. ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. (Рус. пер.: Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — Прим. перев.)
14. *Leclerc G.-L., Comte de Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière*. P., 1778. Цит. по: *Buchan W. Advice to Mothers, on the Subject of Their Own Health; and of the Means of Promoting the Health, Strength, and Beauty of Their Offspring*. Philadelphia, 1809. Это издание в свою очередь цит. по: *Rosenberg Ch.E. (ed.). The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809–1894*. N.Y.: Arno Press, 1972. P. 75.
15. *Spenser E. The Faerie Queene*. L.: H. Hills, 1678. Book 6. Canticle 4. Stanza 11.
16. Серьезное исследование образа дикаря в западной культуре выполнено Тимоти Хазбендом (*Husband T. The Wild Man: Medieval Myth and Symbolism*. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1980).

17. Цит. по: *Beales R.W.* In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // *American Quarterly*. No. 27. 1963.
18. *Husband T.* The Wild Man: Medieval Myth and Symbolism. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1980. P. 3.
19. *Raleigh W.* The History of the World in Five Books. L.: T. Basset, 1694. P. 31.
20. *Wurtz F.* An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts. L., 1656. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 202.
21. *Hoffer P.C., Hull N.E.H.* Murdering Mothers: Infanticide in England and New England. N.Y.: New York University Press, 1981; *Scholten C.* Childbearing in American Society: 1650–1850. N.Y.: New York University Press, 1985. P. 34.
22. Ibid. P. 202–212.
23. *Glisson F.* De Rachitide Sire Marbo Puerili. L., 1650. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 283.
24. Ibid.; *Metlinger B.* Wann Noch Anschung Gotlicher und Menschlicher Ordnung. Augsburg, 1473. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 77.
25. *Wurtz F.* An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts. L., 1656. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 205.
26. Ibid.
27. *Metlinger B.* Wann Noch Anschung Gotlicher und Menschlicher Ordnung. Augsburg, 1473. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 77.
28. *Glisson F.* De Rachitide Sire Marbo Puerili. L., 1650. Цит. по: *Ruhrah J.* Op. cit. P. 284.
29. Ibid. P. 284–288.
30. В коллекции Музея Виктории и Альберта есть пара корсетов на пластинах, сделанных для детей. Перечни приданого для новорожденных часто включали корсет. В 1698 году Мэри Трешер составила список необходимой младенцу одежды, который включил «восемь прекрасных длинных корсетов» (воспроизведен Памелой Клейберн в: *Clayburn P.* My Small Child Bed Lining [sic] // *Costume: The Journal of the Costume Society*. № 13.

1979. P. 38–40). Упоминание «пяти коротких корсетов» для ребенка появляется также в тексте 1718 года о «детских одеждах и посуде» в записках семьи Бруднелл (Brudenells of Deene. Ed. by J. Wake. London, 1953. P. 85). «Американская матрона» в «Лекаре для матерей» упоминает корсеты, которые носили дети во времена дедушек и бабушек автора, то есть в середине XVIII века (*An American Matron*. Op. cit. P. 132).
31. *Mauriçeau F. Traite des Maladies des Femmes Grosses, et de Celles qui sont Nouvellement Accouchées*. P., 1675. Цит. по: *Hunt D*. Op. cit. P. 130.
 32. *Buchan W. Advice to Mothers, on the Subject of Their Own Health; and of the Means of Promoting the Health, Strength, and Beauty of Their Offspring*. Philadelphia, 1809. Цит. по: *Rosenberg Ch.E.* (ed.). Op. cit. P. 75.
 33. *Alcott W. The Young Mother or Management of Children in Regard to Health*. Boston: George W. Light, 1839. P. 232.
 34. *Glisson F. De Rachitide Sire Marbo Puerili*. L., 1650. Цит. по: *Ruhrah J*. Op. cit. P. 273; *Wurtz F. An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts*. L., 1656. Цит. по: *Ruhrah J*. Op. cit. P. 219.
 35. Описания нескольких вариантов самодельных стульчиков для стояния появляются в энциклопедии по домашнему хозяйству начала XIX в. (*An Encyclopaedia of Cottage, Farm & Villa Architecture*. L.: A. Spottiswoode, 1839. P. 351). Приспособление для стоящего ребенка на стержне, прикрепляемом к полу и потолку, сохранилось в коллекции Кембриджского этнографического музея в Англии.
 36. *Wurtz F. An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts*. L., 1656. Цит. по: *Ruhrah J*. Op. cit. P. 219–220.
 37. *Illick J.E. Child-rearing in Seventeenth-Century England and America // The History of Childhood*. Edited by Lloyd deMause. L.: Souvenir Press, 1976; *Scholten C. Childbearing in American Society: 1650–1850*. N.Y.: New York University Press, 1985. P. 8–31.
 38. *Cadogan W. An Essay Upon Nursing and the Management of Children, From Their Birth to Three Years of Age*. L., 1769. Воспроизведено

в приложении к: *Buchan W. Advice to Mothers, on the Subject of Their Own Health; and of the Means of Promoting the Health, Strength, and Beauty of Their Offspring.* Philadelphia, 1809. Цит. по: *Rosenberg Ch.E. (ed.). Op. cit. P. 123–124.*

39. Ibid.
40. *Smith J.T. Nollekins and His Times.* L.: Windle, 1828. P. 9.
41. *Wurtz F. An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts.* L., 1656. Цит. по: *Ruhrhah J. Op. cit. P. 220.*
42. *An American Matron.* Op. cit. 132.
43. Обсуждение вопроса об устройстве мест для сна и о размещении спящих в структуре американского жилища периода колонизации см. в: *Fletcher D.H. Privacy in Colonial New England.* Charlottesville: University Press of Virginia, 1972.
44. Заверенные списки имущества, прилагаемые к завещанию Уолтера Смита, см. в: *Probale Inventory of Walter Smith, Calvert County, 1711.* Maryland Hall of Records, Inventories and Accounts. P. 50–52, 133–134.
45. *Bruce Ph.A. Economic History of Virginia in the Seventeenth Century.* N.Y.: Macmillan, 1896. P. 184.

ГЛАВА 2

1. Использование европейских гравюр американскими художниками очень подробно изучено в: *Belknap W.P., Jr. American Colonial Painting: Materials for a History.* Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1959. Количественное исследование детских портретов в Америке см.: *Calvert K. Children in American Portraiture, 1670 to 1810 // William and Mary Quarterly.* № 39. P. 33–63.
2. *Buck A. Dress in Eighteenth-Century England.* L.: B.T. Batsford, 1979; *Willett C., Cunningham F. A Picture History of English Costume.* L.: Vista Books, 1969. P. 59–90.
3. *Noyes N. Reasons Against Wearing Periwigs // Publications of the Colonial Society of Massachusetts.* № 20. 1971. P. 120–128.
4. Примеры портретов 1750–1770-х годов, на которых мальчики изображены в платьицах: «Чарльз Кохран» Джереми Тьюза

(ок. 1754, Мэриленд), Музей декоративных искусств раннего Юга, Уинстон-Салем, Северная Каролина; «Ребенок с игрушечной лошадкой» Чарльза Уилсона Пила (1768, Пенсильвания), Музей изобразительных искусств, Хьюстон, Техас. Примеры портретов маленьких девочек, нарисованных в те же 1750–1770-е годы: «Миссис Пери с дочерью Анной» Джона Волластона (ок. 1758, Пенсильвания), Музей искусств в Филадельфии; «Сара Уайт» Джереми Тьюза (1753, Мэриленд), коллекция миссис Джон Кэмпбелл Уайт; «Две сестры Кристофера Гора» Джона Синглтона Копли (ок. 1755, Массачусетс), мемориал Гора, Уолтэм, Массачусетс; «Мэри и Элизабет Ройал» Джона Синглтона Копли (1758, Массачусетс), Музей изобразительных искусств в Бостоне; «Кэтрин Бикман» Джона Дьюранда (ок. 1768, Нью-Йорк), Нью-Йоркское историческое общество, Нью-Йорк, Ассоциация семьи Бикман; «Пегги Уорнер» Джереми Тьюза (ок. 1750, Южная Каролина), Тельфэйрская академия искусств и наук, Саванна, Джорджия; «Четверо детей губернатора Солтонстола» Джозефа Блэкберна (1762, Коннектикут), Историческое общество Нью-Хэйвена, Нью-Хэйвен, Коннектикут.

5. Примеры портретов девочек периода до 1750 года: «Алиса Мейсон» неизвестного художника (1670, Массачусетс), национальный исторический заповедник Эдамс, Брейнтри, Массачусетс; «Элизабет Эггингтон» неизвестного художника (ок. 1680, Коннектикут), Уодзуэрт Атенеум, Хартфорд, Коннектикут; «Маргарет Гиббс» неизвестного художника (1670, Массачусетс), собрание миссис Алекзандер Кворриер Смит; «Кристина Тэн Брук» неизвестного художника (1720, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество, Балтимор; «Девочка из семьи Скойлер» неизвестного художника (ок. 1730, Нью Йорк), собрание миссис У. Лиланд Томпсон; «Джоанна и Элизабет Перкинс», приписывается Джону Смайберту (1749, Массачусетс), собрание Пола М. Хэмлина; «Кэтрин Ван Альстин» неизвестного художника (1732,

Нью-Йорк), Институт истории и искусства в Олбани, штат Нью-Йорк.

6. Среди других портретов юных мальчиков в платьицах, написанных до 1750 года, следующие: «Генри Гиббс» неизвестного художника (1670, Массачусетс), коллекция миссис Дэвид М. Гилтман; «Дети семейства Барклай» неизвестного художника (ок. 1700, Нью-Йорк), собрание Тэна Эйка Пауэлла; «Ребенок Фрэнков», ошибочно атрибутированный ранее как «Элизабет Фрэнк», Юстуса Кюна (ок. 1710, Мэриленд), Художественный центр в Милуоки, Висконсин; «Игнатий Диггс» Кюна (1710, Мэриленд), собрание Филипа Кэррола; Фрэнсис Беркли на картине «Декан Беркли и его окружение» Джона Смайберта (1730, Массачусетс), художественная галерея Йельского университета, Нью-Хэйвен, Коннектикут; «Миссис Мэн Пейг с сыном» неизвестного художника (ок. 1745, Вирджиния), Колледж Уильяма и Мэри, Уильямсберг, Вирджиния; «Мэн Пейг» Чарльза Бриджа (ок. 1738, Вирджиния), Колледж Уильяма и Мэри, Уильямсберг, Вирджиния.
7. Другие примеры мальчиков, одетых на портретах до 1750 года в такое платье: «Мальчик с олененком» неизвестного художника (ок. 1700, Нью-Йорк), собрание Эдгара Уильяма и Бернис Крайслер Гарбиш; «Дети семейства Барклай» неизвестного художника (ок. 1700, Нью-Йорк), собрание Тэна Эйка Пауэлла; «Томас Лодж» Фредерика Телшоу (1745, Нью-Йорк), Нью-Йоркское историческое общество.
8. *Ariès P. Centuries of Childhood. A Social History of Family Life. Tr. by Robert Baldick. New York: Vintage Books, 1962. P. 55–60.*
9. Различия между взрослым и юношей умело показаны на традиционных документальных источниках Россом Билзом: *Beales R. W., Jr. In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // American Quarterly. № 27. 1963. P. 379–398.*
10. Портреты мальчиков в бриджах, но держащих что-то женское или детское, выполненные до 1750 года, включают в себя такие произведения неизвестных художников, как «По де Венделер» —

с цветами (ок. 1725, Нью-Йорк), Институт истории и искусства в Олбани, Нью-Йорк; «Эдвард Жаклен» — с домашними животными и соответствующей драпировкой (ок. 1722, Вирджиния), Вирджинский музей изобразительных искусств, Ричмонд; «Джонатан Бенем» — с домашним животным и цветком (ок. 1710, место неизвестно), собрание Гарбиш; «Эдвард Броднекс» — с домашним животным (ок. 1720, Массачусетс), Вирджинский музей изобразительных искусств; «Мэтью Тэн Эйк» — с цветком (1733, Нью-Йорк), собрание миссис Фрэнк Х. Новачек; «Адам Вини» — с плодом (ок. 1710, Нью-Йорк), Винтертурский музей, Винтертур, Делавер; «Джон Ван Кортланд» — с домашним животным (ок. 1730, Нью-Йорк), Бруклинский музей, Нью-Йорк; «Два мальчика с домашними животными» — домашние любимцы, плоды, цветы (ок. 1730, место неизвестно), собрание Гарбиш.

11. Описание кукольного города «Монплезир», созданного в 1716 году и хранящегося в музее в Арнштадте, см.: *Fritsch K.E., Bachmann M. An Illustrated History of German Toys. N.Y.: Hastings House, 1978.*
12. *Уильям Шекспир.* Сон в летнюю ночь. V.I.3: «Я никогда не мог поверить античным басням и волшебным сказкам (fairy toys)». *Джон Милтон.* Потерянный рай, XV. 1034: «Так он сказал, и не воздержался ни от быстрого взгляда, ни от игрушки любовного намерения, воспринятого Евою вполне». *Епископ Роберт Сандерсон.* Works of Robert Sanderson (L.: Joseph Richards, 1660): «Кому-то степенная павана, другому — подвижный галлиар, третьему — зажигательная игрушка, или джига». *Капитан Джон Смит.* Вирджиния. I.3: «Мы подарили ему различные безделицы, которые он с радостью принял».
13. *Sylvius F. Of Children's Diseases. L., 1682,* переиздано в: *Ruhrh J. Op. cit. P. 304–305.*
14. *Ibid. P. 310; также: Pernell R. A Treatise of the Deceases of Children. L.: F. Lagett, 1653,* воспроизведено в: *Ruhrh J. Op. cit. P. 293.*

15. *Phaer T. Boke of Children. L.: William How, 1584. Переиздано в: Ruhrah J. Op. cit. 1925. P. 174; также: Pernell. Diseases of Children. P. 293; Sylvius. Children's Diseases. P. 305.*
16. *Phaer. Boke of Children. P. 174.*
17. *Mergen B. Toys and American Culture: Objects as Hypotheses // American Culture. Vol. 3. No. 4. P. 743–751.*
18. В серии символов, изображавших в XVII веке четыре возраста человека, есть и такой, а под ним подпись: «plus ori les fouette mieux il vent», вся же серия называлась «De Tout Cote Peine». Она воспроизведена в: *Chew S.C. The Pilgrimage of Life. New Haven: Yale UP, 1962. P. 159.*
19. Портреты мальчиков с луком и стрелами, выполненные художниками из южных регионов Северной Америки, включают в себя, например, такие: «Мальчики из семьи Граймз» Чарльза Бриджеса (ок. 1735–1738, Вирджиния), частное собрание; «Джордж Бут» Уильяма Дерлинга (ок. 1740–1745, Вирджиния), Фонд колониального Уильямсберга, Уильямсберг. Вирджиния; «Генри Дернал» Юстуса Кюна (ок. 1710, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество, Балтимор.
20. *King C.E. The Collector's History of Dolls. N.Y.: Bonanza Books, 1977. P. 63–64.*
21. Б. Мерген подчеркивает, что взрослые делали игрушки для продажи другим взрослым (*Mergen B. Toys and American Culture: Objects as Hypotheses // American Culture. Vol. 3. No. 4. P. 743–751*).
22. *Wagner P. Literary Evidence of Sport in Colonial New England: The American Puritan Jeremiad // Stadion. № 2. 1976. P. 236.*
23. *Mather C. Being the Wonders of the Invisible World. L.: R. Brown, 1693. P. 35.*

ГЛАВА 3

1. Среди тех, кто внес вклад в формирование представления о логичной и упорядоченной вселенной, были Исаак Ньютон, Фрэнсис Бэкон, Рене Декарт, Карл Линней и Эдуард Гиббон (*Newton I. Philosophiae Naturalis Principia Mathematica. L.:*

- H. Woodfall, 1687; *Bacon F. Historia Naturalis*. L.: I. Hauiland, 1622; *Descartes R. Discourse on Method*. P.: Haefner, 1649; *Linnaeus K. von. Species Plantarum*. Laurentii Salvii, 1753; *Gibbon E. Decline and Fall of the Roman Empire*. L.: W. Strahan, 1790).
2. *Condorcet, Marquis de. Outline of an Historical View of the Progress of the Human Mind*. P., 1795. P. 367.
3. О серьезной дискуссии по поводу приобретаемых черт см.: *Zirkle C. The Early History of the Idea of Inheritance of Acquired Characteristics and Pangenesis* // *Transactions of the American Philosophical Society*. № 35, January 1946. P. 94–95.
4. *Ibid.* P. 105–123.
5. *Goldsmith O. The History of the Earth and Animal Nature*. 1774. Repr.: L.: T.J. Wilson, 1928. P. 234–235.
6. *Condorcet. Op.cit.* P. 114–115.
7. *Ibid.* P.115.
8. *Rousseau J.-J. Emile, or on Education*. 1st ed. 1762. Tr. by Barbara Fowley. L.: J.M. Dent, 1911. P. 10. (Цитаты из трактата «Эмиль, или О воспитании» приводятся по изданию: *Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1981. — Прим. перев.*)
9. Ссылки на Локка или заимствования из него появляются в таких книгах, как: *An American Matron*. Op. cit. *Anonym. Hints for the Improvement of Early Education and Nursery Discipline*. Philadelphia: John H. Putnam, 1826; *Hitchcock D.D. Memories of the Bloomsgrrove Family*. Boston: Thomas & Andrews, 1790; *Deweese W.P. A Treatise on the Physical and Medical Treatment of Children*. Philadelphia: Carey & Lea, 1832; *Eberle J. A Treatise on the Diseases and Physical Education of Children*. Cincinnati, Ohio: Corey and Fairbanks, 1834.
10. *Cadogan W. An Essay Upon Nursing and the Management of Children, From Their Birth to Three Years of Age*. L.: Robert Horsfield, 1769.
11. Среди опиравшихся на Бьюкана авторов были «Американская матрона» и неизвестный автор «Советов о том, как улучшить

раннее воспитание», Д. Хичкок и Дж. Эберле. См. прим. 9 к этой главе.

12. *Locke J. Some Thoughts Concerning Education. L., 1693; repr. N.Y.: P.F. Colier, 1910. P. 50.* (Цитаты из «Мыслей о воспитании» приводятся по изданию: *Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М., 1988. — Прим. перев.*)
13. *Hitchcock D.D. Memories of the Bloomsgrave Family. Boston: Thomas & Andrews, 1790. P. 83.*
14. *Rousseau J.-J. Op. cit. P. 6.*
15. *Rousell M. Life of Ch. de la Tremoille, Countess of Derby. L.: John D. Bates, 1905. P. 76; Wurtz F. An Experimental Treatise of Surgerie in Four Parts. L.: Gertrude Dawson, 1656. Цит. по: Ruhrah J. Op. cit. P. 212; Clayburn P. My Small Child Bed Linning [sic] // Costume: The Journal of the Costume Society. № 13, 1979. P. 38–40.*
16. *Locke J. Some Thoughts Concerning Education. L., 1693. Repr. N.Y.: P.F. Colier, 1910. P. 15–16.*
17. *Richardson S. Pamela: or Virtue Rewarded. L.: F.Newbury, 1769. P. 97.*
18. *Buchan W. Op. cit. P. 41–42.*
19. *American Matron. Op. cit. P. 132.*
20. *Buchan W. Op. cit. P. 48.*
21. *Ibid.*
22. *Porter A.E. Cousin Helen's Baby // Godey's Lady's Magazine. № 38, March 1849. P. 237.*
23. *Locke J. Op. cit. P. 10.*
24. *Ibid.*
25. *Cadogan W. Op. cit. P. 111.*
26. *Ibid.*
27. *Locke J. Op. cit. P. 20; Buchan W. Op. cit. P. 38–39; American Matron. Op. cit. P. 21.*
28. *Alcott W. The Young Mother or Management of Children in Regard to Health. Boston: George W.Light, 1839. P. 225.*
29. *Cadogan W. Op. cit. P. 124.*
30. *Buchan W. Op. cit. P. 71.*
31. *Ibid.*

32. Ibid. P. 71, 95.
33. *Alcott W.* Op. cit. P. 225.
34. Ibid. P. 36, 274; *Buchan W.* Op. cit. P. 35; *The Servant's Guide and Family Manual*. L.: John Lumbird, 1830. P. 119.
35. *Dewees W.* Op. cit. P. 108.
36. *Alcott W.* Op. cit. P. 108, 36.
37. Philip Vickers Fithian: *Journal and Letters, 1767–1774*. Ed. by J. Rogers. Williams. Princeton, N.J.: Princeton University Library, 1900. P. 129.
38. *Buchan W.* Op. cit. P. 35, 79–80.
39. *Manigault H.* *The Diary of Harriet Manigault, 1813–1816*. Rockland, Maine: Maine Coast Printers, 1976. P. 51.
40. Ibid. P. 79.
41. *Buchan W.* Op. cit. P. 69.
42. *Alcott W.* Op. cit. P. 232.
43. *American Matron*. Op. cit. P. 129.
44. Ibid. P. 128.
45. *Buchan W.* Op. cit. P. 70.
46. Ibid. P. 67–70.
47. *American Matron*. Op. cit. P. 129.
48. *Eberle J.* Op. cit. P. 59–60; *Buchan W.* Op. cit. P. 93–94.
49. *Fashions // Godey's Lady's Magazine*. № 74, March 1867. P. 271–272; *Some Italian Babies // Babyland*. № 9, September 1885. P. 76.
50. *Alcott W.* Op. cit. P. 336.
51. *Manigault H.* Op. cit. P. 117.
52. Ibid. P. 51.
53. *Channing E.* *The Life of William Ellery // The Library of American Biography: The Lives of William Pinkney, William Ellry, and Cotton Mather*. *Sparks J. (ed.)*. Boston: Hilliard, Gray, 1836. P. 89.
54. *American Matron*. Op. cit. P. 7.
55. *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 83.
56. *Cadogan W.* Op. cit. P. 120.
57. *Larcom L.* *A New England Girlhood*. 1889. Repr.: Boston: Houghton Mifflin, 1924. P. 199.

58. *Locke J.* Op. cit. P. 52.
59. *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 143.
60. Обсуждение неуклонного упадка и разрушения тесных социальных контактов между членами различных социоэкономических классов можно найти в работах П. Джонсона и С.Б. Уорнера: *Johnson P.E.* A Shopkeeper's Millennium: Society and Revivals in Rochester, New York, 1815–1837. N.Y.: Hill and Wang, 1978; *Warner S.B., Jr.* The Private City: Philadelphia in Three Periods of Its Growth. Philadelphia: UP of Pennsylvania, 1968.
61. *American Matron.* Op. cit. P. 158.
62. *Carter L.* The Diary of Colonel Landon Carter of Sabine Hall, 1752–1778. Vols. 1 and 2. Ed. by J. Green. Charlottesville: The UP of Virginia, 1965. Vol. 1. P. 511. Запись от 14 октября 1770 года. Д. Хичкок отмечал, что к 1790 году «сравнительно небольшое количество матерей» были настолько «неестественны», что игнорировали весьма реальные опасности, таящиеся в передаче ребенка в дом кормилицы. *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 81.
63. *Dewing, Mrs. T.W.* Beauty in the Household. N.Y.: Harper & Brothers, 1882. P. 166.
64. *Locke J.* Op. cit. P. 19–20.
65. *Porter A.E.* Cousin Helen's Baby // *Godey's Lady's Magazine.* № 38, March 1849. P. 237.
66. *Alcott W.* Op. cit. P. 227.
67. *Child L.* The American Frugal Housewife. Boston: Carter, Hendee & Co., 1835. P. 29; *An American Matron.* Op. cit. P. 148–149, 178–179, 206.

ГЛАВА 4

1. Игрушки и другие предметы из детского мира редки на английских портретах до 1750 года. Временами на портрете ребенка из аристократической или королевской семьи изображена игрушка, специальная детская мебель, причудливый костюм, но такие аномалии почти совсем не появлялись в провинциальных портретах и не отражали господствующего мнения относительно

принятого в обществе изображения детей. Американские портреты детей с игрушками в период с 1750 по 1770 год включают погремушку на картине «Миссис Перри с дочерью Анной» Джона Волластона (1758, Пенсильвания), Филадельфийский музей искусств; принадлежности для игры в волан на картине «Учитель Ханкок[?]» Джона Синглтона Копли (1758–1759, Массачусетс), собрание Фуллера; погремушку на картине «Двое детей» Джозефа Баджера (ок. 1752, Массачусетс), собрание народного искусства Аббатства Олдрича Рокфеллера, Уильямсберг, Вирджиния; принадлежности для игры в волан на картине «Джон Джой Младший» Джозефа Баджера (ок. 1758, Массачусетс), Институт Мансона-Уильямса-Проктора, Ютика, Нью-Йорк; кукла на картине «Ребекка Калверт» Волластона (1754, Мэриленд), Балтиморский художественный музей; игрушечный барабан на картине «Чарльз Калверт» Джона Хесселиуса (1761, Мэриленд), Балтиморский художественный музей.

2. *Locke J.* Op. cit. P. 120, 95.
3. *Cable M.* The Little Darlings: A History of Childrearing in America. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1975. P. 34.
4. *Ariès Ph.* Op. cit. P. 98–99.
5. *Larcom L.* Op. cit. P. 109.
6. *King C.E.* The Collector's History of Dolls. N.Y.: Bonanza Books, 1977. P. 89.
7. Ibid. P. 66; *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 146.
8. Philip Vickers Fithian: Journal and Letters... P. 251, 257.
9. Ibid. P. 145; *Mussey B. (ed.)*. Yankee Life by Those Who Lived It. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1947. P. 19; *Larcom L.* Op. cit. P. 109; *Kiefer M.M.* American Children through Their Books, 1700–1835. Philadelphia: UP of Pennsylvania, 1948. P. 203, 217.
10. Среди созданных после 1770 года портретов маленьких мальчиков в платьях: «Семья Джеймса Гиттингса» Чарльза Уилсона Пила (ок. 1773, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество; «Уильям Рандольф» Мэтью Пратта (1773, Вирджи-

ния), Фонд колониального Уильямсберга; «Миссис Ричард Тилгман с сыновьями» Ч.У. Пила (1789, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество; «Автопортрет художника с семьей» Джозефа Райта (1793, Пенсильвания), Пенсильванская академия изобразительных искусств; «Миссис Уильям Тейлор с сыном» Ральфа Эрла (1790, Коннектикут), Художественная галерея Олбрайта-Нокса, Буффало, Нью-Йорк; «Шарлотта Роуд и Моисей Браун» Джеймса Эрла (1795, Род-Айленд), собрание мистера и миссис Р.Х. Айвз-Годдард; «Фрэнсис О. Уоттс с птицей» Джона Брюстера Младшего (1805, Нью-Йорк или Новая Англия), Историческая ассоциация штата Нью-Йорк, Куперстаун.

11. *Locke J.* Op. cit. P. 16.
12. *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 86.
13. *The History of Little Goody Twoshoes.* L., 1765 (первая публикация в Америке — 1775). Repr. L.: G.K.Hall, 1969. P. 19.
14. *Neal J.* *The Early Years in Maine* // *Mussey B. (ed.).* Op. cit. P. 18.
15. Joy to Philip, he this day
Has his long coats cast away,
And (the childish season gone)
Put the manly breeches on.
Sashes, frocks, to those who need'em
Philip's limbs have got their freedom
(*Lamb Ch. [Mrs. Leicester, pseud.].* *Going into Britches* // *Mrs. Leicester's School.* L.: Juvenile Library, 1809. P. 21).
Перевод с английского Романа Фишмана. (*Прим. ред.*)
16. *Elizabeth Ham: 1783-1820.* L.: G. Brendon, 1945. P. 25.
17. *Buchan W.* Op. cit. P. 48.
18. *Larcom L.* Op. cit. P. 166.
19. *Ibid.* Глубокими фундаментальными исследованиями взросления женщин как процесса потери ими свободы могут быть названы работы Н. Котт и Э. Маклеод (*Cott N.F.* *The Bonds of Womanhood: "Women's Sphere" in New England, 1780-1835.* New Haven, Conn.: Yale UP, 1978; *MacLeod A.* *The Caddie Woodlawn*

Syndrome: American Girlhood in the Nineteenth Century // A Century of Childhood, 1820-1920. Rochester, N.Y.: Margaret Woodbury Strong Museum, 1984. P. 87-120.

20. Помимо Джона Смайберта, среди мастеров мы видим Джона Волластона, Роджера Блэкберна и Джона Гринвуда.
21. Существует несколько портретов дедушек и бабушек, равно как и внуков. Наиболее ярким исключением из принятых правил выступает «Портрет семьи Пил», созданный Чарльзом Уилсоном Пилом в 1773 году и хранящийся в Нью-Йоркском историческом обществе. На портрете изображены сам автор, его жена и дети, два его брата, мать и нянька-кормилица детей художника. Подобная большая группа вряд ли появилась бы на заказанном полотне вследствие значительного увеличения его стоимости при добавлении каждого нового портретируемого.
22. После 1770 года тесные взаимоотношения отца и сына-ребенка изображены на следующих картинах: «Семья Голдсмит» Чарльза Уилсона Пила (1789, Пенсильвания), Балтиморский художественный музей; «Семейный портрет» Ральфа Эрла (1804, Коннектикут), собрание Гарбиш; «Семья Коулден» неизвестного художника (1795, место неизвестно), собрание народного искусства Аббатства Олдрича Рокфеллера, Уильямсберг, Вирджиния. Портреты отцов с дочерьми детского возраста: «Павел Амвросий Оливер с дочерью» Джеймса Пила (ок. 1800, Пенсильвания), собрание миссис Элизабет Браунелл; «Семья Эдварда Ллойда» Ч.У. Пила (1771, Мэриленд), Винтертурский музей, Винтертур, Делавер. Пожалуй, лучшим исследованием, посвященным изображению отношений мужа и жены в портретной живописи рассматриваемого времени, может быть названа работа М. Ловелл (*Lovell M. Reading Eighteenth-Century American Family Portraits: Social Images and Self Images // Winterthur Quarterly. № 22, 1988. P. 243-264.*)
23. Другие портреты мальчиков в одежде переходного типа, сочетающей взрослые и детские элементы: «Г-н Стивен

Кроссфилд» Джозефа Баджера (1775, Коннектикут), художественный музей Метрополитен, Нью-Йорк; «Натаниэль Холи с семьей» Уильяма Уилки (1801, Нью-Йорк), Институт истории и искусства в Олбани, Нью-Йорк; «Даниэль Верпланк» Дж.С. Копли (1771, Массачусетс), художественный музей Метрополитен, Нью-Йорк; «Братья Джонсоны» Ч.У. Пила (ок. 1774, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество, Балтимор; «Джон Пейн» Уинтропа Чандлера (ок. 1780, Массачусетс), Ворчестерский художественный музей, Ворчестер, Массачусетс; «Миссис Исаак Хайт и Джеймс Мэдисон Хайт Младший» Ч.У. Пила (1799, Мэриленд), Мэрилендское историческое общество, Балтимор; «Уильям Карпентер» Ральфа Эрла (1779, Коннектикут), Ворчестерский художественный музей, Ворчестер, Массачусетс.

24. Примеры портретов дочерей в одежде переходного типа — «Феба Денисон» неизвестного художника (1792, место неизвестно), Национальная художественная галерея, Вашингтон, округ Колумбия; «Матильда Денисон» неизвестного художника (1792, место неизвестно), Собрание потомков.

ГЛАВА 5

1. How to Cut and Contrive Children's Clothes // *Godey's Lady's Magazine*. № 55, July 1857. P. 73; *The Nursery* // *Ibid*. № 49, October 1854. P. 381; *Alcott L.M. An Old-Fashioned Girl*. N.Y.: A.L. Burt, 1912. P. 209; *Roosevelt J.W. Hygiene in the Home* // *The House and Home*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1894. P. 284.
2. *Ridgely E. Journal of Eliza Ridgely of Hampton, Maryland, 1841–1842*. Waldron Phoenix Belknap Memorial Library. Winterthur Museum. Ph 1134. P. 3; *Reid F. Looking Backward Through Time* // *Wagenknecht E. (ed.). When I Was A Child*. N.Y.: E.P. Dutton, 1946. P. 403; *Merrifield, Mrs. Some Thoughts on Children's Dress* // *Godey's Lady's Magazine*. № 46. June 1853. P. 541.
3. *Richards C.C. Village Life in America*. N.Y.: Henry Holt & Co., 1913. P. 121.

4. *Holt E.L.* The Care and Feeding of Children. N.Y.: D. Appleton, 1894, переиздано в: *The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809–1894. Rosenberg Ch.E. (ed.).* N.Y.: Arno Press, 1972. P. 15–16.
5. *Fowler O.S.* Creative and Sexual Science: or Manhood, Womanhood, and Their Mutual Interrelations; Love, Its Laws, Powers, etc.; A Mutual Adaptation: Courtship, Married Life, and Perfect Children. Philadelphia: The National Publishing Co., 1870. P. 857.
6. Fashions // *Godey's Lady's Magazine.* № 41. July 1850. P. 54.
7. *Cunnington P. & Buck A.* Children's Costume in England: 1300 to 1900. N.Y.: Barnes & Noble, 1965. P. 172; Chitchat upon Philadelphia's Fashions for Juveniles // *Godey's Lady's Magazine.* № 48. February 1854. P. 283.
8. *Hutchinson S.* Letters of Sara Hutchinson. Ed. by K. Coburn. Toronto: UP of Toronto, 1954. P. 270.
9. Fashions // *Godey's Lady's Magazine.* № 53. July 1856. P. 256.
10. *Havens C.E.* Diary of a Little Girl in Old New York. N.Y.: Henry Collins Brown, 1920. P. 35.
11. *Cable M.* The Little Darlings: A History of Childrearing in America. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1975. P. 109; *Kiefer M.M.* American Children through Their Books, 1700-1835. Philadelphia: UP of Pennsylvania, 1948. P. 217.
12. *Child L.* The American Frugal Housewife. Boston: Carter, Hendee & Co., 1835. P. 88.
13. *Richards C.C.* Village Life in America. N.Y.: Henry Holt & Co., 1913. P. 107.
14. *Burnett F.H.* Little Lord Fauntleroy. Serialized in "St. Nicholas: An Illustrated Magazine for Young Folks". Vols. 12 and 13. 1886. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1889. Цитаты приводятся по изданию: *Бернетт Ф.Х.* Маленький лорд Фаунтлерой. Пер. Демуровой Н. М., 1992.
15. *Struve R.* The Domestic Education of Children. Philadelphia, 1802. P. 37.
16. *Stevenson R.L.* Dr. Jekyll and Mr. Hyde. L.: Collins, 1886; *Wilde O.* The Picture of Dorian Gray. L.: Ward & Locke, 1891; *Hawthorne N.*

- Young Goodman Brown // *New England Magazine*. April 1835;
Ibsen H. Peer Gynt. N.Y.: Blocks, 1902; *Brontë E.* Wuthering Heights.
L.: J. Wyndell, 1847.
17. *Hitchcock D.D.* Op. cit. P. 83.
18. Childhood // *Godey's Lady's Magazine*. № 4. June 1832. P. 268.
Подобные чувства и идеи можно было найти в десятках других
статей, например: *Children* // *Ibid.* № 58. December 1859.
P. 506; *Purity* // *Ibid.* № 35. September 1847. P. i; *To a Child
Dancing* // *Ibid.* № 28. January 1844. P. 1; *To a Child* // *Ibid.*
№ 32. January 1846. P. 4; *The Shadow of Children* // *Ibid.* № 54.
June 1857. P. 524; *Children* // *Ibid.* № 64. January 1862. P. 91;
Childhood // *Ibid.* № 21. December 1840. P. 280; да и во многих
других. Конечно, в середине XIX века *Godey's Lady's Magazine*
был наиболее популярным периодическим изданием для жен-
щин в Америке, но и в других журналах подобные статьи по-
являлись с завидной регулярностью, превознося святую при-
роду детского состояния.
19. *Wordsworth W.* Ode: Intimations of Immortality from Recollections
of Early Childhood // *The Literature of England. Anderson G.,
Buckler W.E. (ed.).* Glenview, Ill.: Scott, Foresman, 1966. P. 206.
20. *Emerson R.W.* Nature: Address and Lectures. Boston: Houghton,
Mifflin and Co., 1885. P. 14–15.
21. *Alcott A.B.* Conversations with Children on the Gospels // *The
Transcendentalists. Miller P. (ed.).* Cambridge, Mass.: Harvard UP,
1950. P. 152.
22. *McLanathan R.* The American Tradition in the Arts. N.Y.: Harcourt,
Brace & World, 1966. P. 246.
23. *To a Child* // *Godey's Lady's Magazine*. № 32. January 1846. P. 4.
24. Конечно, неизбежны были перерывы в появлении таких ста-
тей, были и публикации, в которых содержались возражения
против «засахаривания» отношения к детям. Среди наиболее
интересных: *A New Baby* // *Godey's Lady's Magazine*. № 58.
June 1859. P. 537–541; *Perkins P.* My Baby // *Ibid.* № 51. Novem-

- ber 1855. P. 404–407; Miss Prymm on Babies // Ibid. № 84. July 1872. P. 46.
25. The Shadow of Children // Godey's Lady's Magazine. № 54. June 1857. P. 524.
26. Children // Godey's Lady's Magazine. № 64. January 1862. P. 9; Childhood // Ibid. № 21. December 1840. P. 280.
27. Irving W. Diedrich Knickerbocker's History of New York. 1809. Repr. N.Y.: Heritage Press, 1940. P. 118.
28. Dickens Ch. Oliver Twist. 1838. Repr. Philadelphia: Henry Altemus, 1900; Stowe H.B. Uncle's Tom Cabin. L.: Clarke & Co., 1852.
29. Childhood // Godey's Lady's Magazine. № 4. June 1832. P. 268.
30. Children // Godey's Lady's Magazine. № 58. December 1859. P. 506.
31. Foley D. Christmas in the Good Old Days: A Victorian Album of Stories, Poems, and Pictures of the Personalities Who Rediscovered Christmas. Philadelphia: Chilton, 1961. P. 151; Diaz, Mrs. A.M. Willie Wee // Christmas Carols and Midsummer Songs by American Poets. Boston: D.Lothrop, 1881. P. 26–28.
32. Ashly R. The Idiot: A Psychological Story // Godey's Lady's Magazine. № 37. December 1848. P. 376–382.
33. Children // Godey's Lady's Magazine. 60, March 1860. P. 272.
34. What Happened to Benny // Babyland. № 5. 1881. P. 27.
35. Our Boys and Girls at Home: Stories and Poems and Pictures For Young Readers. N.Y.: W.B.Conkey, 1895. P. 10.
36. Clark L.G. Gossip About Children: In a Familiar Epistle to the Editor // Godey's Lady's Magazine. № 40. June 1850. P. 377.
37. Whitney, Mrs. A.D.T. Hitherto: A Story of Yesterdays. Boston: Loring, 1869. P. 67.
38. Ridgely E. Journal of Eliza Ridgely of Hampton, Maryland, 1841–1842. Waldron Phoenix Belknap Memorial Library. Winterthur Museum. Ph 1134. P. 27.
39. Havens C.E. Diary of a Little Girl in Old New York. N.Y.: Henry Collins Brown, 1920. P. 129.

40. *Playing Mother* // *Godey's Lady's Magazine*. № 40. June 1850. P. 304.
41. *Fowler O.S.* *Creative and Sexual Science: or Manhood, Womanhood, and Their Mutual Interrelations; Love, Its Laws, Powers, etc.; A Mutual Adaptation: Courtship, Married Life, and Perfect Children.* Philadelphia: The National Publishing Co., 1870. P. 859.
42. *Father A.* *The Play-house and Workshop.* N.Y.: Edward Kearney, 1839. P. 38–39.
43. *Larcom L.* *Op. cit.* P. 29.
44. *Ridgely E.* *Op. cit.* P. 24, 45–46; *Abbott E.H.* *Being Little in Cambridge* // *Wagenknecht E. (ed.). When I Was A Child.* N.Y.: E.P. Dutton, 1946. P. 169; *Chase M.E.* *The Lord's Day in the Nineties* // *Ibid.* P. 314.
45. *Sears, Roebuck Catalogue of 1897.* P. 143; *Montgomery Ward Catalogue: World's Fair Edition, 1893.* P. 476.
46. *Ellis H.* *Studies in the Psychology of Sex. Vol. 1. The Evolution of Modesty; The Phenomena of Sexual Periodicity.* Philadelphia: F.A. Davis, 1924. P. 174–178.
47. *Down L.* *Sexuality and Children* // *British Medical Journal.* January 1867. Цит. по: *Ellis H.* *Op. cit.* P. 175.
48. *Scott J.F.* *The Sexual Instinct: Its Use and Dangers as Affecting Heredity and Morals.* N.Y.: E.B. Treat, 1899. P. 64.
49. *Crowell T.R.* *Amusements of Worcester School Children* // *Pedagogical Seminary.* № 22. Spring 1899. P. 47.
50. *Mussey B. (ed.). Yankee Life by Those Who Lived It.* N.Y.: Alfred A. Knopf, 1947. P. 31–32.
51. *Havens C.E.* *Diary of a Little Girl in Old New York.* N.Y.: Henry Collins Brown, 1920. P. 62; *Richards C.C.* *Village Life in America.* N.Y.: Henry Holt & Co., 1913. P. 5, 24.
52. *Ridgely E.* *Op. cit.* P. 8, 11–14, 16, 18, 20–22, 26–27, 30, 39, 44, 45, 47.
53. *Richards C.C.* *Op. cit.* P. 8, 23, 33, 40, 47, 61, 77, 111; *Bailey J.M.* *The Danbury News* // *Mussey B. (ed.). Yankee Life by Those Who Lived It.* N.Y.: Alfred A. Knopf, 1947. P. 48–49.
54. Из личной беседы Говарда Вудмена (Гамильтон, штат Нью-Йорк) с автором; речь шла о детстве информанта, проходившем в 1890-е годы.

55. *Southern E.H. Me // Wagenknecht E. (ed.). When I Was A Child.* N.Y.: E.P.Dutton, 1946. P. 343.
56. Pictures to Draw // *Babyland.* 5, October 1881. P. 4; The Little Recruit // *Nursery.* № 21. April 1877. P. 107. Другие примеры: Jinx's Wheelbarrow // *Nursery.* № 18. June 1875. P. 179; The Little Hands // *Godey's Lady's Magazine.* № 62. April 1861. P. 439; *Frost S.A. Dolly: A Christmas Story // Godey's Lady's Magazine.* № 77. December 1868. P. 529.
57. *Rousseau J.-J.* Op. cit. P. 202.
58. *Mergen B. Toys and American Culture: Objects as Hypotheses // American Culture.* Vol. 3. No. 4. P. 743–751.
59. *Child L. The Mother's Book.* Boston: Carter & Hendee, 1831. P. 57; Little Girls // *Godey's Lady's Magazine.* № 63. December 1861. P. 533; *Fowler O.S. Creative and Sexual Science: or Manhood, Womanhood, and Their Mutual Interrelations; Love, Its Laws, Powers, etc.; A Mutual Adaptation: Courtship, Married Life, and Perfect Children.* Philadelphia: The National Publishing Co., 1870. P. 859.
60. *Holt E.L. The Care and Feeding of Children.* N.Y.: D. Appleton, 1894, переиздано в: *The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809-1894. Rosenberg Ch.E. (ed.).* N.Y.: Arno Press, 1972. P. 749.
61. *Kiefer M.M. American Children through Their Books, 1700–1835.* Philadelphia: UP of Pennsylvania, 1948. P. 191–200; *Wiggin K.D. The Training of Children // The House and Home.* N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1894. P. 327.

ПЛАТБА 6

1. *Harcourt, Mrs. C. Good Form for Women.* Philadelphia: John C. Winston, 1907. P. 83.
2. *Beecher C.E. A Treatise on Domestic Economy.* N.Y.: Harper & Bros., 1848. P. 233.
3. *Panton J.E. From Kitchen to Garret.* L.: Ward & Downey, 1893. P. 231.
4. *Fowler O.S. Creative and Sexual Science: or Manhood, Womanhood, and Their Mutual Interrelations; Love, Its Laws, Powers, etc.;*

- A Mutual Adaptation: Courtship, Married Life, and Perfect Children. Philadelphia: The National Publishing Co., 1870. P. 844.
5. *Child L.* The American Frugal Housewife. Boston: Carter, Hendee & Co., 1835. P. 100–101.
 6. *Dewing, Mrs. T.W.* Beauty in the Household. N.Y.: Harper & Brothers, 1882. P. 166.
 7. That Blessed Baby // *Godey's Lady's Magazine*. № 53. August 1856. P. 245; A Few Words About Delicate Women // *Ibid.* № 48. May 1854. P. 446–448.
 8. *Fowler O.S.* Op. cit. P. 844.
 9. Opium // *Godey's Lady's Magazine*. № 104. February 1892. P. ii.
 10. Sears, Roebuck Catalogue of 1902. Chicago: Sears, Roebuck, 1902. P. 454.
 11. Children in Modern Literature // *Appleton's Journal of Literature, Science and Art*. № 6. April 1869. P. 32.
 12. An Encyclopaedia of Cottage, Farm and Villa Architecture. L.: A. Spottiswoode, 1839. P. 350.
 13. Children's Corner // *Ladies Home Journal*. № 21. February 1899. P. 142.
 14. Sears, Roebuck Catalogue of 1897... P. 142.
 15. A Morning Calls // *The Nursery: A Monthly Magazine for Youngest Readers* (Boston: John L. Shorey). № 20. January 1876. P. 29; Bob and Baby // *The Nursery*. № 19. March 1875. P. 83; Baby's Exploits // *The Nursery*. № 22. December 1877. P. 173–176.
 16. *White G.* European and American Dolls. N.Y.: Crescent Books, 1966. P. 254.
 17. *Wells R.G.* Manners, Culture and Dress of the Best American Society. Springfield, Mass.: King, Richardson, 1890. P. 423.
 18. Hints for the Improvement of Early Education and Nursery Discipline. Philadelphia: John H. Putnam, 1826. P. 83.
 19. *Child L.* Op. cit. P. 49.
 20. *American Matron*. Op. cit. P. 141; *Beecher C.E.* A Treatise on Domestic Economy. N.Y.: Harper & Bros., 1848. P. 232; *Spurzheim, Dr. E.* About

- the Food of Children // Godey's Lady's Magazine. № 46. March 1853. P. 214.
21. Just a Taste // Arthur's Ladies Magazine. № 28. July-December 1866. P. 176–178.
 22. Furniture Gazette. № 14. September 1870. P. 43.
 23. Ludwig Bauman & Co. Catalogue. N.Y.: Ludwig Bauman, 1890s. P. 362; Montgomery Ward Catalogue, 1887. Chicago: Montgomery Ward, 1887. P. 645; *Stickley G. Craftsman Homes*. N.Y.: Craftsman Publishing, 1909. P. 181.
 24. *Abbott E.A. Being Little in Cambridge* // *Wagenknecht E. (ed.). When I Was A Child*. N.Y.: E.P. Dutton, 1946. P. 167.
 25. *Manigault H.* Op. cit. P. 5.
 26. *Bright J.W. The Mother's Medical Guide: A Plain, Practical Treatise on Midwifery, and the Diseases of Women and Children in Seven Parts*. Louisville, Ky., 1844. P. 249.
 27. *Uncle Thomas. Christmas Blossoms, and New Year's Wreath for 1849*. Philadelphia: E.H. Butler, 1849. P. 130.
 28. *Miss Leslie. The House Book: A Manual of Domestic Economy for Town and Country*. Philadelphia: Carey & Hart, 1848. P. 323.
 29. *Havens C.E. Diary of a Little Girl in Old New York*. N.Y.: Henry Collins Brown, 1920. P. 12.
 30. *Ridgely E. Journal of Eliza Ridgely of Hampton, Maryland, 1841–1842*. Waldron Phoenix Belknap Memorial Library. H.F. du Pont Winterthur Museum. Winterthur, Del. P. 9–10, 15–16, 18–19.
 31. *Larcom L.* Op. cit. P. 147; *Mussey B. (ed.).* Op. cit. P. 30.
 32. *Bright J.W.* Op. cit. P. 249.
 33. Toilet Basket // Ladies Home Journal (Philadelphia). № 41. April 1899. P. 42.
 34. *Holt E.L. The Care and Feeding of Children*. N.Y.: D. Appleton, 1894, переиздано в: *The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809-1894. Rosenberg Ch.E. (ed.).* N.Y.: Arno Press, 1972. P. 12, 15.
 35. Montgomery Ward Catalogue. 1884. P. 81.
 36. The Upholsterer. № 6. Fall 1890. P. 72.

37. Среди каталогов, в которых продолжали помещать некоторые виды колыбелей, были C.N.Arnold & Co. Catalogue (1893), Ludwig Bauman & Co. Catalogue (1890s), Acme Co. Catalogue (1901).
38. В течение «Колониального ренессанса» колыбели были не только устаревшим предметом, ценным за вызываемые им исторические ассоциации. Интересное комплексное исследование этого феномена проделано Кристофером Монкхаусом: *Monkhouse C. The Spinning Wheel as Artifact, Symbol, and Source of Design // Victorian Furniture: Nineteenth Century. Vol. 8. No. 3, 1982. P. 153–172.*
39. *An Encyclopaedia of Cottage, Farm & Villa Architecture. L.: A. Spottiswoode, 1839. P. 35.*
40. Среди авторитетов, выступавших за отдельные комнаты для детей: *Bright J.W. Op. cit. P. 249; Miss Leslie. Op. cit. P. 323; Houghton W.R. American Etiquette and Rules of Politeness. N.Y.: Standard Publishing Co., 1883. P. 51; Children's Rooms // Ladies Home Journal. № 21. January 1899. P. 26; Wharton E. and Codman O., Jr. The Decoration of Houses. 1897. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1919. P. 182; Fowler O.S. Op. cit. P. 64; Roosevelt J.W. Hygiene in the Home // The House and Home. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1894. P. 283; Kellog A.M. Home Furnishing – Practical and Artistic. N.Y.: Frederick A. Stokes, 1904. P. 83.*
41. *Deweese W.P. Op. cit. P. 11.*
42. *Fowler O.S. Op. cit. P. 847.*
43. *Beecher C.E. Op. cit. P. 219.*
44. *Acme Co. Catalogue. 1901.*
45. *Cadogan W. Op. cit. P. 219.*
46. *Deweese W.P. Op. cit. P. 110.*
47. *Beecher C.E. Op. cit. P. 218; Bright J.W. Op. cit. P. 249.*
48. *Holt E.L. Op. cit. P. 110.*
49. *Dewing, Mrs. T.W. Op. cit. P. 164.*
50. *Alcott W. Op. cit. P. 272.*
51. *Houghton W.R. Op. cit. P. 51.*
52. *Wharton E. and Codman O., Jr. Op. cit. P. 182.*

53. *Fowler O.S.* A Home for All, or the Gravel Wall and Octagon Mode of Building. N.Y.: Fowler & Wells, 1853. P. 62–63.
54. *Neal J.* Children – What Are They? // *Godey's Lady's Magazine*. № 39. October 1849. P. 260–262.
55. *Sutherland K.* The Young Mother // *Ibid.* № 37. November 1848. P. 254.
56. *Walker A.* Intermarriage, or the Mode in Which, and the Causes Why, Beauty, Health, and Intellect, Result from Certain Unions, and Deformity, Disease and Insanity from Others. N.Y.: J. & H.G. Langley, 1839. P. 163, 354.
57. *Fowler O.S.* Op. cit. P. 76, 79, 764, 795, 808, 981.
58. *Scott J.F.* The Sexual Instinct: Its Use and Dangers as Affecting Heredity and Morals. N.Y.: E.B. Treat, 1899. P. 428.
59. *Fowler O.S.* Op. cit. P. 817.
60. Are We Womanizing? // *Appleton's Journal of Literature, Science and Art* (N.Y.). 2, 31 July 1868. P. 563–564; Table Talk // *Ibid.* № 3. September 1869. P. 122; Popular Fallacies Concerning Hygiene // *Ibid.* № 2. 14 August 1869. P. 625; Marriage Between Cousins // *Godey's Lady's Magazine* (Philadelphia). № 66. April 1863. P. 397–398; Hints About Health // *Ibid.* № 74. June 1867. P. 558; *Fowler O.S.* Op. cit. P. 76.
61. Wonderful Children // *Godey's Lady's Magazine*. № 51. September 1855. P. 209.
62. *Stowe H.B.* Oldtown Folks. Boston: Osgood & Co., 1869. P. 437.
63. *Shute D.K.* Heredity with Variation // *New England Medical Journal*. № 32. 11 September 1897. P. 46.
64. *Scott J.F.* Op. cit. P. 429.
65. *Ellis H.* Studies in the Psychology of Sex. Vol. 1. The Evolution of Modesty; The Phenomena of Sexual Periodicity. Philadelphia: F.A. Davis, 1924. P. 249.
66. *Walker A.* Op. cit. P. 89–90.
67. *Fowler O.S.* Op. cit. P. 891–892.
68. *Child L.* Op. cit. P. 153.
69. *Fowler O.S.* Op. cit. P. 896.

70. Ibid. P. 892–897.
71. *Holt E.L.* Op. cit. P. 64.
72. *Ellis H.* Op. cit. Vol. 1. P. 181, 235–238.
73. *Dewing Mrs. T.W.* Op. cit. P. 164; *Walker A.* Op. cit. P. 73, 77.
74. Fashions // *Godey's Lady's Magazine*. № 56. June 1858. P. 552; № 88. June 1873. P. 548; *Sears, Roebuck Catalogue of 1902*. P. 998; *Walker A.* Op. cit. P. 73.
75. *Walker A.* Op. cit. P. 74–75.
76. *The Workwoman's Guide*. L.: Simpkin, Marshall, 1840. P. 41.
77. *American Matron*. Op. cit. P. 148; *Buchan W.* Op. cit. P. 35; *Bright J.W.* Op. cit. P. 252.
78. Fashion // *Godey's Lady's Magazine*. № 46. May 1853. P. 381.
79. *Austin M.* The Walnut Tree // *Wagenknecht E. (ed.)*. When I Was A Child. N.Y.: E.P. Dutton, 1946. P. 386.
80. *Warner S.B., Jr.* Streetcar Suburbs: The Process of Growth in Boston, 1870–1900. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1962.
81. Babies // *Appleton's Journal of Literature, Science and Art*. № 2. April 1869. P. 12.
82. *Panton J.E.* Op. cit. P. 192; *Roosevelt J.W.* Op. cit. P. 282; *The Upholsterer*. № 6. Fall 1890. P. 116.
83. Good Night Papa // *The Nursery: A Monthly Magazine for Youngest Readers* (Boston: John L. Shorey). № 25. March 1879.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. *Mather C.* Diary of Cotton Mather // *Massachusetts Historical Society Collection*. Vol. 7. No. 8.
2. *Fischer D.H.* Growing Old in America. N.Y.: OUP, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Acme Company*. General Catalogue No. 3: Everything in Furniture. Chicago: Acme Co., 1901.
- Adams Ch. (ed.)*. Memoirs of John Quincy Adams. Philadelphia: J.B. Lipincott, 1874.
- Alcott L.M.* An Old-Fashioned Girl. N.Y.: A.L. Burt, 1912.
- Alcott W.* The Young Mother or Management of Children in Regard to Health. Boston: George W. Light, 1839.
- An American Matron*. The Maternal Physician: A Treatise on the Nurture and Management of Infants From Birth Until Two Years Old. 2d ed. Philadelphia: Clark & Roser, 1818.
- Arnold C.N. & Co.* Illustrated Catalogue of Chairs. Poughkeepsie, N.Y.: C.N. Arnold, 1880.
- Arthur T.Sh.* Ten Nights in a Barroom, and What I Saw. Boston: L.P. Crown, 1854; reprinted Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964.
- Artistic Homes or How to Furnish with Taste. London: Ward, 1881.
- Atkinson B.A. & Co.* Special Catalogue of Parlor Furniture. Boston, c. 1870.
- Bailey A.* Memoirs of Mrs. Abigail Bailey. Boston: Samuel Armstrong, 1815.
- Bayard M.* The Journal of Martha Bayard. Edited by S. Dodd. N.Y.: Dodd & Mead, 1894.

- Beale E.B.* The Diary of Edward Bates Beale. Edited by Howard Beale. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1933.
- Beecher C.E.* A Treatise on Domestic Economy. N.Y.: Harper & Bros., 1848.
- Book of Cuts, Designed for the Amusement and Instruction of Young People. N.Y.: Mahlon Day, 1826.
- Bottome E.S., Cove E.J.* American Samplers. Boston: Massachusetts Society of Colonial Dames of America, 1921.
- Boyington L.C., Manufacturer.* Illustrated Catalogue of Boyington's Automatic and Chiffonier Folding Beds. Chicago, 1885.
- Bright J.W.* The Mother's Medical Guide: A Plain, Practical Treatise on Midwifery, and the Diseases of Women and Children in Seven Parts. Louisville, Ky., 1844.
- Bruce Ph.A.* Economic History of Virginia in the Seventeenth Century. N.Y.: Macmillan, 1896.
- Bub & Kipp's New Illustrated Catalogue of Upholstered Furniture. Milwaukee, Wis., 1887.
- Buchan W.* Advice to Mothers, on the Subject of Their Own Health; and of the Means of Promoting the Health, Strength, and Beauty of Their Offspring. Philadelphia: Joseph Bumstead, 1809.
- Burnett F.H.* Little Lord Fauntleroy. Serialized in "St. Nicholas: An Illustrated Magazine for Young Folks". Vols. 12 and 13. 1886. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1889.
- Butterfield L.H. (ed.).* The Book of Abigail and John: Selected Letters of the Adams Family, 1762-1784. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975.
- Byron J.* Photographs of New York Interiors at the Turn of the Century. N.Y.: Dover, 1976.
- Cadogan W.* An Essay Upon Nursing and the Management of Children, From Their Birth to Three Years of Age. L.: Robert Horsfield, 1769.
- Carter L.* The Diary of Colonel Landon Carter of Sabine Hall, 1752-1778. Vols. 1 and 2. Edited by Jack Green. Charlottesville: The UP of Virginia, 1965.

- Channing E.* The Life of William Ellery // The Library of American Biography: The Lives of William Pinkney, William Ellery, and Cotton Mather. Edited by Jared Sparks. Boston: Hilliard, Gray, 1836.
- Chastellux, Marquis de.* Travels in North America in the Years 1780, 1781, and 1782. Translated by Howard Rice. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1963.
- Cheney E. (ed.).* Life, Letters and Journals of Louisa May Alcott. Boston: Roberts Brothers, 1889.
- Chesterfield, Earl of.* Letters to His Son on the Fine Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman. 1774; reprint N.Y.: Tudor Pub., 1954.
- Child L.* The American Frugal Housewife. Boston: Carter, Hendee & Co., 1835.
- Child L.* The Mother's Book. Boston: Carter & Hendee, 1831.
- Condorcet, Marquis de.* Outline of an Historical View of the Progress of the Human Mind. Paris, 1795.
- Cooper H.J.* The Art of Furnishing on Rational and Aesthetic Principles. N.Y.: Henry Holt, 1881.
- Crane R.* The Ross Crane Book of Home Furnishings and Decoration. N.Y., c. 1880.
- Cuff H.* The Differences of the Ages of Man's Life: Together with the Original Causes, Progress and End Thereof. L.: T. Harper, 1640.
- Dewees W.P.* A Treatise on the Physical and Medical Treatment of Children. Philadelphia: Carey & Lea, 1832.
- Dewing, Mrs. T.W.* Beauty in the Household. N.Y.: Harper & Brothers, 1882.
- Dickens Ch.* Oliver Twist. 1838. Repr. Philadelphia: Henry Altemus, 1900.
- Drinker E.* Extracts from the Journal of Elizabeth Drinker. Edited by Henry Beale. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1889.
- Eberle J.* A Treatise on the Diseases and Physical Education of Children. Cincinnati, Ohio: Corey and Fairbank, 1834.
- Edis R.W.* Decoration and Furniture of Town Houses. London: C. Kegan Paul, 1881.

- Edwards R.* Early Conversation Pictures from the Middle Ages to About 1730. London: Country Life Ltd., 1954.
- Ellis H.* Studies in the Psychology of Sex. Vol. 1. The Evolution of Modesty; The Phenomena of Sexual Periodicity. Philadelphia: F.A. Davis, 1924.
- Emerson R. W.* Nature: Address and Lectures. Boston: Houghton, Mifflin and Co., 1885.
- An Encyclopaedia of Cottage, Farm & Villa Architecture. L.: A. Spottiswoode, 1839.
- Fairfax S.* Diary of a Little Colonial Girl // Virginia Magazine of History and Biography. Vol. 11. P. 212–214.
- A Father. The Play-house and Workshop. N.Y.: Edward Kearney, 1839.
- Fithian Ph. V.* Philip Vickers Fithian: Journal and Letters, 1767–1774. Edited by John Rogers Williams. Princeton, N.J.: Princeton University Library, 1900.
- Foegne M., Anderson J.* Child Care and Training. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1929.
- Forrester F. [Rev. Daniel Wise].* Minnie's Playroom: or How to Practice Calisthenics. Boston: Geo. C. Rand, 1854.
- Fowler O.S.* A Home for All, or the Gravel Wall and Octagon Mode of Building. N.Y.: Fowler & Wells, 1853.
- Fowler O.S.* Creative and Sexual Science: or Manhood, Womanhood, and Their Mutual Interrelations; Love, Its Laws, Powers, etc.; A Mutual Adaptation: Courtship, Married Life, and Perfect Children. Philadelphia: The National Publishing Co., 1870.
- Froebel F.* Mother-Play and Nursery Songs. Translated from the German. Boston: Lee and Sheppard, 1878.
- Frohne H., Jackson A., Jackson B.* Color Schemes for the Home and Model Interiors. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1919.
- Ham E.* Elizabeth Ham: 1783–1820. L.: G. Brendon, 1945.
- Hamilton A.* Gentleman's Progress: The Itinerarium of Dr. Alexander Hamilton. Edited by Carl Bridenbaugh. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973.
- Harcourt, Mrs. Charles.* Good Form for Women. Philadelphia: John C. Winston, 1907.

- Harland M.* Common Sense in the Nursery. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1885.
- Havens C.E.* Diary of a Little Girl in Old New York. N.Y.: Henry Collins Brown, 1920.
- Hints for the Improvement of Early Education and Nursery Discipline. Philadelphia: John H. Putnam, 1826.
- The History of Little Goody Twoshoes. L., 1765; repr. L.: G.K. Hall, 1969.
- Hitchcock D.D.* Memories of the Bloomsgrove Family. Boston: Thomas & Andrews, 1790.
- Holland J.G.* Arthur Bonnicastle; An American Novel. N.Y.: Scribner, 1873.
- Holloway E.S.* The Practical Book of Furnishing the Small House and Apartment. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1922.
- Holt E.L.* The Care and Feeding of Children. N.Y.: D. Appleton, 1894. Reprinted in: The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809–1894. Edited by Ch.E. Rosenberg. N.Y.: Arno Press, 1972.
- Hone Ph.* The Diary of Philip Hone. N.Y.: Library Editions, 1970.
- Houghton W.R.* American Etiquette and Rules of Politeness. N.Y.: Standard Publishing Co., 1883.
- Hutchinson S.* Letters of Sara Hutchinson. Edited by Kathleen Coburn. Toronto: University of Toronto, 1954.
- Irving W.* Diedrich Knickerbocker's History of New York. 1809. Reprinted N.Y.: Heritage Press, 1940.
- Jennings H.J.* Our Homes and How to Beautify Them. London: Harrison & Sons, 1902.
- Jones, Mrs. C.S., Henry T.W.* Beautiful Homes — How to Make Them. N.Y.: Henry Allen, 1885.
- Kellogg A.M.* Home Furnishing — Practical and Artistic. N.Y.: Frederick A. Stokes, 1904.
- Lamb Ch.* [Mrs. Leicester, pseud.]. Going into Britches // Mrs. Leicester's School. L.: Juvenile Library, 1809.
- Larcom L.* A New England Girlhood. 1889. Repr.: Boston: Houghton Mifflin, 1924.

- Leslie, Miss.* The House Book: A Manual of Domestic Economy for Town and Country. Philadelphia: Carey & Hart, 1848.
- Locke J.* Some Thoughts Concerning Education. L., 1693; repr. N.Y.: P.F. Colier, 1910.
- Ludwig Bauman & Co.* Catalogue. N.Y.: Ludwig Bauman, 1890s.
- Manigault H.* The Diary of Harriet Manigault, 1813–1816. Rockland, Maine: Maine Coast Printers, 1976.
- Moberly, Mrs.* The Art of Conversation. N.Y.: Wilson & Co., 1902.
- Montgomery Ward Catalogue:* World's Fair Edition, 1893. Chicago: Montgomery Ward, 1893.
- Mussey B. (ed.).* Yankee Life by Those Who Lived It. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1947.
- Nivelson F.* Rudiments of Genteel Behavior. London, 1737.
- Our Boys and Girls at Home: Stories and Poems and Pictures For Young Readers.* N.Y.: W.B. Conkey, 1895.
- Panton J.E.* From Kitchen to Garret. L.: Ward & Downey, 1893.
- Peabody and Whitney Annual Catalogue of Children's Carriages.* Boston, 1894.
- The Poetic Gift or Alphabet in Rhyme.* New Heaven, Conn.: S. Babcock, 1828.
- Raleigh W.* The History of the World in Five Books. L.: T. Basset, 1694.
- Read M.* The Mothercraft Manual. Boston: Little, Brown & Co., 1916.
- Richards C.C.* Village Life in America. N.Y.: Henry Holt & Co., 1913.
- Richardson S.* Pamela: or Virtue Rewarded. L.: F. Newbury, 1769.
- Rolfe A.* Interior Decoration for the Small Home. N.Y.: Macmillan, 1926.
- Roosevelt J.W.* Hygiene in the Home // The House and Home. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1894.
- Rousseau J.-J.* Emile, or on Education. (1st ed. 1762.) L.: J.M. Dent, 1911.
- Ruhrah J. (ed.).* Pediatrics of the Past. N.Y.: Paul B. Hoeber, 1925.
- Scott J.F.* The Sexual Instinct: Its Use and Dangers as Affecting Heredity and Morals. N.Y.: E.B. Treat, 1899.
- Sears, Roebuck Catalogue of 1897.* Edited by Fred L. Israel. N.Y.: Chelsea House, 1968.

- Sears, Roebuck Catalogue of 1902. Chicago: Sears, Roebuck, 1902.
- The Servant's Guide and Family Manual. London: John Lurnbird, 1830.
- Smith J.T.* Nollekins and His Times. L.: Windle, 1828.
- Spenser E.* The Faerie Queene. L.: H. Hills, 1678.
- Starr L.* Hygiene in the Nursery. 1871; 7th ed. Philadelphia: P. Blakiston's Sons, 1906.
- Steele, Sir Richard.* The Tatler. L.: John Hopkins, 1710.
- Stevenson R.L.* Dr. Jekyll and Mr. Hyde. L.: Collins, 1886.
- Stickley G.* Craftsman Homes. N.Y.: Craftsman Publishing, 1909.
- Stowe H.B.* Oldtown Folks. Boston: Osgood & Co., 1869.
- Stowe H.B.* Uncle's Tom Cabin. L.: Clarke & Co., 1852.
- Struve R.* The Domestic Education of Children. Philadelphia, 1802.
- Throop L.A.* Furnishing the Home of Good Taste. N.Y.: Robert McBride, 1920.
- Uncle Thomas.* Christmas Blossoms, and New Year's Wreath for 1849. Philadelphia: E.H. Butler, 1849.
- Wagenknecht E. (ed.).* When I Was a Child. N.Y.: E.P. Dutton, 1946.
- Walker A.* Intermarriage, or the Mode in Which, and the Causes Why, Beauty, Health, and Intellect, Result from Certain Unions, and Deformity, Disease and Insanity from Others. N.Y.: J. & H.G. Langley, 1839.
- Wells R.G.* Manners, Culture and Dress of the Best American Society. Springfield, Mass.: King, Richardson, 1890.
- West, Mrs. Max.* Prenatal Care. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, for the U.S. Department of Labor, Children's Bureau, 1915.
- Wharton E., Codman O., Jr.* The Decoration of Houses. 1897. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1919.
- Whitney, Mrs. A.D.T.* Hitherto: A Story of Yesterdays. Boston: Loring, 1869.
- Whitney, Mrs. A.D.T.* Real Folks. Boston: James R. Osgood, 1872.
- F.A. Whitney Carriage Co.: F.A. Whitney Go-Carts and Baby Carriages. Leominster, Mass.; F.A. Whitney, 1902.
- Wiggin K.D.* The Training of Children // The House and Home. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1894.

- Wilde O.* The Picture of Dorian Gray. L.: Ward & Locke, 1891.
The Workwoman's Guide. L.: Simpkin, Marshall, 1840.
Wright R. Inside the House of Good Taste. N.Y.: Robert McBride, 1918.

РУКОПИСИ

- Byrd W.* Diary. University of North Carolina, Davis Library, Chapel Hill.
Carter L. Diary. University of Virginia Library, Charlottesville.
Pemberton J. Diary. Historical Society of Pennsylvania, Philadelphia.
Ridgely E. Journal. Waldron Phoenix Belknap Memorial Library, H.F. du Pont Winterthur Museum, Winterthur, Del.
Young Lady of Virginia. Journal. Waldron Phoenix Belknap Memorial Library, H.F. du Pont Winterthur Museum, Winterthur, Del.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XIX ВЕКА

- American Cabinet Makers and Upholsterers.* N.Y.
Appleton's Journal of Literature, Science and Art. N.Y.: D. Appleton & Co.
The Atlantic Monthly: A Magazine of Literature, Arts, and Politics. Boston: Phillips, Sampson & Co.
Babyland. Boston: D. Lothrop & Co.
Craftsman Magazine. Syracuse, N.Y.: Craftsman Publishers.
The Delineator: A Journal of Fashion, Culture and Fine Arts. N.Y.: Butterick Publishing Co.
Godey's Lady's Magazine. Philadelphia: Godey Publishing Co.
Good Housekeeping. N.Y.: Good Housekeeping Co.
Harper's New Monthly Magazine. N.Y.: Harper & Co.
House Beautiful. N.Y.: House Beautiful Co.
Ladies Home Journal. Philadelphia: Ladies Home Journal Co.
The Nursery: A Monthly Magazine for Youngest Readers. Boston: John L. Shorey.
Peterson's Ladies National Magazine. Philadelphia: Charles Peterson.
St. Nicholas: An Illustrated Magazine for Young Folks. N.Y.: The Century Co.
The Upholsterer. N.Y.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ames K.* Material Culture as Verbal Communication: A Historical Case Study // *Journal of American Culture*. No. 3. Winter 1980.
- Ariès Ph.* Centuries of Childhood. A Social History of Family Life. Translated by Robert Baldick. N.Y.: Vintage Books, 1962. Рус. пер.: *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
- Avery G.* Nineteenth-Century Children Heroes and Heroines in English Children's Stories, 1780–1900. N.Y.: Hodder & Stoughton, 1965.
- Axtell J.* The School Upon the Hill Education and Society in Colonial New England. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1974.
- Beales R.W.* In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // *American Quarterly*. No. 27. 1963.
- Belknap W.Ph., Jr.* American Colonial Painting: Materials for a History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
- Benes P.* Family and Children: Annual Proceedings of the Dublin Seminar for New England Folklife. Boston: Boston University Press, 1986.
- Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.
- Bremner R.* Children and Youth in America. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.
- Brobeck S.* Images of the Family: Portrait Paintings as Indices of American Family Culture, Structure, and Behavior, 1710–1860 // *Journal of Psychohistory*. Pp. 81–106.
- Brooke I.* English Children's Costume since 1775. London: A & C Black, 1930.
- Buck A.* Dress in Eighteenth-Century England. L.: B.T. Batsford, 1979.
- Cable M.* The Little Darlings: A History of Childrearing in America. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1975.
- Calvert K.* Children in American Portraiture, 1670 to 1810 // *William and Mary Quarterly*. No. 39. Pp. 33–63.
- Calvert K.* Cradle to Crib: The Revolution in Children's Furniture // *A Century Childhood, 1820–1920*. Rochester, N.Y.: Margaret Woodbury Strong Museum, 1984.

- Carter L.* The Diary of Colonel Landon Carter of Sabine Hall, 1752–1778. Vols. 1 and 2. Edited by Jack Green. Charlottesville: The University Press of Virginia, 1965.
- Chew S.C.* The Pilgrimage of Life. New Haven: Yale UP, 1962.
- Clegg A., Megson B.* Children in Distress. Harmondsworth: Penguin Books, 1968.
- Cleverly J., Phillips I.* From Locke to Spock. Melbourne: Melbourne University Press, 1976.
- Cott N.F.* The Bonds of Womanhood: “Women’s Sphere” in New England, 1780–1835. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1978.
- Cunnington Ph., Buck A.* Children’s Costume in England: 1300 to 1900. N.Y.: Barnes & Noble, 1965.
- Darton F.J.H.* Children’s Books in England. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Davis G.* Childhood and History in America. N.Y.: The Psychohistory Press, 1976.
- deMause L. (ed.)*. The History of Childhood. L.: Souvenir Press, 1976.
- Demos J.* A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N.Y.: Oxford University Press, 1970.
- Demos J.* Remarkable Providences: 1600–1760. N.Y.: George Braziller, 1972.
- Donegan J.* Hydropathic Highway to Health: Women and Water-Cure in Antebellum America. N.Y.: Greenwood Press, 1986.
- Earle A.M.* Child Life in Colonial Days. N.Y.: Macmillan, 1899.
- Earle A.M.* Two Centuries of Costume in America. N.Y.: Macmillan, 1903.
- Erikson E.* Childhood and Society. N.Y.: W.W. Norton, 1963.
- Finley R.* The Lady of “Godey’s”: Sarah Josepha Hale. Philadelphia: Lipincott, 1931.
- Fletcher D.H.* Privacy in Colonial New England. Charlottesville: University Press of Virginia, 1972.
- Forsyth I.* Children in Early Medieval Art: Ninth through Twelfth Centuries // Journal of Psychohistory. Vol. 4. No. 1. Pp. 31–79.
- Fritsch K.E., Bachmann M.* An Illustrated History of German Toys. N.Y.: Hastings House, 1978.

- Gloag J.* Victorian Comfort – A Social History of Design from 1830 to 1900. London: Adam & Charles Black, 1961.
- Greven Ph.* Four Generations: Population, Land, and Family in Colonial Andover, Mass. Ithaca, NJ: Cornell University Press, 1970.
- Greven Ph.* The Protestant Temperament: Patterns of Child-Rearing, Religious Experience, and the Self in Early America. N.Y.: Meridian, 1979.
- Hanawalt B.* Childrearing among the Lower Classes of Late Medieval England // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–22.
- Hareven T.* The History of the Family as an Interdisciplinary Field // The Family in History. Edited by Theodore Rabb and Robert Rotberg. N.Y.: Harper & Row, 1973.
- Hartman M.S.* Child Abuse and Self-Abuse: Two Victorian Cases // History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory. Vol. 2. No. 2. Pp. 221–249.
- Helmoltz R.H.* Infanticide in the Province of Canterbury during the Fifteenth Century // History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory. Vol. 2. No. 2. Pp. 379–390.
- Hoffer P.C., Hull N.E.H.* Murdering Mothers: Infanticide in England and New England. N.Y.: New York University Press, 1981.
- Hoffert S.* Private Matters: American Attitudes toward Childbearing and Infant Nurture in the Urban North, 1800–1860. N.Y.: Oxford University Press, 1989.
- Hoyles M.* Childhood in Historical Perspective // Changing Childhood. Edited by Martin Hoyles. London: Writers and Readers Publishing Cooperative, 1981. Pp. 16–29.
- Hunt D.* Parents and Children in History: The Psychology of Family Life in Early Modern France. N.Y.: Basic Books, 1970.
- Husband T.* The Wild Man: Medieval Myth and Symbolism. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1980.
- Illick J.E.* Child-rearing in Seventeenth-Century England and America // The History of Childhood. Edited by Lloyd deMause. London: Souvenir Press, 1976.

- Johnson P.E.* A Shopkeeper's Millennium: Society and Revivals in Rochester N.Y., 1815–1837. N.Y.: Hill and Wang, 1978.
- Kern S.* Explosive Intimacy: Psychodynamics in the Victorian Family // History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory. Vol. 1. No. 3. Pp. 437–463.
- Kett J.* Rites of Passage: Adolescence in America, 1790 to the Present. N.Y.: Basic Books, 1977.
- Kiefer M.M.* American Children through Their Books, 1700–1835. Philadelphia: University Press of Pennsylvania, 1948.
- King C.E.* The Collector's History of Dolls. N.Y.: Bonanza Books, 1977.
- Kunicov R.* Mr. Godey's Ladies. Princeton, NJ: Pyne Press, 1971.
- Laslett P.* The World We Have Lost. London: Souvenir Press, 1971.
- Laslett P., Wall R. (eds).* Household and Family in Past Time. Cambridge University Press, 1972.
- Lovejoy A.O.* The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea. Rev. ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. Рус. пер.: Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Lovell M.* Reading Eighteenth-Century American Family Portraits: Social Images and Self Images // Winterthur Quarterly. No. 22. 1988. Pp. 243–264.
- MacLeod A.* The Caddie Woodlawn Syndrome: American Girlhood in the Nineteenth Century // A Century of Childhood, 1820–1920. Rochester, NJ: Margaret Woodbury Strong Museum, 1984.
- MacLeod A.* A Moral Tale: Children's Fiction and American Culture, 1820–1860. Hamden, Conn.: Archon Press, 1975.
- McClintock I., McClintock M.* Toys in America. Washington, DC: Public Affairs Press, 1961.
- McClinton K.M.* Antiques of American Childhood. N.Y.: Clarkson Potter, 1970.
- McLanathan R.* The American Tradition in the Arts. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1966.

- McLaughlin M.* Survivors and Surrogates: Children and Parents from Ninth to the Thirteenth Centuries // *The History of Childhood*. Edited by Lloyd deMause. London: Souvenir Press, 1976.
- Marvick E.* The Character of Louis XIII: The Role of His Physician in Its Formation // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 4. No. 3. Pp. 347–374.
- Mergen B.* The Discovery of Children's Play // *American Quarterly*. Vol. 26. No. 4. Pp. 399–421.
- Mergen B.* Toys and American Culture: Objects as Hypotheses // *Journal of American Culture*. Vol. 3. No. 4. Pp. 743–751.
- Miller P. (ed.).* The Transcendentalists. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.
- Morgan E.* The Puritan Family: Religion and Domestic Relations in the Seventeenth Century. Boston: Trustees of the Public Library, 1944.
- Muir P.* English Children's Books, 1600 to 1900. London: B.T. Batford, 1954.
- Pinchbeck I., Hewitt M.* Children in English Society. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.
- Plumb J.H.* The New World of Children in Eighteenth-Century England // *Past and Present*. No. 67. Pp. 64–93.
- Pollock L.* Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1590 to 1900. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Rabb T., Rotberg R. (eds).* The Family in History. N.Y.: Harper & Row, 1973.
- Robertson P.* Home as a Nest: Middle-Class Childhood in Nineteenth-Century Europe // *The History of Childhood*. Edited by Lloyd deMause. London: Souvenir Press, 1976.
- Rosenberg Ch.E.* The Family in History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975.
- Rosenberg Ch.E. (ed.).* The Physician and Child-Rearing: Two Guides, 1809–1894. N.Y.: Arno Press, 1972.
- Rothman D.* Documents in Search of a Historian: Toward a History of Childhood and Youth in America // *The Family in History*. Edited by Theodore Rabb and Robert Rotberg. N.Y.: Harper & Row, 1973.

- Schnucker R.V.* The English Puritans and Pregnancy, Delivery, and Breastfeeding // The History of Childhood Quarterly. No. 1. Pp. 637-658.
- Scholten C.* Childbearing in American Society: 1650-1850. N.Y.: New York University Press, 1985.
- Shorter E.* The Making of the Modern Family. London: William Collins, 1976.
- Slater P.G.* Children in the New England Mind in Death and in Life. Hamden, Conn.: Archon Books, 1977.
- Smith D.B.* Inside the Great House: Planter Family Life in Eighteenth-Century Chesapeake Society. Charlottesville: University Press of Virginia, 1980.
- Stannard D.* Death and the Puritan Child // American Quarterly. No. 26. Pp. 456-76.
- Stone L.* The Family, Sex, and Marriage in England, 1500-1800. London: Weidenfeld & Nicholson, 1977.
- Sutton-Smith B.* Toys for Object and Role Mastery // Educational Toys in America: 1800 to the Present. Edited by Karen Hewitt and Louise Roomet. Burlington, Vt.: Robert Hull Fleming Museum, 1979.
- Trumbach R.* The Rise of the Egalitarian Family. N.Y.: Academic Press, 1978.
- Tuan Yi-Fu.* Segmented Worlds and Self: Group Life and Individual Consciousness. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Warner S.B., Jr.* The Private City: Philadelphia in Three Periods of its Growth. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1968.
- White G.* European and American Dolls. N.Y.: Crescent Books, 1966.
- Willett C., Cunningham Ph.* A Picture History of English Costume. London: Vista Books, 1969.
- Wilson A.* The Infancy of the History of Childhood: An Appraisal of Philippe Ariès // History and Theory. No. 19. Pp. 132-154.
- Wishy B.* The Child and the Republic: The Dawn of Modern American Child Nurture. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1968.
- Wrigley E.A.* Reflections on the History of the Family // Daedalus. № 106. Pp. 71-85.

Zirkle C. The Early History of the Idea of Inheritance of Acquired Characteristics and Pangenesis // Transactions of the American Philosophical Society. No. 35. January 1946. Pp. 91–151.

Zuckerman M. Peaceable Kingdoms: New England Towns in the Eighteenth Century. N.Y.: Random House, 1970.

Zuckerman M. An Amusement in This Silent Country: The Family Life of William Byrd. Unpublished manuscript, 1979.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ЧАСТЬ 1. НЕДОРАЗВИТЫЙ ВЗРОСЛЫЙ: 1600–1750	29
Глава 1. Выпрямленный ребенок: одежды для пеленания и табуреты для ходьбы	
Пеленание.....	31
Мебель	43
Глава 2. Зависимость: детские платяица и игрушки	
Платяица	61
Игрушки	74
ЧАСТЬ 2. ЕСТЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК: 1750–1830.....	83
Глава 3. Наука, ледяная вода, свежий воздух и успокоительный сироп	
Детство и наука	85
Отказ от пеленания.....	94
Отказ от мебели.....	99
Слуги и сладкий сироп.....	109
Глава 4. Детство, отрочество, юность	
«Скелет» и муслиновое платье	117
Образы семьи	129
ЧАСТЬ 3. НЕВИННЫЙ РЕБЕНОК: 1830–1900.....	139
Глава 5. Бесполоая одежда, а также игрушки для мальчиков и девочек	
Бесполоая одежда	141
Игрушки для мальчиков и девочек.....	160
Глава 6. Ограды и витрины: мебель сдерживающая и выставяющая напоказ	
Сдерживающая мебель	175
Мебель, выставяющая напоказ.....	208
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	217
ПРИМЕЧАНИЯ	225
БИБЛИОГРАФИЯ.....	253

Илл. 1. Неизвестный художник. Миссис Фрик с дочерью Мэри. Массачусеттс, 1674. Музей искусств в Уорчестере

*Илл. 2. Табурет для ходьбы. Америка, XVII в.
Воспроизводится с любезного разрешения
Bernard & S. Dean Levy, Inc., New York City*

*Илл. 3. Неизвестный художник. Дэвид, Джоанна
и Абигайль Мейсон. Массачусеттс, 1670.
Сан-францисский музей изобразительных искусств*

Илл. 4. Джон Дьюранд.
Кэтрин Бикман.
Нью-Йорк, ок. 1766.
Нью-йоркское истори-
ческое общество

Илл. 5. Неизвестный
художник.
Роберт Гиббс.
Массачусеттс, 1670.
Бостонский музей
изобразительных искусств

Илл. 6.
Джерардус Дайкинк (?).
Де Пейстер с ланью.
Нью-Йорк, ок. 1730–1735.
Нью-йоркское истори-
ческое общество

Илл. 7. Джон Синглтон Копли. Братья и сестры Кристофера Гора.
Массачусеттс, 1753. Музей Г.Ф. Дюпонта, Винтертур

Илл. 8. Ральф Эрл. Полковник Бенджамин Толмадж с сыном Уильямом. Коннектикут, ок. 1790. Личфилдское историческое общество

Илл. 9. Ральф Эрл. Миссис Бенджамин Толмадж с детьми
Генри (3 года) и Марией (1 год). Коннектикут, ок. 1790.
Личфилдское историческое общество

Илл. 10.
 Высокий детский стул из клена.
 Новая Англия, ок. 1700–1730.
 С разрешения Bernard & S. Dean
 Levy, Inc., New York City

Илл. 11. Ральф Эрл (?). Семья Ангуса Никельсона.
 Новая Англия, ок. 1790.
 Спрингфилдский музей изобразительных искусств

Илл. 12. Джон Волластон. Манн Пейдж с сестрой Элизабет. Вирджиния, ок. 1757. Историческое общество штата Вирджиния

Илл. 13. А.Р. и Кеннет Лоуренс.
Фотография Янкерса, Нью-Йорк, 1893. Коллекция Карин Калверт

Илл. 14. Ребекка Ранк Смит и Хелен Роджерс Смит.
Фотография. Филадельфия, ок. 1885. Коллекция Карин Калверт

Илл. 15.
Одежда для мальчика.
Godey's Lady's Magazine,
август 1859.
Коллекция Карин Калверт

Илл. 16.
Пол Мерлин Корнелиус.
Фотография. Ридинг,
Пеннсилвания, ок. 1900.
Коллекция Карин Калверт

Илл. 17. Маленький лорд Фаунтлерой. Иллюстрация из журнала
St. Nicholas, июль 1886. Коллекция Карин Калверт

PROMENADE DRESS FOR BOY AND GIRL. (See illustration, page 169.)

Илл. 18. Прогулочная одежда для мальчика и для девочки.
Godey's Lady's Magazine, декабрь 1860. Коллекция Карин Калверт

Илл. 19. Маленькая девочка с куклой.
Ферротипия, ок. 1860. Коллекция Карин Калверт

Илл. 20. Маленький мальчик с фарфоровой куклой.
Канастота, штат Нью-Йорк, ок. 1865. Коллекция Карин Калверт

weight, 2 pounds. Price for springs only, per pair, 39c

Baby Jumpers.

This Jumper combines in one article a baby swing, reclining chair, crib and jumper; strong and large enough for a child six years old; child cannot fall out. Should the baby fall asleep while in the chair it can be adjusted to a crib without disturbing the child. It is light and simple, yet substantial and perfect.

No. 29R8 Baby Jumper, complete, with springs and cotton rope and hooks, with veneer seat and back, not upholstered. Shipping weight, 12 lbs. Price, each...\$1.23

No. 29R12 Baby Jumper, complete, with springs, rope and hooks, upholstered in cretonne, like cut. Shipping weight, 12 pounds. Price, each...\$1.75

Baby Jumper and Swing Combined.

Илл. 21. Прыгунки. Каталог Sears, Roebuck, 1897.
Коллекция Карин Калверт

Илл. 22.
 Малыш в песочнике.
 Фотография, ок. 1910.
 Коллекция Карин Калверт

Илл. 23. Новорожденный. Godey's Lady's Magazine,
 август 1845. Коллекция Карин Калверт

Илл. 24.
Детская коляска,
стилизованная под
фаэтон. «Красиво
расписанная,
сложно украшенная,
тщательно обитая
бархатом или шелком...
с противоударными
перильцами
и габаритными
фонарями».
Каталог компании
Whitney Carriage, 1879

Илл. 25.
Лакированная детская
коляска из тростника
бивкой бархатом красно-
кирпичного цвета под
парчу. Каталог компании
Whitney Carriage, 1902

*Илл. 26. Младенец в коляске. Фотография, ок. 1920.
Коллекция Карин Калверт*

Карин Калверт

**ДЕТИ В ДОМЕ:
материальная культура
раннего детства, 1600–1900**

*Редактор А. Красникова
Дизайнер обложки С. Кистенев
Корректор О. Семченко
Компьютерная верстка Е. Сяряя*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626
а/я 55,
тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: <http://www.nlo.nlobooks.ru>

Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 8,5. Тираж 2000. Зак. № 1880
Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:

«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.: (495)200-36-94

«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел.: (495)951-93-60

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.: (495)924-46-80

«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.: (495)332-47-28

«Гнозис» — Зубовский проезд, 2, стр. 1. Тел.: (495)247-17-57

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий Мост, 18

Тел.: (495)924-46-45

«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.: (495)238-50-01

«Москва ТД» — ул. Тверская, 8. Тел.: (495)797-87-17

Московский Дом книги — Новый Арбат, 8

(а также во всех остальных магазинах сети)

Тел.: (495)203-82-42.

«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) — Тверской бульвар, 25

Тел.: (495)202-86-08.

«Фаланстер» — Малый Пнездниковский пер., 12/27

Тел.: (495)504-47-95

«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.: (495)250-65-46

«Букбери» — Никитский б-р, 17. Тел.: (495)291-83-03

«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8 (м. Таганская-кольцевая)

Тел.: (495)915-11-45

Primus Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.: (495)951-93-60

Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.: (495)223-58-20

«Топ-книга». Тел.: (495)166-06-02

в Санкт-Петербурге:

Академкнига — Литейный пр., 57. Тел.: (812)230-13-28

Александрйская Библиотека — Наб. реки Фонтанки, 15

Тел.: (812) 310-50-36

Вита Нова — Менделеевская линия, 5. Тел.: (812)328-96-91

Книжная лавка писателей — Невский пр., 66. Тел.: (812)314-47-59

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке
Садовая ул., 20; Московский пр., 165 . Тел.: (812)310-44-87

Книжный салон – Университетская наб., 11
(магазин в фойе филологического факультета СПбГУ)
Тел.: (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» – Каменноостровский пр., 13
Тел.: (812)232-33-07

Культпросвет – Пушкинская ул., 10 или Лиговский пр., 53
Тел.: (812)572-11-30

Перемещенные ценности – ул. Колокольная, 1. Тел.: (812)713-21-74

Подписные издания. Литейный пр., 57. Тел.: (812)273-50-53

ОАО «Санкт-Петербургский Дом Книги» – Невский пр., 62
Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88

ООО «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера)
Невский пр., 28. Тел.: (812) 448-23-57

Фонотека Ул. Марата, 28. Тел.: (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

Дом книги – ул. А. Валека, 12. Тел.: (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» – Б. Покровская, 46. Тел.: (8312)31-64-71

в Ярославле:

ул.Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.: (0852)22-25-42

в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolero.ru

...тящем исследовании
Карин Калверт рассказывает об истории
американского детства, анализируя
изменения материальной культуры
XVII — XIX веков.

НЕДОРАЗВИТЫЕ ВЗРОСЛЫЕ,
СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ ПРИРОДЫ
ИЛИ НЕВИННЫЕ АНГЕЛОЧКИ?
КАК И ПОЧЕМУ МЕНЯЛОСЬ
ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ И ДЕТСТВУ?
КАК ЗА ДЕТЬМИ УХАЖИВАЛИ
И КАК ИХ ВОСПИТЫВАЛИ?

ISBN 978-5-86793-736-2

9 785867 937362